

Московский государственный университет
путей сообщения
Императора Николая II

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 1(60)

Январь-Февраль

Москва
2017

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор)
Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор),
Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор)
Минералов В.Ю. (к.соц.н.) Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: МГУ ПС (МИИТ), 2017. – Вып. №1 (60). – .148 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II

The editorial board

Marshak Arcadiy L'vovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich
Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Ur'evich Deputy Chief Editor,
Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir
Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy
Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Liliya
Valer'evna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.):
scientific and socio-cultural journal: M.: MGUPS (MIIT), 2017. – Edition
№1 (60). – 149 p.

The scientific and sociocultural magazine «P.O.I.S.K.» is included in the List of the leading peer-reviewed scientific journals and editions of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation by the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of February 19, 2010 No.6 / 6 (revised version dated October 22, 2010).

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Moscow State University of Railway Engineering of Emperor
Nicholas II (MIIT)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матая Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Dmitriev A.V.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kapto A.S.

Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Lebedev S.N.

Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Literature

Markovich Danilo

Academician, member of the Serbian Academy of Education, a foreign member of the Russian Academy of Education, Belgrade, Serbia

Marshak A.L.

Senior Researcher of Institute of Sociology, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

- Mironov A.V.** Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia
- Narbut N.P.** Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia
- Smolin O.N.** Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma
- Sosunova I.A.** Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor
- Chuprov V.I.** Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS, honored worker of science of the Russian Federation
- Shabrov O.F.** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

содержание

К ГОДОВЩИНЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

КСЕНОФОНТОВ В.Н.	Сталинградская битва: когнитивный анализ.....	10
------------------	---	----

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ВЕРЕЩАГИНА А.В.	Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в современной России.....	22
-----------------	--	----

ВОЛКОВ Ю.Г.	Солидаристские практики в контексте патриотизма в российском обществе: теоретико-методологические аспекты	33
-------------	---	----

ГОРБУНОВ А.А.	Человек, пространство и транспортные коммуникации: исторический опыт и перспективы.....	43
---------------	---	----

КРАВЧЕНКО С.А./ КОНОНОВ В.И.	(Не)Создание Европы: капитализм, солидарности, субъективности.....	51
---------------------------------	--	----

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ

ГОЛОУХОВА Д. В.	Трансформации городского пространства в информационную эпоху: возможности теории М. Кастельса для городского управления.....	62
-----------------	--	----

КОЛОДИНА А.А. ПУСЬКО В.С.	Становление современных ценностей культуры (роль семьи и высшей школы)	75
------------------------------	--	----

МАВРОПУЛО О.С.	Культура нездоровья в российском обществе: причины и специфика проявления	87
----------------	---	----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КУБЯКИН Е.О.	Экстремпарантность: внеполемический дискурс.....	97
--------------	--	----

ТАРАСОВ К.А.	Насилие в кино: латентное воздействие	108
--------------	---	-----

АСПЕКТЫ

АНИСТРАТЕНКО Т.Г.	Духовно-нравственное наполнение и мировоззренческий потенциал рефлексивного самоопределения личности/ Spiritual and moral content and ideological potential of self- reflexive.....	119
-------------------	---	-----

ДЕМЕНТЬЕВ С.А.	Информационный конструкт современного человека: социально-антропологический подход	129
----------------	--	-----

ПОПЛАВСКАЯ И.А.	Социальная структура российского общества в кризисном отражении	138
-----------------	---	-----

<i>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</i>		144
---------------------------------	--	-----

CONTENTS

TO THE ANNIVERSARY OF THE STALINGRAD BATTLE

KSENOFONTOV V.N	The battle of Stalingrad: a cognitive analysis.....	10
<i>POLITICS AND SOCIETY</i>		
VERESHAGINA A.V.	The resource potential of patriotism and peculiarities of its realization in modern Russia.....	22
VOLKOV JU.G	Solidaristic practices in the context of patriotism in Russian society: theoretical and methodological aspects.....	33
GORBUNOV A. A.	Human, space and transport communications: historical experience and perspectives.....	43
KRAVCHENKO S. A./ KONONOV V.I.	(Un)Making Europe (on the eve of the 13th Conference of the European Sociological Association.....	51
<i>QUESTIONS OF CULTURE</i>		
GOLOUHOVA D. V.	Transformation of urban space in the information age: theory M. Castells for urban management.....	62
KOLODINA A.A./ PUS"KO V.S.	The formation of modern cultural values (role of the family and high school).....	75
MAVROPULO O.S.	Culture of ill-health in the Russian society: causes and the specifics of its manifestation.....	87
<i>POINT OF VIEW</i>		
KUBJAKIN E.O.	Extremparantnost: out polemical discourse.....	97
TARASOV K.A.	Violence in cinema: latent effects.....	108
<i>ASPECTS</i>		
ANISTRATENKO T. G.	Spiritual and moral content and ideological potential of self- reflexive.....	119
DEMENT"EV S.A.	Information construct modern man: the socio-anthropological approach.....	129
POPLAVSKAJA I.A.	The social structure of Russian society in crisis reflection.....	138
<i>RULES OF PUBLICATION</i>		144

К ГОДОВЩИНЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

TO THE ANNIVERSARY OF THE STALINGRAD BATTLE

КСЕНОФОНТОВ

*Владимир Николаевич,
д. философ.н., профессор,
Университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия*

info@журналпоиск.рф

KSENOFONTOV

*Vladimir Nikolaevich
Doctor of philosophical
sciences, professor, Kutafin
Moscow State Law University
(MSAL) Moscow, Russia*

info@журналпоиск.рф

Сталинградская битва: когнитивный анализ/ The battle of Stalingrad: a cognitive analysis

Аннотация

В статье на основе исторического и логического дается анализ Сталинградской битвы как начала коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, раскрывается мужество и героизм воинов Красной Армии в ходе важнейшей стратегической операции.

Ключевые слова

Сражение; духовный фактор; Красная Армия; Г.К. Жуков; В.И. Чуйков; художественная литература; К.К. Рокоссовский; катастрофа; Советский Союз; США; крах Германии; воинское мастерство; оборона.

Abstract

In article on the basis of historical and logical analyses of the battle of Stalingrad as the beginning of radical change in the course of the great Patriotic war, and reveals the courage and heroism of the soldiers of the red Army during the most critical strategic transactions.

Keywords

A battle; a spiritual factor; the Red Army; Zhukov; V. I. Chuikov; fiction; K. K. Rokossovsky; disaster; Soviet Union; United States; collapse of Germany; military skill; defense.

В ожесточенных боях под Сталинградом советский народ и его Вооруженные силы одержали великую победу. Ликвидацией окруженных немецко-фашистских войск под Сталинградом завершилось самое упорное и продолжительное сражение Второй мировой войны. Победа Красной Армии в этой гигантской битве против фашизма приобрела всемирно-историческое значение. Осмысление ее характера и итогов представляет предмет анализа различных наук: истории, социологии, политологии, военной, психологии.

Вместе с тем битва под Сталинградом и победа в ней, достигнутая советским народом и его Красной Армией, могут быть рассмотрены под углом зрения философского подхода. Он может быть раскрыт через ряд ключевых положений.

Первое. Сражение под Сталинградом представляет собой крупную военно-стратегическую операцию Красной Армии в ходе Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны.

Вот как об этом писал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Битва в районе Сталинграда была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой за Москву. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года было уничтожено 32 дивизии и три бригады противника, остальные 16 дивизий потеряли от 50 до 75 процентов личного состава... Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии. Враг окончательно потерял стратегическую инициативу»¹.

Успешно проведенная операция по окружению 330-тысячной немецко-фашистской армии, хорошо оснащенной и вооруженной, убедительно показала возросший уровень ведения боевых действий советских войск.

Красная Армия в боях с немецкими войсками на Волге наносила удары стремительно, по наименее стойким частям и, что особенно важно, неожиданно для противника. Впоследствии бывший начальник штаба оперативного руководства при гитлеровской ставке генерал-полковник Йодль вынужденно признавал: «...Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М.: АПН, 1990. С. 355–356.

здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение...»¹

Прорыв Красной Армией осуществлялся на широком фронте во взаимодействии трех фронтов, каждый из которых наносил несколько одновременных ударов в разных направлениях.

В ходе наступления войска всех родов органично взаимодействовали. Пехота и артиллерия способствовали успешным действиям подвижных групп в глубину обороны врага, отвлекая на себя контратаки его резервов. Это давало свободу для маневра танковым и механизированным соединениям Красной Армии. Инженерные войска, обеспечившие продвижение пехоты, танков и артиллерии, в процессе боевых действий следовали вместе с ними или впереди них. В свою очередь авиация Красной Армии наносила удары по войскам, штабам, узлам связи, большим скоплениям техники врага, а также вела непрерывную воздушную разведку.

В период боев на улицах Сталинграда мужество и стойкость показали воины 62-й армии. В ходе ожесточенных сражений с германскими войсками им приходилось отбивать по 12 и более вражеских атак. Выбрав удобный момент, они сами контратаковали врага и наносили ему большие потери.

Ожесточенная борьба велась за каждый квартал, за каждую улицу, за каждый дом, а в домах – за этажи и комнаты, а затем и за развалины. Она требовала не только большой смелости и отваги, но и высокого боевого мастерства, сноровки, иных форм борьбы с врагом, чем в полевых условиях. Маршал Советского Союза В.И. Чуйков отмечал: «В своих контратаках мы отказались от наступления частями и даже большими подразделениями. К концу сентября во всех полках появилась сталинградская штурмовая группа – мелкая по численности, сильная ударом, неотразимая и изворотливая как змея. Объект, занятый фашистами, немедленно подвергался удару штурмовых групп. Фашисты редко выдерживали удар огня, тола, гранат, подкрепленный штыком и ножом воинов, входящих в состав штурмовых групп»².

В период Сталинградской битвы большое значение имели действия Волжской военной флотилии и Нижне-Волжского речного пароходства. Боеспособность частей Красной Армии в ходе боев за Сталинград полностью зависела от постоянной связи с левым берегом Волги.

¹ Протокольная запись опроса бывшего начальника штаба оперативного руководства при ставке верховного главнокомандования немецких вооруженных сил генерал-полковника Йодле Альфреда // Военно-исторический журнал. 1961. № 4. С. 89.

² Чуйков В.И. Начало пути. М.: Воениздат, 1959. С. 158.

Значительная работа по обеспечению войск в тяжелых боях на Волге вооружением, боевой техникой, боеприпасами, горючим, продовольствием и обмундированием и по эвакуации раненых и больных была проведена тыловыми частями и учреждениями. Только в период оборонительных сражений в городе на Волге войскам Сталинградского и Донского фронтов было доставлено 9898 тыс. снарядов и мин, значительное количество продовольствия и горючего.

Второе. Значительным слагаемым победы в Сталинградской битве явился духовный фактор. Он рельефно проявился в активной партийно-политической работе на всех фронтах в районе Сталинграда. Об этом достаточно убедительно сказал Г.К. Жуков «Значительную роль в успешном осуществлении разгрома вражеских войск, – писал он, – сыграла партийно-политическая работа военных советов, политорганов, партийных и комсомольских организаций и командования, воспитавших у воинов уверенность в своих силах, смелость, мужество и героизм при решении боевых задач»¹. Политическое обеспечение боевой учебы в период подготовки войск к наступлению стало определяющим в деятельности командиров и политработников всех степеней.

Росту боевого мастерства и формированию наступательного духа в войсках способствовала пропаганда успехов Красной Армии, особенно боевых действий частей и соединений под Сталинградом, подвигов лучших воинов. Так, во всех частях 57-й армии были проведены красноармейские собрания, в ходе которых отмечались примеры отваги и воинского мастерства, указывалось на необходимость следовать примерам героев в бою.

Значительную мобилизующую роль в духовной подготовке воинов в войсках под Сталинградом сыграли лекторы, агитаторы, пропагандисты. В докладах, лекциях и беседах они разъясняли цели и задачи Великой Отечественной войны, воспитывали у бойцов любовь к Родине и ненависть к врагу, раскрывали значение битвы под Сталинградом для исхода войны с германским фашизмом².

Важное значение в период подготовки контр наступления в Сталинградской битве придавалось политико-воспитательной работе в частях и подразделениях Красной Армии среди пополнения. Она проявилась, во-первых, в том, что командиры и политработники тепло встречали молодых солдат, рассказывали о положении на фронте, боевом пути части, в составе которых им предстоит сражаться. Во-вторых, каждому из молодых солдат в торжественной обстанов-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. М.: АПН, 1990. С. 356.

² См.: Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961. С. 232.

ке вручали боевое оружие, вдохновляя на проявление в боевых условиях стойкости и отваги. «Я бывший шахтер, – заявил красноармеец Сабир Баянов, – с честью выполнял задание быть ударником. Заверяю командование, что я с честью оправдаю звание гвардейца»¹.

Важное значение в системе духовного слагаемого победы в Сталинградской битве имела целеустремленная работа среди воинов нерусской национальности.

В политико-воспитательной работе среди воинов нерусской национальности использовались письма, которые приходили из родных мест. Они призывали воинов к стойкости и мужеству в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Огромный подъем вызвало в частях письмо бойцам-узбекам от узбекского народа. «Каждый орудийный залп, разящий врага под Сталинградом и на других фронтах, отдается радостью в нашем сердце... Не забывайте, за вами, как непоколебимый утес, стоим мы – весь узбекский народ, стар и млад, мужчины и женщины...»².

В свою очередь бойцы и командиры, ощущая трудовую и моральную поддержку народа, ковавшего оружие победы в тылу, обещали сражаться с врагом умело, мужественно и достойно. «...Мы, – писали воины Сталинградского фронта в одном из ответных писем трудящимся тыла, – считаем своим долгом перед Родиной не только остановить врага, но и разгромить его и освободить наши земли от фашистской тирании. С этими мыслями каждый день мы вступаем в бой...»³.

Несмотря на ожесточенные бои в районе Сталинграда, советские воины с большим чувством воспринимали и осознавали духовное воздействие литературы и искусства. Так, осенью 1942 г. А. Твардовский начал публиковать замечательную поэму «Василий Теркин». Обобщенный образ отважного и находчивого советского бойца находил живой отклик и понимание у воинов, сражающихся с немецкими войсками в районе Сталинграда.

Огромным успехом у воинов, защищавших город на Волге, пользовалось стихотворение К. Симонова «Жди меня», вселявшее в них любовь к родному человеку и веру в долгожданную встречу.

Лучшие песни в период Сталинградской битвы посвящались Родине, воспевали любовь к ней, верность воинов воинскому долгу, стремление скорее освободить советскую землю от фашистов.

В грозное лето 1942 г. появились «песни гнева», призывавшие красноармейцев к мужеству и активной борьбе с врагом. Среди них

¹ Архив МО СССР. Ф. 220. Оп. 486. Д. 34. Л. 331.

² Письмо бойцам-узбекам от узбекского народа // Правда. 1942. 31 октября.

³ Правда. 1942. 6 ноября.

были «Я вернусь к друзьям» («Песня мщения») В. Соловьева-Седого, «Ветер студеный» А. Новикова, «Песня о Днепре» М. Фрадкина и др.

Большую популярность в тот период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками завоевали у советских воинов брошюры серии «Из фронтовой жизни», а также брошюры о великих людях нашей Родины, о полководцах Александре Невском, Суворове, Кутузове и др. В 1942 г. историки нашей страны выпустили в свет «Документы о героической обороне Царицына в 1918 г.», которые использовались в политико-воспитательной работе в частях и подразделениях Красной Армии, сражающихся в районе Сталинграда.

В общей борьбе с врагом почетное место принадлежало отечественным художникам. В 1942 г. широкую известность получили плакаты Н. Жукова «Бей насмерть!», В. Иванова и О. Буровой «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!», В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!». Плодотворно трудились и военные художники студии имени М.Б. Грекова. Так, осенью 1942 г. группа художников-грековцев выехала в Сталинград. Несмотря на тяжелые условия для работы, им удалось сделать много карандашных, а также акварельных рисунков и эскизов. Художники студии следовали в рядах армии от Волги до Берлина. «Это ценные документы, – писали воины в своих отзывах о художниках и их картинах. Пройдут годы, и по этим рисункам мы будем вспоминать наши славные походы против хищного зверя... Художники – желанные гости в траншеях, они наши боевые товарищи»¹.

Третье. Результаты Сталинградской битвы оказали воздействие на всех фронтах Второй мировой войны.

Благодаря последствиям сражения на Волге были созданы благоприятные условия для активизации действий англо-американских войск. На смену череды поражений и неудач, которые сопутствовали действиям западных союзников на фронтах в 1939–1942 гг., пришла полоса их успехов.

Сталинградская победа также способствовала укреплению взаимоотношений и военного сотрудничества между государствами антифашистской коалиции, усиливала международный авторитет Советского Союза как ее ведущей силы. В сложившихся военно-политических обстоятельствах еще в большей степени укрепилось чувство уважения народов США и Англии к советскому народу и Красной Армии.

Народы этих стран восхищались героической победой, которая повернула ход войны и всей истории, и были благодарны советскому народу за тот подвиг, который он совершил под Сталинградом во

¹ Искусство. 1950. № 2. С. 73.

имя человеческой цивилизации. Закономерно, что на данное обстоятельство в свое время обратили пристальное внимание руководители союзных государств – США и Англии. Так, в ноябре 1943 г. в период проведения конференции руководителей трех союзных держав в Тегеране премьер-министр Великобритании У. Черчилль передал Председателю Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталину почетный меч – дар короля Великобритании Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование победы над немецко-фашистской армией. Несколько позднее, в мае 1944 г., президент США Ф. Рузвельт прислал Сталинграду грамоту, в которой выражал искреннее восхищение американского народа героизмом советских людей, отстаивающих и защищавших Сталинград. Он писал: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 г. по 31 января 1943 г. будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных наций против сил агрессии»¹.

Нелишне заметить, что некоторые военные деятели США и Англии в недалеком прошлом пытались умалить значение Сталинградской битвы и ее влияние на ход Второй мировой войны. Так, бывший начальник штаба армии США генерал Маршалл ставил знак равенства между сражением под Эль-Аламейном в Северной Африке и битвой под Сталинградом. В докладе президенту США Рузвельту он писал: «Кризис войны разгрузился под Сталинградом и Эль-Аламейном»². Такого характера вывод представляет собой попытку исказить правду истории. Известно, что если на советско-германском фронте осенью 1942 г. Германия имела 266 дивизий, то в Северной Африке у них находилось в период сражения под Эль-Аламейном всего лишь 12 дивизий, из них 8 итальянских.

Вот почему следует, утверждая правду истории, твердо констатировать, что не под Эль-Аламейном и не на Африканском театре военных действий, имевшем второстепенное значение, произошел перелом в ходе войны, а на советско-германском фронте, и в первую очередь в битве под Сталинградом, где была уничтожена одна из сильных стратегических группировок германской армии. Это вынужден признать, хотя и с определенными оговорками, включая вину Гитлера, участник боев за Сталинград, бывший командующий не-

¹ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. М., 1961. С. 77.

² Там же. С. 79.

мецкой группировкой Дон фельдмаршал Э. Манштейн. В своей книге «Утерянные победы» в главе 12, озаглавленной «Сталинградская трагедия», он признает: «Конечно, Сталинград постольку является поворотным пунктом в истории Второй мировой войны, поскольку на Волге разбилась волна немецкого наступления, чтобы затем откатиться обратно, подобно волне прибоя»¹.

Четвертое. Поражение немецко-фашистских войск в районе Сталинграда надломило их моральное состояние. На это обстоятельство обратил внимание участник Сталинградской битвы, командующий Донским фронтом К.К. Рокоссовский. В книге «Солдатский долг» он отмечает: «Вчерашние враги теперь стояли перед нами безоружные, подавленные. В глазах одних – отрешенность и страх, у других – уже проблески надежды»².

Для гитлеровских солдат и офицеров слово «Сталинград» стало созвучно словам «окружение» и «катастрофа». Солдаты все в большей степени стали бояться окружения и все меньше верить в возможности своего командования предотвратить его. Это в значительной мере ослабляло моральный дух войск и их боевую готовность. «Немецкий солдат, – констатировал германский исследователь Рикер, – стал „бояться ударов с флангов“». Если до сих пор он знал, что может спокойно оставаться на угрожаемой позиции, так как был уверен, что сумеет ее вовремя покинуть, то теперь он утратил эту уверенность и начинал нервничать при каждом прорыве противника на фланге, при каждой отдаленной опасности окружения»³.

Катастрофа под Сталинградом также тяжело отразилась и на морально-политическом состоянии всего населения Германии. Гейнц Рейн, немецкий писатель, влияние поражения гитлеровской Германии в районе Сталинграда описывает в таких тонах: это был «решающий удар, он сбил нас с ног, главное, морально сбил с ног, мы тогда, в сущности, уже были побеждены»⁴. В результате вера в победу была уже подорвана, и пораженческие настроения охватили значительные слои населения Германии. Историк М. Фрейнд писал: «Катастрофа под Сталинградом явилась не только поворотным пунктом в войне, но и вызвала огромное отрезвление и моральное потрясение немецкого народа»⁵.

¹ Манштейн Э. Утерянные победы / пер. с нем. Смоленск: Русич, 1999. С. 347.

² Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1985. С. 183.

³ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. М., 1961. С. 70.

⁴ Гейнц Рейн. Конец Германии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1948. С. 320.

⁵ MichaelFreund. Deutsche Geschichte Gutersloh, 1960. S. 700.

Примечательно, что такое моральное состояние находило свое выражение и в письмах на фронт. «Подробное сообщение о героях Сталинграда глубоко потрясло нас. Дорогой Мартин, весь немецкий народ в слезах»¹, – сообщали старшему ефрейтору саперного батальона 112-й пехотной дивизии Мартину Кристовиск его родные из Лозгейма.

Характерно также и то обстоятельство, что в тылу фашистской Германии после разгрома немецкой армии под Сталинградом распространилась «болезнь», которая в одной из директив германского верховного командования, изданной в мае 1943 г., называлась «душевым гриппом». «Скептицизм и сомнение являются его первыми верными признаками, – говорилось в этом примечательном документе. – Пессимизм является признаком того, что болезнь себя проявляет в полную силу, и, наконец, пораженчество – последняя стадия перед полным душевным разложением»².

Нельзя не отметить, что фашистская пропаганда намеренно долго скрывала от населения Германии безнадежное положение своих войск под Сталинградом.

Однако 3 февраля германское верховное командование вынуждено было объявить, что бои за Сталинград закончились. При этом после признания поражения под Сталинградом фашистская пропаганда изменила тон высказываний. Даже министр пропаганды Геббельс вынужден был признать, что германская армия на Востоке переживает кризис, под которым «мы понимаем не простую трудность какого-либо дня, а трудности, имеющие более острый характер»³.

Пятое. Победоносный исход Сталинградской битвы имел большое международное политическое значение. Так, германский исследователь В. Гёрлинц, обобщая влияние результатов боев под Сталинградом на политическую ситуацию того периода, подчеркивал: «Сталинград означал поворотный пункт Второй мировой войны в психологически-политическом отношении. В советском лагере эта победа вызвала большой рост уверенности в своих силах. В лагере нейтральных стран, а также у сателлитов «третьей империи», начиная с Муссолини, исчезла вера в искусство Гитлера как командующего. Внешнеполитические последствия поражения под Сталинградом оказались исключительно большими»⁴.

¹ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Том 3. С. 72.

² Архив МО СССР. Ф. 6598. Оп. 724438. д. 678. Л. 12.

³ Там же.

⁴ Entscheidungsschlachtendes zweiten Weltkrieged. Frankfurtam Main, 1960. S. 311.

Разгром немецко-фашистских войск Красной Армией в Сталинградской битве вселил уверенность у народов Европы в неизбежном крахе Германии и ее военно-политических замыслов. Советский Союз предстал перед всем миром как побеждающая сила, способная осуществить великую цивилизационную миссию – освободить страны Европы от фашизма.

С воодушевлением было встречено всеми европейскими народами в тот период известие о разгроме немецкой армии под Сталинградом, которая в 1939–1940 гг. покорила Западную Европу. «Сообщена волнующая весть, – отмечал Поль Крибейс – один из руководителей партизан департамента Эн, – мощная вражеская армия разгромлена и взята в плен вместе со своим штабом и генералами. Битва, которая решит все, выиграна... Сталинград! Озаряются счастьем лица, повсюду радость. Во Франции, во всем мире вера превращается в уверенность»¹.

В оккупированных странах Европы наступил подъем национально-освободительного движения против фашизма. Оно становилось все более массовым, а формы борьбы с немецко-фашистскими оккупантами все более разнообразными. Усиливалась также и партизанская война против оккупационных германских войск. «Сокрушительная победа под Сталинградом, – отмечалось в одной из популярных газет Франции, – воодушевляла патриотов, и пламя войны против захватчиков стало распространяться все шире»².

Заметно усилилось после разгрома немецкой группировки под Сталинградом партизанское движение в Чехословакии, особенно в Словакии.

В мужестве и героизме Красной Армии, разгромившей немецко-фашистские войска и их союзников под Сталинградом, находили источники стойкости и отваги воины Народно-освободительной армии Югославии, самоотверженно боровшиеся с оккупантами. Так, газета «Борба», выражая мнение народов и воинов Югославии в связи с победой Красной Армии в Сталинградской битве, отмечала: «Через все преграды, через все границы донеслась до нас замечательная весть, и когда мы ее слышим, то наше сердце радуется! Праздник наступил и в наших сердцах и на наших улицах»³.

Серьезные изменения под влиянием разгрома германских войск под Сталинградом произошли в движении сопротивления в Греции. Они выразились в значительном усилении борьбы всего греческого

¹ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 75.

² La Liberation – jeuvrediun people et non d'un home. Paris, 1958. P. 15.

³ Istorijcki archive Komunistiekepartije Jugoslavije. T. I. Kn. 2. Beograd, 1949. S. 231.

народа и Народно-освободительной армии, руководимой Народно-освободительным фронтом.

Победа Красной Армии над армией фашистской Германии под Сталинградом значительно повлияла не только на усиление борьбы народов оккупированной Европы против немецких войск. Она оказала воодушевляющее и мобилизующее влияние на усиление сопротивления союзникам Германии в различных регионах мира. Так, после итогов Сталинградской битвы в пользу Красной Армии нарастала мощь ударов Народно-освободительной армии Китая и партизан, активно боровшихся против японских захватчиков. Вместе с тем активизировалось национально-освободительное движение в Корее, Индонезии, Вьетнаме и других странах, оккупированных японскими милитаристами – союзниками фашистской Германии.

Таким образом, результаты победы Красной Армии под Сталинградом имели большое историческое и цивилизационное значение. Во-первых, в военно-стратегическом плане резко изменилась обстановка не только на советско-германском фронте, но и на всех фронтах Второй мировой войны в пользу Советского Союза и его Вооруженных сил. Во-вторых, изменилась в результате разгрома немецкой армии и ее союзников под Сталинградом и политическая ситуация в мире. Народы мира убедились в силе и непобедимости народа и армии Советского Союза, возросла их морально-политическая сплоченность и уверенность в окончательном разгроме фашизма.

Библиография

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М.: АПН, 1990.
2. Военно-исторический журнал. 1961. № 4
3. Чуйков В.И. Начало пути. М.: Воениздат, 1959.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. М.: АПН, 1990.
5. Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961.
6. Письмо бойцам-узбекам от узбекского народа // Правда. 1942. 31 октября.
7. Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. М., 1961.
8. Манштейн Э. Утерянные победы / пер. с нем. Смоленск: Русич, 1999.
9. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1985
10. Гейнц Рейн. Конец Германии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1948.

11. Michael Freund. Deutsche Geschichte Gutersloh, 1960.
12. La Liberation – jeuvrediun people et non d'un home. Paris, 1958.
13. Istorijcki archive Komunistiekepartije Jugoslavije. T. I. Kn. 2. Beograd, 1949.

References

1. Zhukov G.K. Memories and reflections: v 3 t. T. 2. 10-e izd., dop. porukopisiavtora. [Vospominanija i razmyshlenija] M.: APN, 1990.
2. Military history magazine [Voенно-istoricheskij zhurnal]. 1961. № 4.
3. Chujkov V.I. The beginning of the way. [Nachalo puti]. M.: Voenizdat, 1959.
4. Zhukov G.K. Memories and reflections [Vospominanija irazmyshlenija]: v 3 t. T. 2. M.: APN, 1990.
5. Eremenko A.I. Notes front commander. [Stalingrad. Zapiski komandujushhego frontom] M.: Voenizdat, 1961.
6. Letter to the Uzbek fighters from the Uzbek people [Pis'mobojsam-uzbekamotuzbekskogonaroda] // Pravda. 1942. 31 October.
7. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union [Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza] 1941–1945. T. 3. M., 1961
8. Manstein, E. The Lost Victories. [Uterjannye pobedy]. Smolensk: Rusich, 1999
9. Rokossovsky K.K. Soldier's debt. [Soldatskij dolg] Moscow: Military Publishing, 1985
10. Heinz Rein. The end of Germany. [Konec Germanii] Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1948
11. Michael Freund. Deutsche Geschichte Gutersloh, 1960.
12. La Liberation – jeuvrediun people et non d'un home. Paris, 1958
13. Istorijcki archive Komunistiekepartije Jugoslavije. T. I. Kn. 2. Beograd, 1949

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

ВЕРЕЩАГИНА

*Анна Владимировна,
д. соц. н., профессор, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (ЮФУ),
Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru*

VERESHAGINA

*Anna Vladimirovna,
Doctor of Sociological Sciences, professor
Southern Federal University (SFU) Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru*

Ресурсный потенциал патриотизма и особенности его реализации в современной России¹ / The resource potential of patriotism and peculiarities of its realization in modern Russia

Аннотация

В статье актуализируется и рассматривается с позиций критического осмысления российской социально-политической реальности проблема использования ресурсного потенциала патриотизма. Данная проблематика интересна, прежде всего, неоднозначностью и противоречивостью разворачивающихся в России процессов патриотизации населения на фоне явной смены вектора политического развития российского государства, в котором реанимация схем и структур советского типа логично укладывается в логику дискурса о патриотизме в СМИ, а также на страницах научных публикаций. В этой связи автор стремится показать искаженную природу современного российского патриотизма, ставшего мощным ресурсом политического воздействия и манипуляции массовым сознанием.

¹ Статья выполнена в рамках реализации Госзадания (Министерство образования и науки РФ), проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации».

Ключевые слова

Патриотизм; консолидация; солидарность; патриотические ценности; семья; социализация; идеология; российское государство; молодежь.

Abstract

The article considers the problem of using the resource potential of patriotism positions in the frame of critical understanding of the Russian socio-political reality. This issue is interesting, first of all, ambiguity and contradictions unfolding in Russia, the processes of patriotically of the population, given the obvious change of the vector of political development of the Russian state, in which the reanimation of the schemes and institutions of the Soviet type of logical within the logic of discourse about patriotism in the media and in scientific publications. In this regard, the author seeks to show the distorted nature of modern Russian patriotism, which became a powerful resource of political influence and manipulation of mass consciousness.

Keywords

Patriotism; consolidation; solidarity; Patriotic values; family; socialization; ideology; the Russian state; youth.

В переломные этапы общественного развития, в период кардинальных реформ и смены социального порядка происходит переосмысление ценностей, нравственных, политических, идеологических ориентиров, сопровождающееся, как правило, кризисом системы духовного воспроизводства общества и ростом угроз национальной безопасности государства. Именно патриотические ценности, как отмечают исследователи, помогают народу не растеряться и найти в них «фундамент» гражданской консолидации¹, чтобы сохраниться как социокультурное целое, способное преодолеть трудности и преграды, непременно возникающие в период глубоких социальных перемен. Но зачастую, на волне общественных перемен, их неверной интерпретации при «умелой» агитации со стороны заинтересованных сил происходит искажение патриотизма, самой сущности данного явления, которое в таком бессодержательном виде, лишенное

¹ Ореховская Н.А., Ореховский А.В. Патриотизм как созидаящая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 204.

своих глубинных ценностных оснований, перестает быть механизмом общественной консолидации.

В современном мире патриотизмом как социальным ресурсом и идеологическим оружием активно пользуются различные политические силы в самых разных уголках земного шара, девальвируя саму сущность патриотизма как глубокого чувства и отношения к Родине, ради которой можно отдать жизнь, если ей угрожает опасность. Эта сущность патриотизма отражается в определении, данном Малинкиным А.Н.¹, согласно которому патриотизм представляет собой особое социальное чувство, связанное с переживанием единства, солидарности с родными и близкими, сопричастности к их судьбе, с любовью к Родине.

Иными словами, в основе патриотизма как особого отношения к Родине находится любовь к родной земле, к малой Родине. Именно этот механизм формирования патриотизма как любви к «большой» Родине через любовь к «малой» Родине был задействован в Советском Союзе² и принес колоссальную эффективность. В постсоветский период ситуация резко изменилась. Распалась идеологическая система, определявшая всю систему патриотического воспитания советской молодежи, и на протяжении достаточно длительного периода времени этот сектор общественной жизни находился в состоянии вакуума³, заполнить который пытались различными идеологическими конструкциями в рамках поиска национальной идеи, особого демократического пути развития и т.д. Особых результатов, кроме как состояния идеологического хаоса и ценностного раскола, эти попытки не принесли, и только с 2000-х гг. начинается процесс конструирования идеологического пространства страны под эгидой возрождения могущества России и восстановления ее статуса как великой державы.

Естественно, в этой ситуации пришлось обратиться к прошлому, к исторической памяти как механизму обретения исторической субъектности, повышения общественной консолидированности⁴ и формирования гордости за страну, в которой за период «демократических» реформ не было создано ничего, чем можно было бы

¹ Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj99-malin.html>.

² Цветкова И.В. Поколенческие различия в динамике патриотических ценностей (на примере г. Тольятти) // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 46.

³ Волков Ю.Г. В поисках новой идеологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 80-101.

⁴ Кумыков А.М., Сериков А.В. Историческая память как фактор постсоветской реинтеграции России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 44-48.

гордиться. Более того, все шло к тому, что стыд за страну, за ущербность ее международного положения и статуса устойчиво закрепились на уровне массового сознания россиян.

Таким образом, от покаяния исторического прошлого, прежде всего, советского, российское правительство перешло к его возвеличиванию с целью восстановления исторической памяти и былой гордости за Родину как основы патриотизма. Ряд эпохальных событий международного уровня для российского государства и его народа стали той точкой отсчета, от которой можно начинать историческую летопись возрождения патриотизма в России. Речь идет, конечно же, о проведении Зимней Олимпиады в Сочи и присоединении Крыма. Действительно, россияне «вздохнули всей грудью», приподняли гордо свои головы и испытали великое облегчение от того, что стало уходить в прошлое глубоко неприятное чувство национальной ущербности на фоне процветающих стран Запада (и не только Запада, но и Востока, активно развивающегося в лице Китая, Японии и т.д.). Теперь у россиян появились основания для гордости помимо прошлого, в основном связывавшегося с победой в Великой Отечественной войне.

Но как поддерживать это чувство патриотизма, которое необходимо поддерживать, когда не действуют механизмы культивирования патриотических ценностей в условиях распада единой социализационной системы, составлявшей основу духовного воспитания молодежи? Выход нашелся, правда, для этого пришлось вновь обратиться к недалекому советскому прошлому, в котором патриотизм как массовая идеология поддерживался не только воспитательными каналами (что имеет принципиально важное значение), но и идеологическими, а именно – путем формирования образа врага (сначала внутреннего, потом внешнего – в лице Запада и, в частности, США). Ситуация благоприятствовала реализации этой стратегии, так как разрыв отношений с Украиной и активно разворачивавшийся конфликт после присоединения Крыма к России стал источником резкого противостояния России и США, повлекшего за собой очередное охлаждение отношений с западным миром. Идеологическая машина в создавшихся условиях «заработала» на полную мощь, и в итоге в России снова был запущен апробированный в советскую эпоху механизм создания «образа врага» для единения российского народа. Ничего более придумать российскому руководству не удалось, но расчет оказался верным, так как заложенные в сознании россиян архетипы «сработали», и сегодня наблюдается, своего рода, взрыв патриотизма, в том числе и в молодежной среде, которая оказалась весьма восприимчивой к патриотическим лозунгам и акциям.

Казалось бы, цель достигнута и надо ли желать большего? Но зададимся вопросом: можно ли рассчитывать на то, что именно такой «лозунговый», «демонстративный» патриотизм нужен России, и сможет ли он стать основой для перехода государства в то состояние, которое позволит со временем оценить российское общество со временем как инновационное, социально благополучное и демократическое?

Нам представляется, что ответ на этот вопрос будет отрицательным. Во всяком случае, такова наша авторская позиция, ибо мы убеждены в том, что истинный патриотизм произрастает не из лозунгов и патетических речей, призывов к поддержке, имеющих государственное значение акций типа присоединения Крыма и апелляции к великому прошлому страны, а из любви к той самой «малой» Родине, которая начинается «с картинки в твоём букваре». Но для того, чтобы эта любовь сформировалась, должны «работать» воспитательные механизмы. В первую очередь, конечно же, речь идет о семье как основном агенте формирования патриотизма в молодежной среде. В семье закладываются все основные ценности и поведенческие установки, формируется отношение к окружающему миру, к Родине, к государству, к труду, к работе и т.д. Семья – эта та микросреда, которая формирует внутренний мир молодой личности, а, следовательно, семья обладает самым мощным потенциалом в «выращивании» патриотизма как того особого чувства, на котором строится подлинный, а не имитационный или ситуативный патриотизм.

Но семья не всегда использует этот ресурс, имеющийся в ее распоряжении, в воспитании молодежи. Почему это происходит? Дело в том, что семья как микро модель общества, его основная ячейка отражает все ключевые тенденции, которыми характеризуется общество в его социокультурном развитии. Будучи включенной в систему социокультурной динамики, она как системный элемент социума воспроизводит всю гамму сложившихся в нем отношений, и, соответственно, в условиях развала системы патриотического воспитания семья автоматически лишается возможности использования социализационного ресурса в формирование патриотизма у молодого поколения. Это одна сторона вопроса. Другая же заключается в том, что только та семья будет транслировать в процессе социализации молодых поколений ценности патриотизма, которая сама является патриотичной, а ее уровень патриотичности, в свою очередь, определяется тем, насколько благополучны те условия, в которых ей приходится жить и воспитывать молодежь.

Миф о том, что в рыночном обществе государство не должно заботиться о своих гражданах, о семьях и детях, не выдерживает никакой критики, что подтверждается характером социальной политики

экономически и демократически развитых государств современного мира. Российское же государство своей социальной политикой демонстрирует отсутствие таковой, что автоматически определяет его в разряд социально неориентированных, а семью лишает возможности формировать на уровне сознания молодежи глубокое чувство патриотизма как причастности к судьбе «большой» Родины, как готовности жить и трудиться ради ее блага и процветания. В условиях информационного общества с его активными средствами манипуляции массовым сознанием социализационные функции возложили на себя СМИ, но формирующиеся патриотические установки на основе этого агента социализации молодежи приобретают характер ситуативных, временных и не имеющих выражение в поведенческих стратегиях, о чем свидетельствуют данные о высокой миграции молодежи за пределы российского государства, а также высокий уровень прагматизма и эгоизма в труде, в работе¹.

Иными словами, молодежь не ориентирована на социально значимый труд во имя Родины, на усилия, которые следует прилагать для того, чтобы российский народ стал жить иначе, лучше. Эта тенденция вполне объяснима – российское государство в лице его правительства также не демонстрирует глубокой заинтересованности в решении социальных проблем, в поддержке молодежи, детей, семей, активно решая вопросы международного, геополитического и глобального характера. А тем временем в молодежной среде формируется специфический патриотизм, содержащий в себе риски имитации этого принципиально значимого для нормального развития любого общества явления.

Итак, следует подчеркнуть, что возможности семейного воспитания во многом ограничены форматом ценностной системы общества, условиями жизнедеятельности социума, отношения к семье со стороны государства и его социальной политикой в целом, т.е. формирование патриотичной молодежи в семье – проблема, которая не носит сугубо семейного характера. Это проблема всего общества, и решать ее следует усилиями всех социальных институтов (государства, образования, СМИ), но не на декларативном и «лозунговом» уровне, а путем грамотной социальной политики, в рамках которой приоритетные позиции должны занимать такие всем известные явления, как благополучная семья и защищенное детство, гарантированное трудоустройство и достойная жизнь молодежи,

¹ Vereshchagina, A., Volkov, Yu., Krotov, D. & Ukolov, R. (2015). Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse. *Asian Social Science*, Vol. 11, No. 8, pp. 88-95. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n8p88>.

стремящейся к профессиональной самореализации и жизненному успеху, доступность образования и качественной медицины, а также многое другое, что составляет основу жизненного благополучия человека и общества.

Именно этими явлениями, их состоянием следует измерять патриотизм в России, поскольку истоки патриотического сознания коренятся в глубоком детстве, в семейной среде, в перспективах жизненной самореализации молодежи и ее самочувствии. «Патриотическую идею рождает практика бытия, в этом смысле она – сотворение повседневной жизни»¹ – эти слова российских ученых предельно точно отражают сказанное выше, подтверждая мысль о том, что сама реальность общественной жизни становится индикатором ценностно-идеологического наполнения патриотизма и поведенческих практик, олицетворяющих уровень и характер сформировавшихся в обществе патриотических установок.

Среди ученых, правда, существует несколько иная точка зрения, позволяющая представить выше описанную ситуацию с обратной стороны, когда снижение уровня социальной консолидированности российского общества под влиянием негативных явлений, процветающих в нем на современном этапе (падение уровня жизни населения, роста социального неравенства, коррупции, правовой незащищенности граждан и т.д.) видится за счет использования ресурсного потенциала патриотизма².

Не оспаривая правомерность и оправданность такого подхода, мы считаем, что в одностороннем порядке, не используя иные ресурсы, связанные с повышением благосостояния общества, уровня его экономического, социального и культурного развития, формирование патриотизма трансформируется в декларативную практику, не способную оказать реальное воздействие на деконсолидационные процессы в обществе, зашедшие очень глубоко и выражающиеся, в том числе, в синдроме молчаливого принятия аномальной российской реальности при всеобщем признании того факта, что за постсоветский период в стране по-прежнему, как и двадцать лет назад, остро стоят вопросы массовой бедности, социальной несправедливости и незащищенности населения, духовного упадка и произвола чиновников.

В частности, как показывают данные ВЦИОМ, если в 1990 г. о том, что бедных в России «много», говорили 69% российских граждан, то

¹ Ореховская Н.А., Ореховский А.В. Патриотизм как созидающая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 206.

² Рожкова Л.В., Маршак А.Л. Ценности патриотизма в структуре ценностей современной студенческой молодежи // Поиск. 2014. № 1. С. 78.

в 2015 – уже 82%¹. А результаты исследований Института социологии РАН позволили ученым сделать вывод о низком уровне правовой защищенности работников, прежде всего, частных предприятий, хотя и на государственных предприятиях ситуация требует вмешательства государства².

В заключении хотелось бы отметить, что в любые времена патриотизм выступал значимой ценностью и ресурсом общественного развития. В самые тяжелые времена он помогал людям пережить кризисы, войны и остаться верными своей стране. Зачастую этим ресурсом пользовались с неблагоприятными целями, направляя патриотическое сознание граждан в русло борьбы за идеалы и ценности, противоречащие ценностям гуманизма и права каждого народа на национальное самоопределение и автономное развитие. Так, используя ущемленные патриотические чувства немцев и идеологию реванша, был создан в Германии фашистский режим, унесший бесчисленное количество человеческих жизней во время Второй мировой войны.

Иными словами, патриотизм обладает мощным потенциалом влияния на массовое сознание, и все зависит от того, в чьих «руках» и как будет использовано это «оружие массового поражения». Оно может стать чрезвычайно опасным на почве взращивания националистических настроений, а может стать источником духовного возрождения общества и его благополучного развития. В российской же реальности патриотизм стал основным ресурсом в процессе реанимации авторитарного режима, причем по хорошо знакомой с советских времен схеме, что объективно «работает» на реализацию этой цели, т.е. можно говорить о том, что достаточно успешно идет реанимация советских структур, опиравшихся на репрессивные механизмы³, в то время как большинство россиян (46%) убеждены в том, что России нужна особая демократия, что, собственно, и следует рассматривать как резкий разворот России к противоположному от демократического пути развития, причем не только на уровне государственного управления, но и массового сознания.

Но решена ли при этом другая задача, успешно решенная в советском обществе? Стало ли российское общество менее разоб-

¹ Богатые и бедные – вчера и сегодня – ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2878 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317>.

² Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков и [др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. Москва: Издательство «Весь мир», 2015. С. 60.

³ Кризис реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/02/05/krizis-realnosti/print/>.

щенным, более единым и солидарным? Если принять во внимание, что на современном этапе у граждан России отсутствует четкое понимание того, куда и в каком направлении движется страна¹, вряд ли есть основания для вывода о солидарности и солидаристских практиках как ее выражении.

Таким образом, можно резюмировать, что в современной России патриотизм стал мощным ресурсом политической манипуляции и реализации целей и задач политической элиты страны, использующих ресурсный потенциал патриотизма для легитимации нового политического курса, в массовом сознании ассоциирующегося с возрождением геополитического статуса России и ее былого могущества, пусть даже ценой очередного социально-экономического кризиса, тяготы которого определенная часть россиян, как показывают данные эмпирических исследований², готовы нести ради интересов общества в непростых для страны условиях.

Жертвенность – одна из особенностей российской ментальности, но не слишком ли часто злоупотребляют ею представители власти в России?

Библиография

1. Ореховская Н.А., Ореховский А.В. Патриотизм как созидаящая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 204–208.
2. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1/2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj99-malin.html>
3. Цветкова И.В. Поколенческие различия в динамике патриотических ценностей (на примере г. Тольятти) // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 45–51.
4. Волков Ю.Г. В поисках новой идеологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 80–101.
5. Кумыков А.М., Сериков А.В. Историческая память как фактор постсоветской реинтеграции России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 44-48.
6. Vereshchagina, A., Volkov, Yu., Krotov, D. & Ukolov, R. (2015). Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of

¹ Кризис реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/02/05/krizis-realnosti/print/>.

² Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков и [др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. Москва: Издательство «Весь мир», 2015. С. 111.

sociological discourse. Asian Social Science, Vol. 11, No. 8, pp. 88–95. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n8p88>.

7. Рожкова Л.В., Маршак А.Л. Ценности патриотизма в структуре ценностей современной студенческой молодежи // Поиск. 2014. № 1. С. 77–87.

8. Богатые и бедные - вчера и сегодня - ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2878 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317>.

9. Кризис реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/02/05/krizis-realnosti/print/>

10. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков и [др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. Москва: Издательство «Весь мир», 2015. – 432 с.

References

1. Orekhovskaya N.A., Orekhovsky A.V. Patriotism as a creative ideology of Russian society [*Patriotizm kak sozidajushhaja ideologija rossijskogo obshhestva*] // Kazan Pedagogical Journal. 2016. № 3. 204–208 p.

2. Malinkin A.N. The concept of patriotism: an essay on the sociology of knowledge// [*Ponjatie patriotizma: jesse po sociologii znanija*] Sociological Journal 1999. № 1/2. [Electronic resource]. – Access Mode: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj99-malin.html>

3. Tsvetkova I.V. Pokolenicheskie differences in the dynamics of patriotic values (on the example of Togliatti) [*Pokolenicheskie razlichija v dinamike patrioticheskikh cennostej (na primere g. Tol'jatti)*] // Sociological research. 2014. № 3. 45–51 p.

4. Volkov Yu.G. In Search of a New Ideological Paradigm [*V poiskah novej ideologicheskoy paradigmy*] // Socio-Humanitarian Knowledge. 2003. № 2. 80–101 p.

5. Kумыков А.М., Сериков А.В. Historical memory as a factor of the post-Soviet reintegration of Russia [*Istoricheskaja pamjat' kak faktor postsovetskoj reintegracii Rossii*] Scientific thought of the Caucasus. 2013. № 4. 44–48 p.

6. Vereshchagina, A., Volkov, Yu., Krotov, D. & Ukolov, R. (2015). Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse. Asian Social Science, Vol. 11, No. 8, 88-95 p. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n8p88>.

7. Rozhkova L.V., Marshak A.L. Values of patriotism in the structure of values of modern student youth [*Cennosti patriotizma v strukture cennostej sovremennoj studencheskoj molodezhi*] // Search. 2014. No. 1. 77–87 p.

8. Rich and poor – yesterday and today – VTSIOM. [*Bogatye i bednye – vchera i segodnja*] Press release №2878 [Electronic resource]. – Access mode: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317>.

9. The crisis of reality [*Krizis real'nosti*] [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.levada.ru/2016/02/05/krizis-realnosti/print/>

10. Russian society and the challenges of time. Book two [*Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraja*] / M.K. Gorshkov and others; Otv. Ed. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Moscow: Publishing house «Ves mir», 2015. – 432 p.

ВОЛКОВ
Юрий Григорьевич,
д. филос. н, профессор,
Институт социологии и регио-
новедения Южного федераль-
ного университета, Ростов-
на-Дону, Россия
infojppk@sfnedu.ru

VOLKOV
Jurij Grigor'evich,
Doctor of Philological Sciences,
professor, Southern Federal
University (SFU) Rostov-on-
Don, Russia
infojppk@sfnedu.ru

**Солидаристские практики в контексте патриотизма
в российском обществе: теоретико-методологические
аспекты¹ / Solidaristic practices in the context of patriotism
in Russian society: theoretical and methodological aspects**

Аннотация

В представленной статье содержится анализ и оценка теоретических проблем, связанных с ресурсностью солидаристских практик в развитии патриотизма в российском обществе. Автор основывается на мысли о том, что в нынешних условиях проявляется тенденция нормального патриотизма, включающего и традицию державности, как коллективный опыт прошлого, и социальное соучастие, как ориентацию на настоящее и будущее. Авторская позиция исходит из того, что проявляется востребованность концептуализации патриотизма в рамках воспроизводства и производства солидаристских практик в российском обществе.

Ключевые слова

Патриотизм; солидаристские практики; субъекты солидаристских практик; социальное позиционирование; социальное соучастие.

Abstract

The article contains the analysis and evaluation of the theoretical problems associated with resourcesto solidaristic practices in the development of patriotism in Russian society. The author is based on the idea that in the current environment there is a tendency

¹ Статья выполнена в рамках реализации Госзадания (Министерство образования и науки РФ), проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации».

for a normal patriotism, and includes the tradition of statehood as the collective experience of the past, and social complicity as orientation for the present and the future. The author's position comes from the fact that there is demand for the conceptualization of patriotism in the framework of the reproduction and production of solidaristic practices in Russian society.

Keywords

Patriotism; solidaristic practice; the subjects of solidaristic practices; social positioning; social complicity.

Современная социологическая мысль движется в контексте рефлексивной метапарадигмы, рассматривающей социальные реалии как движущийся поток социальной жизни. Как пишет теоретик деятельностно-активистского подхода Э. Гидденс, «быть человеческим существом – значит являться целеустремленным деятелем, который одновременно осознает причины собственной деятельности и способен в случае необходимости детально развить и конкретизировать их»¹. По сравнению с интегральной метапарадигмой, закрепляющей социологическую амбивалентность, рефлексивность в социологии обретает смысл в том, что ключевым моментом становится понимание логики действующего субъекта.

Феномен новых общественных движений, возникших на западе в конце 80–90-х годов XX века, показывает, что социальная реальность воспринимается неопределенной, как следствие формирования сложного мира. В этом контексте исследовательская мысль концентрируется вокруг того, что является фактором социальных изменений. Очевидно, что предшествующие этапы развития социологии включали в предметное поле социальные структуры и социальные институты. Это являлось закреплением структурно-детерминистского подхода за социологией, знанием о внешних обстоятельствах.

В нынешних условиях ускорения и сжатия изменений, стимулируемых процессами глобализации, социологическое знание испытывает гуманитарный поворот, интерес к человеку действующему. Наблюдается осмысление перехода от массовых действий к социальным движениям. С одной стороны, в современном массовом обществе проявляется императивность индивида, закрепленного в больших коллективах, с другой – массовидность порождает эффект толпы, в то время как для социологии важными становятся логика коллек-

¹ Диггенс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. 2003. С. 40–41.

тивного поведения, выявление механизмов социальной мобилизации и самомобилизации, иными словами, определение параметров реализации коллективных действий и коллективных целей.

При том, что не отрицается фактор спонтанности, приоритетным становится изучение того, как субъекты коллективной деятельности осуществляют социальные изменения. В российском обществе проявляется тенденция патриотизма как чувства национальной гордости и нацеленность на рост влияния в общественной жизни конкретных социальных групп и слоев. В этом смысле российское общество порождает новые социальные реальности. Российские социологи обращают внимание на тот факт, что наблюдается переход от адаптивных практик, определяемых логикой приспособления, к солидаристским, представляющим совместные действия по изменению «обстоятельств».¹ Выявляется, однако, что понимание солидаристских практик интерпретируется как новое явление в традиционалистской среде, что солидаристские практики образуют узкий сегмент российской общественной жизни. Очевидно, что данные констатации основываются на преобладании структуры функционалистского описания этих процессов. К такому выводу можно прийти на основании того, что в контексте дезинтеграции и интеграции в социальных процессах в российском обществе солидаризм трактуется в рамках солидарности обычаям, то есть адаптивных практик, или стихийности (аффективная солидарность).

Между тем, важно выявить, кто является осознанным носителем солидаристских практик. Здесь следует учитывать, что объективно в социологических коннотациях фиксируется государствоцентризм, то, что В.А. Ядов называл высоким авторитетом государственных структур, как следствие, слабости, с одной стороны, гражданских «горизонтальных взаимосвязей», с другой – высокого авторитета власти.²

Особенность интерпретации солидаристских практик также определяется неоинституциональным подходом, в котором заявляется об их развитии в рамках неформальных, не имеющих институционализированного и формализованного характера в социальных отношениях. В этом смысле подчеркивается, что солидаристские практики являются «нечто средним» между социальной стихийностью (социальным анархизмом) и патернализмом, закрепленном в формуле социального ритуализма. Такая позиция содержит перспективу осмысления солидаристских практик как медиаторных, ориентированных на диалог власти и общества. Однако, фиксируя

¹ Халий И.А. Современные общественные движения. М. 2007. С. 43.

² Россия: трансформирующееся общество. М.2001. С. 16.

амбивалентный характер российского солидаризма, неявным образом констатируется несамостоятельность солидаристских практик. Иными словами, речь идет о том, что субъект солидаристских практик не обладает осознанностью действий, что существует потребность в общенациональной солидаризирующей идеологии или возвращении солидаризма через включение вертикальных социальных взаимосвязей, опору на базовые институты рынка и демократии. Не следует делать вывод о том, что обосновывается логика принуждения, вне которой солидаристские практики обречены на недолговечность и неэффективность.

М.К. Горшков подчеркивает, что в российском обществе основная проблема заключается не столько в том, что слабо развиты институты гражданского общества, сколько в традициях, определяющих негативность слепого копирования зарубежного опыта, и определенной деформации суждений под влиянием некоего идеального типа¹. Отмечая, что различия в подходе к проблемам анализа солидаристских практик проявляются и исторически, и логически, следует остановиться на принципиальных теоретических положениях, характеризующих, во-первых, динамику социального поведения, социальных настроений россиян. Немаловажным фактором также является выявление в процессе развития российского общества коллективных общностей (групп), демонстрирующих способность к солидаристским практикам, как связанных общностью социальных позиций. Такие методологические требования позволяют избежать «избыточного» внимания к целенаправленному влиянию государства, что привело бы к унылой констатации того, что солидаристские практики являются действиями группы, за которой закреплено преимущество поддержки со стороны структуры власти.

Одновременно солидаристские практики в российском обществе не могут рассматриваться в состоянии серийности, бесконечности возникающих и исчезающих социальных инициатив снизу. При том, что действует логика замещения, что солидаристские практики присваиваются институционализированными движениями, нельзя отрицать и тот факт, что в анализе перспектив развития солидаристских практик следует различать декларированную и реальную позиции, понимать, что солидаризм проявляется в контексте конвенциональных отношений, представляет своего рода пакт между личностью, обществом и властью. В этом случае, безусловно, требуется проследить, как субъекты социального действия «делают» солидаристские практики. В той же степени в контексте российского общества, где проявляется конфликт интересов и репрезентирую-

¹ Россия реформирующаяся. Выпуск 11. М. 2012. С.8.

щие солидаризм институции в большей степени являются группами давления, важно исследовать необходимые условия производства и воспроизводства солидаристских практик.

Соглашаясь с тем, что в нынешней ситуации солидаризм во многом инициирован внешними вызовами, нельзя ограничиваться рассмотрением только экстремальной солидарности. Солидаризм преобразуется в коллективное поведение в контексте повседневности, рутинности, формировании горизонтальных социальных взаимосвязей. Это означает, что в солидаристских практиках следует отметить два инновационных обстоятельства. Во-первых, то, что в российском обществе сформировался креативный класс, высокопрофессиональные группы, действующие по схеме социальных инноваций и рассматривающие практики как новый коридор возможностей социальной мобильности. Другая форма солидаристских практик, которую можно считать утвердившейся, связана с достижением режима постоянного диалога общества и власти, с переводом формулы «власть действует, а народ говорит» в состояние сопартнерства, соучастия. Как пишет Ж.Т. Тощенко, если рассмотреть все без исключения социологические исследования, нацеленные на познание тех или иных сторон жизни людей или затрагивающие их, они имманентно включали в себя изучение основополагающих характеристик жизни человека – сознание, поведение (деятельность) и среду¹.

Таким образом, солидаристские практики в методологическом контексте связаны с исследованием того, как сознание (ментальность) индивидов трансформируется в конкретные поведенческие стратегии, и какие фоновые практики этому способствуют или мешают. В российском обществе, где солидаризм часто трактовался исторически врожденным, тенденции общественных настроений свидетельствуют о том, что, включаясь в социальную активность, носители солидаристских практик производят матрицы действия, основанные на осознании общих целей и интересов, на том, чтобы через групповой интерес определить вклад в общественную пользу. Есть и определенная сложность в том, что социологические исследования фиксируют малочисленность солидаристов, тех, кто действует по логике социальной полезности. Однако следует учитывать, что носители солидаристских практик обладают наибольшим потенциалом активности и консолидированности позиций в российском обществе, и эти различия дают основание утверждать, что показатели социальной активности и сознательности (идентичности) выявляют рост субъектности солидаристских практик.

¹ Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М. 2016. С.59.

Исходя из того, что не может быть плодотворным анализ солидаризма, вписывающий его в традиционную среду, также как и то, что солидаристские практики могут быть неадекватно интерпретированы, если только речь идет о практической группе заместителя, действующего от имени «молчаливого большинства», возникновение и развитие солидаристских практик обусловлено логикой становления, тем, что в социальном поведении в условиях подвижности общественной жизни не проявляется требование жесткой институционализации. В таком контексте принципиальный ответ заключается в том, чтобы установить рамочные теоретико-методологические параметры исследования солидаристских практик, способные «вместить» их разнообразие, связи с дискурсом патриотизма, с заданием определенных правил развития в институциональных структурах общества.

Проблема состоит в том, что солидаристские практики до сих пор «разведены» с патриотизмом, так как интерпретируются как движение городских «космополитизированных» слоев населения. Патриотизм рассматривается порождением традиционной среды, которая стимулируется чувствами державности и государственничества. По этому поводу можно отметить, что в солидаристских практиках проявляется ориентация на конструирование будущего, и в этом смысле патриотизм, если понимать его как практики, определяемые логикой ответственности за судьбу страны, вписывается в солидаризм. Отмечая, что патриотизм адекватен культурно-поведенческому коду россиян, способности к инновации и верности традиции,¹ очевидно, что концептуализация патриотизма, осмысление не на чувственно-эмоциональном уровне, а как массового поведения, совмещающего рациональность и ценности, в солидаристских практиках оформляется в инструмент преобразования социальной действительности. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что российские социологи отмечают определенные разрывы между государственным и гражданским патриотизмом, что сохраняется доминирующее влияние державности в патриотических настроениях россиян. Вместе с тем, можно говорить о тенденции перевода патриотизма на язык повседневности, понимания того, что солидаристские практики содержат ресурс мобильности, что участие в солидаристских практиках создает условия для расширения социальной адресатности патриотизма. В этом контексте следует учитывать, что субъекты солидаристских практик в российском обществе, обладая высоким профессионально-квалификационным и обра-

¹ Волков Ю.Г. Идентичность и идеология: взгляд в будущее. М. 2006. С. 168.

зовательным потенциалом, испытывают влияние смены ценностей и общих установок. Для них патриотизм не связан с почвенничеством, с поддержанием традиционного уклада жизни. Однако это не означает, что этой группе не присущи патриотические ценности, речь идет о том, чтобы понять и осмыслить новую волну патриотизма, определяемую стремлением быть общественно полезным.

Можно констатировать, что низкий авторитет общественных движений является следствием того, что, казалось бы, актуальная для общества социальная, экологическая, правозащитная проблематика не основывается на формуле патриотизма, на том, чтобы через понимание решаемых проблем вести целенаправленную работу по воспитанию патриотизма. Казалось бы, что в российском обществе наступила эпоха конструктивного сотрудничества, но очевидно также, что патриотизм испытывает спад, если не связан с повседневностью, с тем, что волнует и вселяет надежду в россиян в жизни российского общества. Есть основания считать, что блокирующим фактором на пути укрепления российского патриотизма является не столько разрыв между державническим и гражданским патриотизмом, сколько то обстоятельство, что патриотизм не переводится в практики малых дел, создающих мощный социальный эффект. С другой стороны, хотя и прошла эпоха негативной социальной активности, солидаристские практики не могут быть локализованными на социальном микроуровне, быть связанными только с текущей социальной конъюнктурой.

В рамках осмысления представленной темы важно отметить, что солидаристские практики получают мощный импульс развития при условии, если создается общность социальных позиций относительно ценности и смысла патриотизма в российском обществе. Поэтому актуальным представляется анализ российского патриотизма, как социально-аналитического конструкта, имеющего особенности в том, что можно назвать не «гибридным», а динамичным состоянием. Речь идет о том, что изменения в общественной жизни, появление новых социальных реальностей создают условия для соревновательного элитизма, включения социально активных слоев населения в поле совместной деятельности реализации социальных проектов, имеющих высокий патриотический резонанс.

Действительно, в конце 90-х годов в настроениях россиян преобладало понимание патриотизма как чувства гордости за великое прошлое своей страны. В нынешней ситуации патриотизм определяется возможностями социальной активности, сформировавшись в последние два десятилетия. Обычно при анализе патриотизма фиксируется некая национальная ограниченность, неразвитость

гражданского участия и низкий уровень политической культуры. Между тем, направленность и интенсивность патриотизма в российском обществе имеют свою особенность, и, вместе с тем, общие черты, определяемые логикой нациестроительства, социально-экономического развития. Патриотические и гражданские ценности совместимы в массовых настроениях россиян, но имеют особенность в том, что патриотизм селективен в оценке демократических ценностей. Речь идет о том, что, понимая под демократией то, что приносит благо, пользу обществу, что создает условия для обеспечения прав россиян, граждане России нацелены на то, чтобы демократия работала как эффективный инструмент, и в этом смысле солидаристские практики представляют площадки для укрепления российского патриотизма, в котором державность и гражданственность имеют объединяющий смысл, воплощаются в формуле социальной солидарности.

Консолидированное социальное позиционирование субъектов солидаристских практик возрастает в контексте актуализации символического капитала патриотизма. Действительно, «когда мы говорим о социальном пространстве, то имеем в виду, прежде всего, то, что нельзя объединять любого с любым, невзирая на глубинные различия»¹. Действительно, в российском обществе проявляется эффект социальной поляризации, и это приводит к тому, что солидаристские практики нередко воспринимаются как практики среднего класса, как активность «хорошо обеспеченных людей». Патриотизм в этом контексте может носить социально сегрегирующее влияние, быть уделом патерналистских слоев населения. Это не исключает возможности объединения групп с различным социально-имущественным статусом по критерию патриотизма, и, самое главное, опоры не только на ресурсы исторической памяти, но и вовлеченности в приоритеты настоящего и будущего.

В рамках концептуального осмысления патриотической векторности солидаристских практик важным представляется интегрирование образов патриотизма в российском обществе и представление о социальной справедливости в сценариях будущего, социального соучастия. Посредством таких обобщений, включающих механизмы социологического воображения, солидаристские практики становятся ресурсом патриотизма, воспроизводства и производства патриотических ценностей и установок.

Следует подчеркнуть, что нынешняя ситуация опровергает предписывание патриотизму статуса «реликта прошлого», социально-ностальгических настроений. Коллективный опыт российского

¹ Бурдые П. Социология политики. М. 1993. С. 61.

общества показывает, что в современном глобализируемом мире, где проявляются эффекты конкурентности и сотрудничества, изменения позиций субъектов солидаристских практик, как владельцев социального капитала, могут существенно влиять на перспективы общественного консенсуса, на то, что можно назвать состоянием согласия в обществе. Теоретическое осмысление анализируемой проблемы приводит к пониманию того, что для анализа векторности и содержания патриотизма в российском обществе необходимо определить и уровень социального доверия, и проанализировать «различные ощущения социального мира и позиций в этом мире», различную социальную идентичность.¹ Но вместе с тем необходимо осознавать социальные интеграторы в российском обществе, доминирующим среди которых является патриотизм. Глобализация была интересна тем, что создала прообраз мирового креативного сообщества, но реальные конфликты, негативные последствия консьюмеризма породили иные тенденции.² Речь, таким образом, идет о том, что в российском обществе солидаристские практики определяются запросом на позиционирование социального соучастия, включения в дела государства.

Таким образом, для выявления критериев патриотизма солидаристские практики содержат богатый теоретический и прикладной материал. Можно говорить о том, что анализ солидаристских практик связан с актуализацией процедуры идеальной типизации, с тем, чтобы по их параметрам определять состояние патриотизма и в различных социальных слоях и группах российского общества, и в качестве интегрального фактора. Еще одним весьма значимым принципом исследования является понимание патриотической деятельности, связанной и с изучением смысла патриотических акций, и со знанием о патриотической культуре российского общества. Патриотизм не может быть свободен от оценочных суждений, и в то же время включенность в солидаристские практики, где можно измерить эффект социальной пользы, повышает достоверность исследования. Можно говорить об этапе рефлексивности патриотизма, о том, что патриотизм перестает быть только «габитусом» и обретает направленность конструктивного действия, нацеленного на создание новой социальной реальности. Включаясь в контекст солидаристских практик, патриотизм обуславливает активное присутствие прошлого опыта, гарантирует правильность практик и, что более надежно, соблюдение формальных правил.

¹ Бурдые П. Социология политики. М. 1993. С. 67.

² Волков Ю., Кривоусков В. Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества. Ереван, 2013. С. 67.

Можно констатировать, что патриотизм нуждается и в практиках, и в теории, в том, что необходимо преодолеть болезнь утилитаризма. Эффективность солидаристских практик подтверждает, что и вера в патриотизм, и акцент на уникальность и своеобразие российского общества совместимы с включением России в мировое социокультурное пространство. Отсюда обретает востребованность концепция нормального патриотизма, обусловленного переходом российского общества, ориентированного на производство солидаристских практик.

Библиография

1. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
2. Волков Ю.Г. Идентичность и идеология: взгляд в будущее. М., 2006.
3. Волков Ю., Кривопусков В. Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества. Ереван, 2013.
4. Диггенс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М. 2003.
5. Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.
6. Россия реформирующаяся. Выпуск 11. М., 2012.
7. Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М., 2016.
8. Халий И.А. Современные общественные движения. М., 2007.

References

1. Bourdieu P. Sociology of Politics. [*Sociologija politiki*] M. 1993.
2. Volkov Yu.G. Identity and ideology: a look into the future. [*Identichnost' i ideologija: vzgljad v budushhee*] M. 2006.
3. Volkov Yu., Krivopuskov V. Trust and creative class: factors of consolidation of Russian society. [*Doverie i kreativnyj klass: faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva*] Yerevan, 2013.
4. Diggins E. The organization of society: An outline of the theory of structuring. [*Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturizacii*] M., 2003.
5. Russia: a transforming society. [*Rossija: transformirujushheesja obshhestvo*] M.2001.
6. Russia is reforming. Release 11. [*Rossija reformirujushhasja. Vypusk 11*] M. 2012.
7. Toshchenko Zh.T. Sociology of life. [*Sociologija zhizni*] M., 2016.
8. Khaliy I.A. Modern social movements. [*Sovremennye obshhestvennye dvizhenija*] M., 2007.

ГОРБУНОВ

*Александр Александрович,
д. полит. н., профессор,
Московский государственный
университет путей сообщения
Императора Николая II, Мо-
сква, Россия
info@журналпоиск.рф*

GORBUNOV

*Aleksandr Aleksandrovich,
Doctor of Political Sciences,
professor, Moscow State
University of Railway
Engineering of Emperor
Nicholas II, Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф*

**Человек, пространство и транспортные
коммуникации: исторический опыт и перспективы/
Human, space and transport communications: historical
experience and perspectives**

Аннотация

В научной статье путем анализа исторического опыта рассматривается процесс взаимодействия человека и общества с позиции транспортной коммуникации в пространстве. Показывается роль и место транспортных коммуникаций, обеспечивающих основные международные, торговые, культурные связи между странами, вместе с тем, обеспечивая участие каждой из них в системе международного разделения труда, соединяя отдельные страны в мировое сообщество стимулируя его дальнейшее развитие.

Ключевые слова

Транспортные коммуникации, транспортная политика, железнодорожное строительство.

Abstract

In the scientific article, through the analysis of historical experience, the process of interaction between human and society from the position of transport communication in space is considered. The role and place of transport communications providing the main international, trade and cultural ties between countries is shown, at the same time ensuring the participation of each of them in the system of the international division of labor, connecting individual countries to the world community, stimulating its further development.

Keywords

Transport communications, transport policy, railway construction.

Поскольку человек, человеческое общество не может существовать вне пространства, то важнейшим условием функционирования социума является возможность его перемещения в нем.

Эволюция человека, с момента зарождения жизни на земле и до наших дней неразрывно связано с освоением пространства, что возможно только путем перемещения, при этом происходит воздействие на пространство, его изменение и определяющим фактором в этом является наличие транспортных средств.

Таким образом рассматривая процесс взаимодействия человека и пространства в его единстве необходимо понимание взаимовлияния коммуникаций как на человека, так и на пространство. Точнее человек и пространство, человек и время через коммуникации, и их главную составляющую – транспортные коммуникации непрерывно связаны, воздействуют друг на друга, постоянно меняются, определяя тем самым историю своего развития.

Поскольку важнейшее значение современного транспорта и других средств коммуникации заключается в том, что они обеспечивают основные международные, внутренние торговые, культурные и другие связи между странами обеспечивая участие каждой из них в системе международного разделения труда, соединяя отдельные страны в мировое сообщество стимулируя его дальнейшее развитие.

В последнее время особое внимание уделяется международному сотрудничеству, в частности, особой роли международных транспортных коридоров и возможности обеспечения долгосрочных и стабильных условий, благодаря которым можно привлечь грузы на железную дорогу с других видов транспорта.

За последние 2-3 года в мире произошли существенные изменения и сегодня крайне важно определить, куда двигаться дальше железным дорогам колеи 1520, особенно в условиях санкций, которые резко отразились на импортных перевозках: они сократились почти на 30%, на 37% сократился специализированный транзитный грузопоток на железных дорогах России. Если говорить о структуре импортных перевозок, то за последние три года импорт в Россию из стран Европы упал на 41%.

Абсолютно логичной в складывающихся экономических условиях стала ориентация российского экспорта на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Объем росэкспорта в соседние страны АТР, который был перевезен железнодорожным транспортом в 2015

году, составил 111 млн тонн. К 2025 году, по оценкам специалистов, объем общего грузового потока в этом направлении и транзит должны увеличиться более чем в три раза.

Сегодня порядка 75% экспортных железнодорожных грузов следуют через морские порты России, стран СНГ и Балтии. Несмотря на предоставляемые тарифные преференции и скидки, грузоотправители не спешат переключаться с уже привычных маршрутов. В немалой степени этому способствует низкий рейтинг по уровню логистики железных дорог пространства 1520. Какой же вывод надо из этого сделать? Необходима совместная реализация мероприятий по предоставлению клиентам удобных товаропроизводящих цепочек, нового транспортного продукта, выгодных сквозных ценовых предложений, снижающих транспортную составляющую и повышающих качество и полноту сервиса.

РЖД совместно с партнерами из Белоруссии и Казахстана реализует первый интеграционный бизнес-проект, где в качестве оператора железнодорожных контейнерных сервисов сообщения Китай–Юго-Восточная Азия и Европа выступает «Объединенная транспортно-логистическая компания». Перед РЖД стоит задача по формированию целостной железнодорожной инфраструктуры международных перевозок. Только в прошлом году перевозки сообщением Китай–Европа–Китай выросли почти в три раза по сравнению с 2014 годом. «Есть понимание, что потенциал в этом направлении далеко не исчерпан. Увеличению международных перевозок грузов на направлении Восток–Запад должны способствовать такие мероприятия, как повышение пропускной способности Транссиба и БАМа, развитие международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». Ведется работа над проектом продолжения дороги от Кошице до Братиславы и Вены»¹, – сказал Олег Белозеров в своем выступлении на XI Международном бизнес-форуме «Стратегическое партнерство 1520».

В последнее время с учетом снятия санкций с Ирана увеличивается перевозка грузов по международному транспортному коридору «Север – Юг». За четыре месяца этого года объемы перевозок между Россией и Ираном возросли на четверть, и потенциал в этом направлении есть. Это миллионы тонн грузов, подчеркивающие важность развития международного транспортного коридора, связывающего Россию, Иран и Азербайджан. Стороны уже подтвердили заинтересованность в развитии этого коридора. Дополнительный импульс развитию перевозок грузов по МТК дают строительство и восста-

¹ Цит. по: Левчук Татьяна «Вектор развития» // Транспорт России № 25(936) 20–26 июня 2016 года. С. 2.

новление нескольких железнодорожных веток. В частности, железнодорожная линия Казвин–Решт–Астара протяженностью 375 километров в настоящее время является недостающим звеном в транспортном коридоре «Север–Юг», который соединит Северную Европу с Юго-Восточной Азией. Она будет служить звеном для соединения железных дорог Ирана, Азербайджана и России. Строительство иранской части железнодорожной ветки имеет важное значение, так как она связана с созданием прямого железнодорожного сообщения от Санкт-Петербурга до иранского порта Бендер-Аббас в Персидском заливе. Инвестиции в строительство коридора «Север–Юг» составят 400 миллионов долларов¹.

В настоящее время Иран занимается привлечением инвестиций для строительства железной дороги Решт–Астара.

Таким образом, проводится системная работа по созданию надежного евразийского транспортного коридора с максимальным использованием пространства 1520.

Беспрецедентным для современной России является количество проектов по развитию железных дорог в России: это железные дороги Дальнего Востока, Северо-Запада, подходы к Азово-Черноморскому бассейну, развитие центральных регионов, мурманской портовой инфраструктуры, а также Московского транспортного узла, что создает условия для наращивания перевозок как внутренних, экспортно-импортных, так и транзитных грузов.

Развитие инфраструктуры транспорта идет по всем направлениям. Но вместе с тем у железной дороги огромный потенциал, который еще полностью не исчерпан, и сейчас делается все, чтобы как можно больше его задействовать.

Перспективным следует назвать международный транспортный коридор, который еще ни разу не был задействован, – перевозки в сторону Западного Китая, через Казахстан, Россию, в частности через Мурманск, на восточное побережье США. Он на треть короче по сравнению с традиционным – имеется в виду коридор с восточного побережья Китая, практически через весь Тихий океан, через Панамский канал на восточное побережье США.

Еще одно новое направление, которое Минтранс готов предложить, это выход на Достык (Казахстан) и через порт Тамань к Черному морю, а затем на Юг Европы, что является новым перспективным направлением. Выгодное направление транзитных перевозок из Китая через Казахстан в Европу через Брест, но это Северная Европа. Выход через Черное море – это на Южную Европу – альтернативный путь тому, что сейчас идет в обход Каспия, через Иран.

¹ Новости логистики архив (9/9). – URL: <http://umniylogist.ru>.

Важнейшим для России направлением стратегического партнерства является торговля с Китаем.

Неуклонно нарастает грузооборот между Россией и Китаем, что неизбежно приводит к исчерпанию пропускной способности существующей инфраструктуры. Основная причина – недостаточное количество транспортных пограничных переходов. В этих условиях естественным необходимым являются инвестиции в обустройство новых переходов и организационные меры.

Немного истории. Строительство железнодорожных пограничных переходов между Россией и Китаем относится к концу XIX–началу XX века. В конце XIX века назрел вопрос, в каком направлении прокладывать трассу на восточном участке Великого Сибирского пути. Первый вариант предполагал прокладку пути только по российской территории вдоль левого берега Амура. Второй вариант допускал прокладку магистрали частично по китайской территории с выходом на Уссурийск (в XIX веке – Никольск-Уссурийск). Скрупулезный анализ и подсчеты убедительно показали, что путь через Китай короче, а значит, менее затратный. Но не только финансы брали во внимание. Прокладывая железную дорогу через Китай, российское правительство преследовало не только экономические, но и политические цели: постройка дороги укрепляла влияние России на этот регион в целом. Так появилась Китайско-Восточная железная дорога, которая была сдана в эксплуатацию в 1903 году. В том же году появились и два первых пограничных железнодорожных перехода – Забайкальск и Гродеково.

После Великой Отечественной войны была проложена магистраль, соединившая Улан-Удэ со столицей Монголии Улан-Батором через станцию Сухэ-Батор. В 1955 году дорога вступила в строй, а через год на ней открылось регулярное сообщение с Китаем.

«В 1954 году СССР и КНР заключили соглашение о создании железной дороги Ланьчжоу–Урумчи–Алма-Ата. Уже в 1959 году на участке Актогай–Дружба начали ходить первые поезда. Однако затем отношения с Китаем ухудшились. Поселок Дружба был заброшен. Строительство возобновилось лишь в 1988 году. 12 сентября 1990 года произошла стыковка железнодорожных магистралей СССР и КНР на пограничном переходе Дружба–Алашанькоу»¹.

В настоящее время поселок называется Достык, а переход, соответственно, Достык–Алашанькоу и является стыковым пунктом железных дорог Казахстана и Китая и не является значимым для российских дорог. Самым новым из железнодорожных переходов считается Камышовая–Хуньчунь. Его протяженность 20 км. Переход

¹ URL: <http://ru.wikipedia.org>.

был построен в 1999-м, функционировал с 2000 по 2004 год. Проблемы с системами освещения и видеонаблюдения и несоответствие требованиям государственных органов власти привели к тому, что его функционирование было приостановлено. Последующие 9 лет переход был закрыт.

В 2010 году переход перешел в собственность ОАО «РЖД», и компания занялась разработкой плана его реконструкции. Основная проблема для нового собственника заключалась в том, что за годы простоя участок пришел в запустение. Безусловно, для состоявшегося 1 августа 2013 года демонстрационного пропуска поезда инфраструктуру частично восстановили, на что ушло 3 месяца. Сегодня погранпереход работает.

В Китай можно попасть и через Монголию.

Наушки – небольшой поселок городского типа в Кяхтинском районе Бурятии является своеобразными воротами для торговли с Китаем через Монголию. Улан-Баторская дорога частично принадлежит нашей стране, и ширина колеи здесь такая же, как в России. Если перемещать грузы в центр и на юг Китая через Монголию, то путь становится короче, нежели при доставке их через Забайкальск. Однако Забайкальск является ключом от двери в Китай. С 2005 года ведется реконструкция участка Карымская–Забайкальск основная цель которой увеличить пропускную способность маршрута в 2–2,5 раза.

Реконструкция станции была начата еще в 2007-м в соответствии с генеральной схемой развития, которая включает в себя две очереди. Окончание программы – до 2030 года. В ходе реализации первого этапа I очереди в 2007–2010 годах был модернизирован парк погранично-таможенного контроля и пункта перестановки вагонов.

Новым железнодорожным переходом должен стать пограничный мост через Амур в направлении Нижнеленинское (Еврейская автономная область)–Тунцзян. Судьба проекта весьма непростая. Межправительственное соглашение о совместном строительстве, эксплуатации, содержании и обслуживании железнодорожного мостового перехода было подписано между Россией и КНР еще в ноябре 2008 года. Однако разговоры о «стройке века» шли еще за несколько лет до этого.

Сейчас между Россией и КНР нет стационарных капитальных мостов, а потому сообщение с Китаем в Амурской области, ЕАО и Хабаровском крае остается ограниченным. В период межсезонья, весной и осенью, страны связывают несколько катеров на воздушной подушке, которые перемещают лишь туристов. Потому очевидно, что объект будет востребован.

Строительство моста начатое в начале 2014 года ведется на основе государственно-частного партнерства, совместно с представителями бизнес сообщества России и Китая. Протяженность мостового пограничного перехода свыше двух километров и пропускная способность первой пусковой очереди составит свыше пяти миллионов тонн грузов при проектной полной мощности свыше двадцати миллионов тонн.

Более 100 лет трудится переход Гродеково–Суйфэньхэ. Переход Гродеково–Суйфэньхэ появился в 1904 году. Территориально станция относится к поселку Приграничный Приморского края и находится в пределах Дальневосточной железной дороги. Она играет очень значительную роль в развитии товарооборота между Россией и Китаем. Здесь уже не первый год проводятся мероприятия по увеличению перерабатывающей способности перегона Гродеково–Суйфэньхэ.

Возобновление работы перехода Махалино–Камышовая–Хуньчунь представляется своевременным, в частности, в условиях сильной загрузки других переходов. Этот переход на сегодняшний день вызывает большой интерес и как способ дальнейшего совершенствования торговых отношений с Китаем, и как возможность разгрузить другие погранпереходы, которые не всегда справлялись с перегрузом. Конечно, не следует ожидать, что участники рынка резко изменят наработанные маршруты и встанут в очередь на перевозку, но многие рассматривают данный переход как перспективный и удобный способ доставить грузы в Китай.

Мостовой переход через Амур у села Новоленинское позволит сократить маршрут в Китай на 400 км, уменьшив и стоимость экспортируемой продукции.

По словам некоторых экономистов, сегодня КНР делает основной упор на развитие своего северо-востока (провинция Хэйлунцзян и город Харбин). Губернатор провинции Хэйлунцзян Лу Хао активно лоббирует и продвигает направление развития грузопотоков по маршруту Маньчжурия–Суйфэньхэ. Если Китай будет уверен в поддержке Россией Трансазиатского коридора через проход Маньчжурия–Суйфэньхэ со стороны России, это даст мощный импульс экономическому развитию проектов «Харбин – сухой логистический контейнерный порт таможенного типа» и «Открытый порт Владивосток» по загрузке портовых мощностей.

Библиография

1. Горбунов А.А. Политика развития транспортных коммуникаций в России и за рубежом : монография. – М.: Горбунов А.А., 2015.
2. Троненкова О.М. Политическая роль транспорта России в системе геополитических интересов России: история и современность : монография. – Владимир: Атлас, 2014.
3. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
4. Новости логистики архив (9/9). – URL: <http://umniylogist.ru>.

References

1. Gorbunov A.A. The policy of development of transport communications in Russia and abroad: a monograph. – [*Politika razvitija transportnyh kommunikacij v Rossii i za rubezhom : monografija*] Moscow: Gorbunov A.A, 2015.
2. Tronenkova O.M. The political role of Russia's transport in the system of Russia's geopolitical interests: history and modernity: a monograph. [*Politicheskaja rol' transporta Rossii v sisteme geopoliticheskikh interesov Rossii: istorija i sovremennost' : monografija*] – Vladimir: Atlas, 2014.
3. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
4. Logistics news archive (9/9). [*Novosti logistiki arhiv*] – URL: <http://umniylogist.ru>.

КРАВЧЕНКО

*Сергей Александрович,
д. филос. н., профессор,
МГИМО Университет
МИД РФ, Москва, Россия
sociol7@yandex.ru*

KRAVCHENKO

*Sergey Alexandrovich, Doctor
of Philological Sciences,
professor, MGIMO University
MID RF, Moscow, Russia
sociol7@yandex.ru*

КОНОНОВ

*Владимир Иванович,
к. социол. н., МГИМО Уни-
верситет МИД РФ, Москва,
Россия
sociol7@yandex.ru*

KONONOV

*Vladimir Ivanovich,
Candidate of Sociological
Sciences MGIMO University
MID RF, Moscow, Russia
sociol7@yandex.ru*

(Не)Создание Европы (в преддверии 13-ой Конференции Европейской социологической ассоциации)¹/ (Un)Making Europe (on the eve of the 13th Conference of the European Sociological Association)

Аннотация

В статье анонсируется 13-я Конференция Европейской социологической ассоциации, которая состоится в этом году в Греции (Афины). Ее главная тема – перспективы создания обновленной Европы в контексте вызовов, с которыми она столкнулась. Среди них: противоречие капитализма, подрывающее основы социального государства и увеличивающее неравенство людей; фрагментация европейских солидарностей под влиянием протестных движений, представители которых требуют политических изменений, а также массовая миграция беженцев; формирование противоречивых субъективностей, что обусловлено не только стремлением европейцев к новым социальным благам, но и возникшей апатией, депрессией, беспокойствами. Авторы считают данную проблематику логическим продолжением исследований процессов «старения» европейских обществ, инициированных 6-й Конференцией Европейской социологической ассоциации, состоявшейся в 2003 году, в результате чего возникла, по существу, новая социологическая наука с принципиально новыми полями ис-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 16-18-10411.

следования и новыми теориями. Делается вывод о том, что нынешняя конференция ознаменуется еще более радикальными новациями в социологии в самом ближайшем будущем.

Ключевые слова

13-я Конференция Европейской социологической ассоциации; «(не)создание Европы»; капитализм; солидарности; субъективности; риск; уязвимость; теоретические новации.

Abstract

The article present the 13th Conference of the European Sociological Association which takes place this year in Greece (Athens). Its main theme are perspective of creating renewed Europe in the context of challenges it faces. Among them there are contradiction of capitalism undermining the basis of the social state and increasing the inequality among people; fragmentation of the European solidarities under the influence of protest movements whose representatives demand political changes; mass migration of the refugees; formation of the opposing subjectivities which is determined not only by the aspiration of the Europeans for the social benefits, but also by the apathy, depression and anxieties. Authors consider this problematic to be the logical continuation of researching process of “ageing” of the European societies, initiated by the 6th Conference of the European Sociological Association which took place on 2003. In the result, new sociological science appeared with fundamentally new research fields and new theories. The conclusion is made that present conference will be marked by more radical innovations in sociology in the nearest future.

Keywords

13th Conference of the European Sociological Association; «(Un)Making Europe»; Capitalism; Solidarities; Risk; Vulnerability; Subjectivities; Theoretical Innovations.

Организаторы 13-ой Конференции Европейской социологической ассоциации объявили о приеме заявок от социологов и социальных теоретиков на участие в ней. Мероприятие пройдет под девизом **«(Не)Создание Европы: капитализм, солидарности, субъективности»**.

На наш взгляд, это относительно «старая» (ей чуть более 10 лет), но крайне *актуальная* тема. Еще в начале XXI века многим социоло-

логам стало ясно, что под влиянием глобализации с Европой происходят весьма существенные преобразования, связанные с изменением морфологии социума, что затронуло идеологии, ценности, иерархии, границы, стили жизни, структуры и функции институтов. Этим проблемам была посвящена 6-ая Конференция Европейской социологической ассоциации, состоявшаяся в сентябре 2003 года в Мурсии (Испания), которая проходила под девизом **«Стареющие общества, новая социология»**. Его суть выразила Я. Сойсал, в то время Президент исполкома Европейской социологической ассоциации, отметив, что Европа, равно как и её народы, «столкнулись лицом к лицу со значительной дезинтеграцией и обновлением»¹. Это означало, что XXI век ознаменовал собой «старение» и «конец» Европы в том виде, к которому мы привыкли и с которым многим из нас трудно расставаться. Соответственно, это побудило ученых к созданию нового мира социального знания и новой социологии.

3. Бауманом были раскрыты тенденции перманентного «старения» обществ, которые интерпретировались посредством теории «текучей» современности, примененной для исследования реалий социальной «текучести» практически во всех сферах жизнедеятельности людей: «текучая любовь»², «текучая жизнь»³, «текучий страх»⁴, «текучие времена»⁵, «44 письма из текущего современного мира»⁶, «культура в текучем современном мире»⁷, «текучий надзор»⁸. У. Бек резко выступил против «старого методологического национализма», по его словам, имеющего дело с «зомбированными» категориями и понятиями, предложив при этом новую «космополитическую методологию»⁹, на базе которой, по существу, осуществил переоткрытие теории «общества риска», в результате чего была создана теория «мирового общества риска»¹⁰. К числу новых предметных новаций отнесем *современные уязвимости*, понимаемые в самом общем

¹ Programme of Sessions. The 6th Conference of the European Sociological Association. Ageing Societies, New Sociology. Murcia (Spain), 23-26 September, 2003. – P. 7.

² Bauman, Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds, Cambridge: Polity, 2003. – 176 p.

³ Bauman, Z. Liquid Life. Cambridge: Polity, 2005. – 224 p.

⁴ Bauman, Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity, 2006. – 188 p.

⁵ Bauman, Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity, 2006a. – 128 p.

⁶ Bauman, Z. 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2010. – 188 p.

⁷ Bauman, Z. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2011. – 144 p.

⁸ Bauman, Z., Lyon, D. Liquid Surveillance: A Conversation. Cambridge: Polity, 2012. – 152 p.

⁹ Beck, U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press, 2007. – 216 p.

¹⁰ Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. – 240 p.

плане как нарастание структурной дисфункциональности сложной системы социума и/или техно-природной системы, что проявляется в потенциальной угрозе катастрофы, социальных страхах людей относительно возникающих неопределенностей. В частности, исследовались цивилизационные уязвимости¹, уязвимости в виде «нормальных аварий»², уязвимости как «побочный ущерб», сопутствующий жизни и деятельности людей в мире рефлексивного модерна³. «Организованный, рациональный» социум буквально на наших глазах стал столь быстро «устаревать», что была высказана и обоснована идея о том, что социальное в аутентичном виде, по существу, «отмирает», уступая место сложной *социо-природной реальности*. Это востребовало не только создание принципиально новых социологических теорий и подходов, но и *поворотов* социологии к теоретико-методологическому инструментарию других наук, включая науки естественные, результатом чего стали постдисциплинарные подходы с социологическим стержнем. Известный английский социолог Дж. Урри предложил повороты сложности⁴, мобильности⁵ и ресурсности⁶. Никогда ранее социология не занималась проблематикой климата – ныне же он рассматривается как весьма значимый фактор социальной турбулентности и «старения» существующих обществ⁷.

Весьма существенный вклад в исследование реалий «старения» социума внесли российские социологи. Академик РАН М.К. Горшков сделал вывод о том, что в России сложилось *качественно новое общество*, имеющее сложную природу: оно более дифференцировано, многослойно, ему свойственен перманентный процесс экономического, технологического и социо-культурного обновления. Для его социологической диагностики был предложен инструментарий, обеспечивающий единство и взаимообогащение эмпирического и теоретического анализа социума, что позволяет перейти от социологии как науке об обществе к социологии как *науке для общества* – вырабатывать объективный прогноз его развития в контек-

¹ Tiryakian, E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? // Arjomand, S. (ed.). Social Theory and Regional Studies in the Global Age. New York, Pangaea II: Global Local Studies, State University of New York Press, 2014.

² Perrow, Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011. – 432 p.

³ Bauman, Z. Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age. Cambridge: Polity Press, 2011a. – 224 p.

⁴ Urry, J. The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society. Sage Publications, 2005. – pp. 235–254.

⁵ Urry, J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. – 336 p.

⁶ Urry, J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011. – 200 p.

⁷ Giddens, A. Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe. Revised and Updated Edition. Cambridge: Polity Press, 2016. – 224 p.

сте глобальных и национальных реалий¹. «Старение» социума зачастую приобретает весьма парадоксальные тенденции и формы. Член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко провел исследования новых реалий *парадоксальности* [Тощенко, 2009] и *кентавризмов*² в российском обществе. При этом им были выявлены условия и механизмы производства особых случаев противоречивых, парадоксальных социальных реалий в виде *фантомов*, под которыми имеются в виду явления и процессы, олицетворяющие собой специфические, экстравагантные формы общественного сознания, носители которых обладают гипертрофированными характеристиками – непомерной жадной власти, болезненным стремлением к славе. Фантомы имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, вносящее деструктивность на всех уровнях социальной организации³. О.Н. Яницким была предложена *метаболическая концепция современного города*, интерпретирующая различные формы взаимодействия его человеческих, материальных, энергетических, природных компонентов и систем⁴. С.А. Кравченко были предложены контуры концепций *гуманистического поворота в социологии*, «*стрелы времени*» *научного знания*, «*нормальной аномии*»⁵. Даже беглый взгляд на новации свидетельствует о том, что за столь небольшой срок по историческим меркам социология *радикально изменилась*, и, воистину, возникла *новая социологическая наука с принципиально новыми полями исследования и новым теоретико-методологическим инструментарием*.

В этом ряду особое место занимает *социологическая диагностика меняющейся Европы*, представленная в виде фундаментальных монографических работ, изданных в последние годы. Так, Э. Гидденс, в новой книге «*Турбулентный и могущественный континент. Какое будущее ожидает Европу?*» обосновывает социально-политические факторы её турбулентности. По его мнению, Европейский Союз фактически состоит из трех относительно самостоятельных систем: 1) Европейский Союз 1, олицетворяющий

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016. – 416 с.

² Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа): Монография. М.: Новый Хронограф, 2011. – 552 с.

³ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.

⁴ Яницкий О.Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013. – 258 с.

⁵ Кравченко С.А. Социологическое знание через призму стрелы времени: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет, 2015.

институциональные структуры Европы, включая Европарламент; 2) Европейский Союз 2 как место сосредоточения «большой реальной власти», представленной А. Меркель, Ф. Олландом, еще одним или двумя национальными лидерами, а также главами Европейского Центрального Банка и Международного Валютного Фонда; 3) «бумажная Европа, состоящая из множества будущих планов, дорожных карт, региональных стратегий и т.д.»¹. Между системами нет должного взаимодействия, чему есть объективные и субъективные причины: «отсутствует демократическое лидерство»; фактически идут два процесса, накладывающиеся друг на друга – с одной стороны, разделение и конфликт, а с другой – интеграция; действуют самые разные евроскептики, но «почти все они обеспокоены “правлением из Брюсселя”». Восстановление со-функциональности систем Гидденс видит в «углубленной интеграции в международную политику», «переосмыслении роли НАТО в отношении к России»². З. Бауман в книге «*Чужаки у нашей двери*» осуществил исследование современной миграции в Европу. По его мнению, «массивная миграция, несомненно, явление новое... То, что недавно произошло за последние годы представляет собой огромный скачок в численности беженцев и ищущих убежище к общему объему мигрантов, стучащихся в двери Европы; этот скачок был вызван увеличивающимся числом “падающих” или, скорее, уже упавших государств, а также – несмотря на все намерения и цели – появлением территорий, на которых нет ни государственности, ни права, ведутся бесконечные войны между племенами и сектами, осуществляются массовые убийства, захваты всего, что можно, круглосуточный бандитизм». В этих условиях не только перед политиками Европы, но и других стран возник вопрос: «Как жить вместе – жить в *мире* – на *исчерпывающейся* планете, достигающей пределов своей адаптивной возможности?»³. По мнению ученого, необходим другой тренд политики в отношении развития Европы, ибо нынешняя основывается на «моральной слепоте», проявляется в строительстве заборов, нагнетании СМИ всевозможных фобий. У. Бек постоянно анализирует происходящие в Европе изменения. В книге «*Космополитическая Европа*» он изучает возможности «социальной и политической интеграции в условиях пришедшей космополитизации»⁴. В работе «*Немецкая Европа*» социолог

¹ Giddens, A. *Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe*. Revised and Updated Edition. Cambridge: Polity Press, 2016.

² Giddens, A. *Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe*. Revised and Updated Edition. Cambridge: Polity Press, 2016.

³ Bauman, Z. *Strangers at our Doors*. Cambridge: Polity Press, 2016.

⁴ Beck, U., Grande, E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge: Polity Press, 2008. – 328 p.

осмысливает не только угрозы и риски Европы, но и альтернативные пути развития, выражая при этом сдержанный оптимизм: «Риск открывает наши глаза и также порождает надежды на позитивный исход»¹. В посмертно изданной книге «*Метаморфоза мира*» У. Бек в отличие от многих исследователей обосновывает весьма оптимистический взгляд на будущее Европы. Им была предложена концепция «*эмансипирующего катастрофизма*», согласно которой могут быть не только негативные, но и «позитивные побочные эффекты глобальных рисков», проявляющиеся в производстве «общих благ». Согласно автору, «во-первых, нарушение создает норму. Ожидание глобальной катастрофы нарушает *сакральные* (неписанные) нормы человеческого существования и цивилизации. Во-вторых, нарушение сакральных ценностей вызывает *антропологический шок* и, в-третьих, «*социальный катарсис*». Если к этим потенциальным тенденциям добавить «культурный труд» европейцев, то возможно «появление нового нормативного горизонта в виде глобального фрейма справедливости»². Несомненно, концепция «эмансипирующего катастрофизма» весьма оригинальна и, возможно, нынешние кризисные реалии подвигнут политические, интеллектуальные и научные элиты на разработку практических путей перехода на новую траекторию общественного развития. Хотя, еще раз отметим, ныне в общественном сознании европейцев преобладают пессимистические воззрения. Так, З. Бауман в посмертно изданной книге «*Ретротопия*» отмечает, что в контексте нарастания катаклизмов и «текущих» страхов люди все более видят социальное счастье только в прошлом³.

Как видно, даже у социологических метров взгляды на противоречия Европы, пути создания её новых реалий существенно разнятся. Пожалуй, лишь в одном социологи едины – для изменения нынешнего тренда развития Европы необходимы интеллектуальные и политические усилия. Поэтому представляется совершенно правильным спустя 14 лет еще раз внести в повестку дня конференции Европейской социологической ассоциации столь жизненно важные проблемы. Как считают организаторы Форума, Европа может создаваться или не создаваться, что рельефно показала «Великая рецессия» 2008 года. «Европейское общество и даже сама идея Европы находится под угрозой». Тому есть три важнейшие причины. Во-первых, *противоречия капитализма* оказались более сильными, чем считалось ранее, что обусловлено последствиями неолиберальной поли-

¹ Beck, U. German Europe. Cambridge: Polity Press, 2013.

² Beck, U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.

³ Bauman, Z. Retrotopia. Cambridge: Polity, 2017. – 180 p.

тики. Они особенно проявились в угрозах социальному государству и увеличивающихся неравенствах.

Во-вторых, *европейские солидарности фрагментируются*. Новый мировой экономический кризис сформировал контекст для подрыва этих солидарностей. С одной стороны, коренные жители Европы проводят манифестации, требуя политических перемен, а с другой, – беженцы, спасающиеся от военных действий, чьи права нарушаются и даже их жизни находятся под угрозой.

В-третьих, *субъективности* формируются не только под влиянием участия в протестных движениях, но также апатии, депрессии, беспокойств. Авторитаризм, национализм, расизм, ксенофобия, спирали насилия, идеологический фундаментализм распространились по всему миру, включая Европу.

Организаторы Конференции призвали её участников дать интерпретацию указанных вызовов в контексте исследования процессов создания, несоздания и переделки Европы. Полагаем, российские социологи внесут свой вклад в осмысление рисков и уязвимостей, с которыми столкнулись европейские общества. Это существенно изменит квинтэссенцию социологической науки, которая через 10-15 лет обогатится принципиально новыми теориями и подходами.

Библиография

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016.

2. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: производство «ничто» // Социологическая наука и социальная практика, 2015. № 3.

3. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1.

4. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму стрелы времени: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет, 2015.

5. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа): Монография. М.: Новый Хронограф, 2011.

6. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

7. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 543 с.

8. Яницкий О.Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013. – 258 с.

9. Bauman, Z. 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2010.
10. Bauman, Z. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2011.
11. Bauman, Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity, 2006.
12. Bauman, Z. Liquid Life. Cambridge: Polity, 2005.
13. Bauman, Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds, Cambridge: Polity, 2003.
14. Bauman, Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity, 2006.
15. Bauman, Z. Retrotopia. Cambridge: Polity, 2017.
16. Bauman, Z. Strangers at our Doors. Cambridge: Polity Press, 2016.
17. Bauman, Z., Lyon, D. Liquid Surveillance: A Conversation. Cambridge: Polity, 2012.
18. Beck, U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press, 2007.
19. Beck, U. German Europe. Cambridge: Polity Press, 2013.
20. Beck, U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
21. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
22. Beck, U., Grande, E. Cosmopolitan Europe. Cambridge: Polity Press, 2008.
23. Giddens, A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
24. Giddens, A. Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe. Revised and Updated Edition. Cambridge: Polity Press, 2016.
25. Perrow, Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011.
26. Tiryakian, E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? // Arjomand, S. (ed.). Social Theory and Regional Studies in the Global Age. New York, Pangaea II: Global Local Studies, State University of New York Press, 2014.
27. Urry, J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.
28. Urry, J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.
29. Urry, J. The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society. Sage Publications, 2005.

References

1. Gorshkov M.K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnosis) [*Rossijskoe obshchestvo kak ono est': (opyt*

sociologicheskoy diagnostiki]). In 2 volumes of T. 1. / Gorshkov M.K. Ed. 2 nd, revised. And additional. - M. : New chronograph, 2016.

2. Kravchenko S.A. «Normal anomie»: the production of «nothing» // Sociological science and social practice, [*Normal'naja anomija*]: proizvodstvo «nichts» // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*] 2015. № 3.

3. Kravchenko S.A. The demand for a humanistic turn in sociology // Sociological Science and Social Practice, [*Vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota v sociologii*] // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*] 2013. No. 1.

4. Kravchenko S.A. Sociological knowledge through the prism of the arrow of time: the demand for a humanistic turn. [*Sociologicheskoe znanie cherez prizmu strely vremeni: vstrebovannost' gumanisticheskogo povorota*] Moscow: MGIMO-University, 2015.

5. Toshchenko Zh.T. Centaur-problem (Experience of philosophical and sociological analysis) [*Kentavr-problema (Opyt filosofskogo i sociologicheskogo analiza)*]: Monograph. M. : New Chronograph, 2011.

6. Toshchenko Zh.T. Phantoms of Russian society. [*Fantomy rossijskogo obshhestva*] Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2015.

7. Toshchenko Zh.T. A paradoxical man. [*Paradoksal'nyj chelovek*] M.: UNITY-DANA, 2009. – 543 p.

8. Yanitsky ON Ecological catastrophes: structural and functional analysis. [*Jekologicheskie katastrofy: strukturno-funkcional'nyj analiz*] Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2013. – 258 p.

9. Bauman, Z. 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2010.

10. Bauman, Z. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity, 2011.

11. Bauman, Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity, 2006.

12. Bauman, Z. Liquid Life. Cambridge: Polity, 2005.

13. Bauman, Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds, Cambridge: Polity, 2003.

14. Bauman, Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity, 2006a.

15. Bauman, Z. Retrotopia. Cambridge: Polity, 2017.

16. Bauman, Z. Strangers at our Doors. Cambridge: Polity Press, 2016.

17. Bauman, Z., Lyon, D. Liquid Surveillance: A Conversation. Cambridge: Polity, 2012.

18. Beck, U. *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press, 2007.
19. Beck, U. *German Europe*. Cambridge: Polity Press, 2013.
20. Beck, U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press, 2016.
21. Beck, U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010.
22. Beck, U., Grande, E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge: Polity Press, 2008.
23. Giddens, A. *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press, 2009.
24. Giddens, A. *Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe*. Revised and Updated Edition. Cambridge: Polity Press, 2016.
25. Perrow, Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press, 2011.
26. Tiryakian, E.A. *Civilization in the Global Era: One, Many... or None?* // Arjomand, S. (ed.). *Social Theory and Regional Studies in the Global Age*. New York, Pangaea II: Global Local Studies, State University of New York Press, 2014.
27. Urry, J. *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press, 2011.
28. Urry, J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2008.
29. Urry, J. *The Complexities of the Global* // *Theory, Culture & Society*. Sage Publications, 2005.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ

QUESTIONS OF CULTURE

ГОЛОУХОВА
Дарья Валерьевна,
МГИМО Университет МИД РФ,
Москва, Россия
9289165@gmail.com

GOLOUHOVA
Dar'ja Valer'evna
MGIMO University
Moscow, Russia
9289165@gmail.com

**Трансформации городского пространства
в информационную эпоху: возможности теории
М. Кастельса для городского управления/
Transformation of urban space in the information
age: theory M. Castells for urban management**

Аннотация

Статья посвящена вопросам трансформации городского пространства в условиях формирования сетевого общества. Через призму теории М. Кастельса автор анализирует структурные изменения городской среды, вызванные цифровой революцией и переходом к информационной эпохе. К ним относятся растущая урбанизация; появление новых городских форм – метрополитенских регионов; развитие «фьюжн-пространств»; растущая полиэтничность; появление закрытых кварталов, связанное с коммуникационными разрывами между индивидами и культурами; проблемы включенности городов в глобальные сети; новые городские движения. Эти изменения М. Кастельс описывает тремя фундаментальными оппозициями: противоречие индивидуального и общего; противостояние локального и глобального; взаимоотношение между пространством потоков и пространством мест.

Трансформирующиеся городские пространственные структуры и городские процессы приводят к необходимости развития адекватной городской политики, которая связывала бы воедино городское планирование, архитектуру и городской дизайн. Каждый из этих элементов играет важную роль в адап-

тации городов к условиям сетевого общества. Городское планирование обеспечивает способность метропольного региона функционировать внутри пространства потоков, связывая глобальное и локальное, вплетая пространство потоков в пространство мест. Задачей архитектуры является восстановление символического значения в метропольных регионах, тогда как городской дизайн направлен на формирование публичных мест, являющихся источниками культуры, социальности, систем коммуникации и демократии, осуществляемой через гражданское участие.

Ключевые слова

Городское пространство; пространство потоков; пространство мест; городское планирование; городской дизайн; городская политика; сетевое общество; метропольный регион; глобализация; информационная эпоха; городская социология.

Abstract

The article focuses on the issues of urban space transformations in the network society. Through the theory of M. Castells the author analyzes urban changes caused by the digital revolution and transition to the information age. These processes include increasing urbanization; formation of metropolitan regions (urban constellations scattered throughout huge territories); development of fusion space; increasing multi-ethnicity of urban areas; appearance of gated communities; new urban movements. M. Castells describes these changes through three bipolar axes: opposition between the global and the local, between individuation and communalism, between the space of flows and the space of places. Transformation of urban spatial structures and processes leads to the necessity of adequate urban policy which would integrate urban planning, architecture and urban design. Each element is vital for preservation of cities as cultural forms in the informational age. Urban planning deals with the ability of metropolitan regions to operate within the space of flows, linking the global and the local. The role of architecture is to restore symbolic meaning in the metropolitan region. Recent architectural trends point at its transition to the space of flows while its function is to recreate symbolic meaning making places in the space of flows. Urban design connects local life and global flows through public spaces which are organizers of shared culture, sociability, communication systems and democracy via practice of citizenship.

Keywords

Urban space; space of flows; space of places; urban planning; urban design; urban policy; network society; metropolitan region; globalization; informational age; urban sociology.

Внутренняя пространственная организация города представляет особый интерес для исследователей, чьи научные разработки лежат в области городской социологии и урбанистики, так как она является основным предметом городского планирования, градостроительной и архитектурной деятельности. Исследование городской морфологии и социального пространства города является одним из начальных этапов формирования стратегии городского развития. Особенно значимой данная задача становится в условиях интенсивной урбанизации и роста агломераций. По данным российского географа Г.М. Лаппо, актуальность развития агломераций в России крайне высока, их формирование должно рассматриваться как важная государственная задача, быть целенаправленным и осуществляться на основе тщательно разработанного плана¹. Особое внимание при этом необходимо уделить взаимодействию города-центра с городами-спутниками. Это взаимодействие приобретает новые существенные черты, так как протекает в условиях становления информационного общества эпохи рефлексивного модерна, и, соответственно, требует нового подхода к его анализу и управлению. Другой проблемой для России является высокая централизация различного рода ресурсов в столице страны. В Москве сосредоточены основные политические и экономические институты, здесь находятся штаб-квартиры крупнейших и зарубежных компаний, что связано, в частности, с доступом к органам государственной власти. Основные события культурной жизни страны также происходят в ее столице. Таким образом, Москва становится центром притяжения финансовых, политических и культурных потоков, латентно ограничивая возможности развития регионов и исключая их из глобальной сети. Соответственно, политика развития крупных российских городов, региональных центров должна способствовать их становлению в качестве узлов глобального пространства. В этой связи необходимо обозначить теоретико-методологические подходы к изучению городского пространства, которые отражали бы специфику современного сложного общества².

¹ См.: Лаппо Г.М. Городские агломерации СССР-России: особенности динамики в XX веке // Удобное пространство для города. Российское экспертное обозрение, 2007. – №4-5. – С. 6-9.

² См.: Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». – М.: МГИМО-Университет, 2015.

Один из таких подходов предложил М. Кастельс, испанский социолог, создавший концепцию информационного города¹. Проблемы городской социологии занимают М. Кастельса уже с середины 1970-х годов. В 1977 году он публикует работу «Городской вопрос: марксистский подход»² (на французском языке работа вышла в 1972 году), адаптирующую марксистские концепты к сфере урбанизма. Ученый рассматривает городские проблемы в терминах коллективного воспроизводства рабочей силы и коллективного потребления. Для воспроизводства рабочей силы необходимы жилье, здравоохранение, питание, система образования и инфраструктура, производство, распределение и управление которыми зависит, в первую очередь, от государства, а не от частного капитала, для которого инвестирование в эти сферы невыгодно. В силу концентрации населения в городах эти продукты потребления все больше обеспечиваются в условиях города. Недостаточное обеспечение государством горожан продуктами коллективного потребления приводит к появлению новых социальных движений, генезис и динамику которых М. Кастельс рассмотрел в работе «Город и его обыватели»³. В более поздних работах М. Кастельс концентрируется на социальных изменениях, связанных с информационной революцией и появлением глобального сетевого общества. М. Кастельс анализирует в работах «Информационный город» (1989) и «Информационная эпоха» (1996–1998), развивая эти идеи в ряде более поздних статей и лекций.

Социолог полагает, что в начале XXI века городская социология переживает кризис. По его мнению, разработки социологов Чикагской школы более не могут быть применимы к анализу современных городов и городских сообществ. Это связано с тем, что Чикагская школа давала ответы на вызовы конкретной исторической эпохи, общества индустриального модерна. Её представители стремились решить главную проблему американского общества того периода: интеграция разрозненных этнических и социальных групп в единое общество, связанная с растущей плотностью населения, вызванной усиливающейся индустриализацией и урбанизацией. Используемый социологами экологический подход рассматривал городские процессы в терминах конкуренции и социального отбора. Человеческая экология понималась как «исследование пространственных и временных отношений между людьми, складывающимися под

¹ См.: Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – с. 83.

² Castells, M. The Urban Question: A Marxist Approach. – The MIT Press, 1979.

³ Castells, M. The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. – University of California Press, 1984.

воздействием сил среды, связанных с отбором, распределением и аккомодацией»¹. Данный подход был адекватен американскому обществу первой половины XX века, но, по мнению М. Кастельса, утратил актуальность в современном сетевом обществе.

Аналогичным образом «устарели» объяснительные возможности теории «новой городской социологии», второй волны городских исследований, характерной для 1960–70-х годов². Социальные проблемы и городские процессы этого времени значительно отличались от тех, что положили начало Чикагской школе. Появление новых социальных движений, проблемы гендерных отношений, признание мультикультуральности и невозможности объединения многообразных социальных групп в единую культуру привели к тому, что в фокус исследователей попала борьба за контроль и власть в городском индустриальном обществе, а не проблемы социальной интеграции. Конфликт и методы его урегулирования стали одной из основных областей исследования городской социологии.

«Новая городская социология» сформировалась вокруг работ А. Лефевра и М. Кастельса³. В фокусе исследований было четыре основные темы: производство пространства, право на город, коллективное потребление и городские социальные движения. Однако трансформационные процессы радикального толка, протекающие в городах сегодня, требуют абсолютно нового теоретико-методологического подхода к городскому пространству. С точки зрения М. Кастельса, на данный момент в социологических науках нет валидной теории, отражающей суть современных городских изменений.

По мнению М. Кастельса, в основе этих изменений лежит процесс формирования сетевого общества, в котором сети электронных коммуникаций становятся фактором формирования ключевых социальных структур и социальных практик индивидов. Оно основано вокруг потоков капитала, информации, технологий, символов. В этом пространстве потоков роль городов меняется, они превращаются в узловые пункты и центры власти новой пространственной формы. Это приводит к изменениям в пространственных структурах городов и процессах урбанизации и дезурбанизации.

¹ Чикагская социология: Сборник переводов / Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 36.

² См.: Castells, M. *Urban Sociology in the Twenty-First Century* // *Cidades, Comunidades e Territórios*, 2002. – № 5. – pp. 9–19.

³ См.: Castells, M. *The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. – University of California Press, 1984; Castells, M. *The Urban Question: A Marxist Approach*. – The MIT Press, 1979; Лефевр А. *Производство пространства*. М.: Strelka Press, 2015.

Различные исследователи предсказывали, что информационная революция приведет к «концу города». Так, например, О. Тоффлер¹ полагал, что в супериндустриальном обществе большие города исчезнут в процессе децентрализации. Ф. Ферраротти предположил смерть крупных городов в двух из пяти своих сценариев будущего²: в полицентрическом обществе на смену индустриальному городу придут мелкие центры, специализирующиеся на предоставлении услуг, а дифференцированный гигантизм приведет к децентрализации и появлению «глобальной деревни» в силу того, что люди будут выполнять работу дома с помощью компьютеров и телекоммуникаций.

М. Кагельс, однако, показывает, что мы переживаем самую крупную волну урбанизации. По данным ООН, на сегодняшний день 54% населения Земли проживают в городах, а к середине века две трети населения планеты будет городским³. Становление сетевого общества не означает упадок городов. По мнению американского экономиста Э. Глейзера, информационные технологии увеличивают ценность личных связей, «создают мир, насыщенный отношениями»⁴. Они создают больше возможностей для обмена информацией, что, в свою очередь, приводит к необходимости более тесных контактов, как на личном уровне, так и через средства электронной коммуникации. Все это усиливает ценность городов. Мегаполисы будут расти, так как они являются центрами экономического, технологического, политического и культурного развития, а также узлами к глобальным сетям.

Информационная революция не означает «смерти» города, но приводит к появлению новых городских форм – метропольных регионов – городских скоплений, разбросанных по огромной территории вокруг полицентричных структур. Метропольный регион – это качественно новая городская форма, так как он включает в себя урбанизированные и сельскохозяйственные территории, открытое пространство и плотно населенные жилые зоны. Он включает в себя несколько центров, различающихся по размеру и функциям, из которых в некоторых случаях ни один не является доминантным. Его образование связано с двумя взаимосвязанными процессами: во-первых, это децентрализация и передача ряда функций из города-центра прилегающим территориям; во-вторых, усиление взаимос-

¹ См.: Тоффлер О. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004.

² См.: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. – 384 с.

³ См.: Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам. <https://esa.un.org/unpd/wpp/>.

⁴ Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: Институт Гайдара, 2014. С. 66.

вязи населенных пунктов различного размера, связанное с развитием коммуникаций. К метропольным регионам можно отнести современные агломерации, возникшие вследствие интеграции нескольких городов и прилегающих к ним территорий: Токио – Йокогама, Гуанчжоу – Фошань, Осака – Кобе – Киото. Кроме того, метропольные регионы возникают за счет усиления интенсивности связей мегаполиса с окружающими его городами и сельскими территориями. Такие мегаполисы, как Лондон, Нью-Йорк, Дели, Сан-Паулу, Москва и др. непрерывно расширяются, захватывая все новые территории. Количество и интенсивность связей с соседними городами увеличиваются за счет транспортной инфраструктуры и информационных технологий. Границы мегаполиса размываются, для управления городом требуется тесная кооперация муниципальных властей всех входящих в агломерацию территорий. В результате создаются новые административные единицы: Национальный столичный регион в Индии, включающий в себя Дели и ряд округов; Большой Лондон; Большой Нью-Йорк или Нью-Йоркская агломерация, помимо самого Нью-Йорка включающая ряд городов штатов Нью-Джерси и Коннектикут; Москва – Новая Москва. Подобные процессы характерны для всех регионов земного шара.

Метропольные регионы не объединены общим именем или культурой, что затрудняет процесс управления ими, а также участие граждан в политике региона. Метропольные регионы образуются из самостоятельных городских систем. Их интеграция в единое городское пространство представляет собой сложный и продолжительный процесс. Размер территории, численность населения, диверсификация и полифункциональность включенных в метропольный регион территорий усложняют процесс муниципального управления. В то же время жители метропольного региона не обладают общей идентичностью, в том числе и потому, что метропольный регион объединяет городские и сельскохозяйственные территории.

Появление сетевого предпринимательства как новой формы экономической деятельности привело к функциональному размытию границ между местом работы и местом жительства. Это, в свою очередь, способствовало появлению «фьюжн-пространств» (fusion space)¹ – архитектурных пространств, в которых цифровые технологии сделали возможным появление новых и социально значимых комбинаций индивидов и типов деятельности. Современные информационные технологии позволяют работать не только в офисах, но

¹ См.: Castells, M., Cardoso, G. (Eds.). *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. – 434 p.

и в самолетах, поездах, кафе, парках, отельных номерах. Цифровая революция привела к снижению спроса на специализированные, «приписанные» пространства (частные офисы, рабочие кабинеты и т.п.) и востребованности «неприписанных» публичных и полупубличных фьюжн-пространств, которые могут быть использованы в различных целях.

Города становятся все более полиэтническими и поликультурными. Из двух основных причин роста городов – естественный прирост населения и миграция (как внешняя, так и внутренняя) – вторая становится все более значимой, особенно в развитых странах. Это неизбежно приводит к распространению мультикультурализма и связанным с ним проблемами интеграции и ассимиляции жителей города, принадлежащих к разным этническим и социально-культурным группам.

В современных городах имеет место амбивалентный процесс инклюзии и эксклюзии. По М. Кастельсу, «отличительная черта глобальной «включенности» и локальной «исключенное», физической и социальной, делает мегаполисы новой городской формой»¹. Вне мегаполисы связаны с глобальными сетями, тогда так внутри они исключают из них местные функционально ненужные популяции. Архитектура глобальных сетей соединяет места выборочно, в зависимости от их ценности для сети. «Глобальный город – это не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра»². «Исключенные» из городских процессов, сегрегированные социальные группы легко оказываются втянуты в нелегальную экономику, которая также глобализируется и получает больше возможностей для развития в сетевом обществе благодаря информационным технологиям. Криминальная культура в значительной степени влияет на низкодоходные группы городского населения. Растущая преступность и коммуникационные разрывы между социальными группами (в частности, связанные с полиэтничностью и полъкультуральностью) приводят к появлению новых «защитных» форм расселения³, становятся причиной появления закрытых кварталов (gated communities).

¹ Castells, M., *The Rise of the Network Society*, 2nd Edition with a New Preface. UK: Blackwell. – p. 379.

² Там же. – P. 363.

³ См.: Castells, M. *Urban Sociology in the Twenty-First Century // Cidades, Comunidades e Territórios*, 2002. – № 5. – pp. 9–19.

Изменения претерпевают городские социальные движения, формируясь вокруг двух основных направлений: локальные и энвайронментальные движения. Первые нацелены на сохранение местного сообщества, утверждение своего права на город, обеспечение качественных жилищных условий и городских услуг. Вторые направлены на достижение более широкой цели – улучшение качества жизни. Свою задачу они видят в том, чтобы изменить городскую среду в целом.

На более высоком уровне теоретизирования М. Кастельс описывает трансформации городов с помощью трех биполярных осей. Первая оппозиция рассматривается в терминах глобального и локального. Ключевые экономические, технологические, коммуникационные и другие процессы протекают в глобальных сетях. Но частная жизнь, культурная идентификация, ежедневная рутина – это локальные феномены. Задача города – связать локальное и глобальное. Это непростая проблема для городского управления, так как, в первую очередь, необходимо обеспечить адекватное функционирование города в глобальной сети, что, соответственно, необходимо для обеспечения конкурентоспособности города в глобальной экономике, но не всегда позитивно сказывается на локальных сообществах.

Вторая ось – это противопоставление индивидуации и общинности. Под индивидуацией М. Кастельс понимает индивидуальные смыслы, интересы и репрезентации. Это процесс, посредством которого индивид интернализирует и адаптирует социальные ценности, таким образом отделяя себя от других членов общества и определяя свое место в нем. Именно через процесс индивидуации формируется идентичность. Общинность основана на разделяемой всеми идентичности, системе ценностей и верований. Это набор верований и ценностей, который ставит общее благо выше индивидуального. Между этими двумя полюсами находятся институты гражданского общества, которые в условиях сетевого общества утрачивают силу, соответственно, напряжение между индивидуальным и общим усиливается.

Третья ось касается пространственных форм и описывает противостояние между «пространством потоков» и «пространством мест». По М. Кастельсу, «пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени»¹. Пространство потоков соединяет людей, отделенных друг от друга расстоянием, через электронные сети. Пространство мест организует социальные практики

¹ Castells, M. The Rise of the Network Society, 2-nd Edition with a New Preface. UK: Blackwell. 2009 – p. 385.

в границах физической близости. Города одновременно построены вокруг потоков, мест и отношения между ними.

На основе анализа описанных трендов М. Кастельс предлагает ряд рекомендаций по городскому управлению. По его мнению, сохранение городов как культурных форм в новом пространственном контексте возможно при интеграции городского планирования, архитектуры и городского дизайна.

Основной задачей городского планирования является обеспечение связанности, как внутренней (между узлами метропольного региона), так и внешней (включенности в глобальную сеть). Связывая глобальное и локальное, городское планирование создает возможности для региона функционировать в пространстве потоков. В то же время, его функцией является привязывать узлы глобальных сетей к пространству мест. С практической точки зрения это означает, что городское планирование ориентировано на выполнение ряда задач. Во-первых, это создание эффективной транспортной системы, которая связывала бы узлы метропольного региона. При этом она должна гармонично взаимодействовать с сетью общественного транспорта и локальной транспортной сетью, включающей в себя велосипедные и пешеходные дорожки. Во-вторых, преодоление сегрегации, которой подвергаются районы, «исключенные» из глобальной сети. В-третьих, это сохранение этнического и социального разнообразия города. В-четвертых, это интеграция открытых и природных пространств в тело метропольного региона. Так как метропольный регион занимает обширную территорию, важно обеспечить эффективное включение в него сельскохозяйственных и природных зон. В-пятых, это децентрализация и рецентрализация населения. Так как метропольный регион – это мультифункциональное образование, новые планировочные практики необходимы для создания субцентров. Таким образом, городское планирование в сетевом обществе не только обеспечивает адаптацию пространства мест к пространству потоков, но и структурирует пространство мест в качестве жилого пространства, обеспечивая связь уровня экономического развития региона с качеством жизни его жителей.

Ролью архитектуры является восстановление символического значения в метропольном регионе, так как пространство потоков размывает значимое отношение между архитектурой и обществом. Архитектура является пространственным выражением господствующих в обществе ценностей. Архитектурные формы, по мнению М. Кастельса, отражают тенденции, характерные для протекающих в конкретном обществе тенденций. Постмодернистская архитектура выражает идеологию вытеснения пространства мест пространством

потоков, являясь внеисторичной и внекультурной архитектурой, так как она теряет символическую связь с конкретным местом и не выражает значение конкретной культуры. Архитектура пространства потоков связана, в первую очередь, с узлами сетевого общества: музеи как культурные узлы, вокзалы, аэропорты как коммуникационные узлы, бизнес-центры как экономические узлы. Зачастую новые архитектурные формы не вписываются в символическое пространство города. Избежать этого можно только при интеграции архитектуры с городским дизайном.

В информационную эпоху городской дизайн направлен на сохранение культуры городов. Он должен способствовать установлению связи между пространством мест и пространством потоков через создание публичных мест, играющих важную роль в жизни города. По М. Кастельсу, они являются источниками культуры, социальности, систем коммуникации и демократии, осуществляемой через гражданское участие. А. Джейкобс полагает, что структура города должна поддерживать общественную жизнь не только посредством социальных институтов, но и непосредственно через публичные места¹ как открытые пространства, используемые всеми жителями города и стимулирующие различные проявления уличной жизни. Именно через публичные места город побуждает жителей к участию в жизни локального сообщества и города в целом. По А. Джейкобсу, публичность является основной ценностью городской жизни. Соответственно, городское пространство должно быть организовано так, чтобы обеспечивать социальную интеракцию индивидов.

Эффективное взаимодействие между городским планированием, архитектурой и городским дизайном – результат городской политики, начинающейся с разработки эволюционной стратегии развития пространства метропольного региона в его дуальном отношении с пространством потоков и пространством мест. Эта стратегия должна быть основана на компромиссе между противоречащими интересами социальных акторов.

Библиография

1. Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 432 с.
2. Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 690 с.

¹ Jacobs A., Appleyard D. *Toward an Urban Design Manifesto* // *The City Reader*. Fifth edition / Ed. by Richard T. LeGates, Frederic Stout. NY: Routledge, 2011. – p. 525.

3. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 342 с.
4. Лаппо Г.М. Городские агломерации СССР-России: особенности динамики в XX веке // Удобное пространство для города. Российское экспертное обозрение, 2007. – №4-5. – С. 6-9.
5. Лефевр А. Производство пространства. М.:Strelka Press, 2015. – 432 с.
6. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. – 384 с.
7. Тоффлер О. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. – 781 с.
8. Чикагская социология: Сборник переводов / Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОН РАН, 2015. – 430 с.
9. Castells, M. The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. – University of California Press, 1984. – 471 p.
10. Castells, M. The Urban Question: A Marxist Approach. – The MIT Press, 1979. – 502 p.
11. Castells, M. Urban Sociology in the Twenty-First Century // *Cidades, Comunidades e Territórios*, 2002. – № 5. – pp. 9-19.
12. Castells, M., Cardoso, G. (Eds.). The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. – 434 p.
13. Castells, M., The Rise of the Network Society, 2-nd Edition with a New Preface. UK: Blackwell. 2009 – 624 p.
14. Jacobs, A., Appleyard, D. Toward an Urban Design Manifesto // The City Reader. Fifth edition / Ed. by Richard T. LeGates, Frederic Stout. NY: Routledge, 2011. – 624 p.

References

1. Glazer E. Triumph of the city. How our greatest invention makes us richer. Smarter, greener, healthier and happier. [*Triumf goroda. Kak nashe velichajshee izobretenie delaet nas bogache. umnee, jekologichnee, zdorovee i schastlivee*] Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2014. – 432 p.
2. Kravchenko S.A. Sociological explanatory English-Russian dictionary. [*Sociologicheskij tolkovyj anglo-russkij slovar'*] – Moscow: MGIMO-University, 2012. – 690 p.
3. Kravchenko S.A. Sociological knowledge through the prism of «time arrows». [*Sociologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»*] – Moscow: MGIMO-University, 2015. - 342 p.
4. Lappo G.M. Urban agglomerations of the USSR-Russia: features of dynamics in the XX century // Convenient space for the city. The Russian

expert review [*Gorodskie aglomeracii SSSR-Rossii: osobennosti dinamiki v XX veke // Udobnoe prostranstvo dlja goroda. Rossijskoe jekspertnoe obozrenie*], 2007. №4–5. 6–9 p.

5. Lefevre A. Production of space. [*Proizvodstvo prostranstva*] M.: Strelka Press, 2015. – 432 p.

6. Polyakova N.L. XX century in the sociological theories of society. [*XX vek v sociologicheskikh teorijah obshhestva*] Moscow: Logos, 2004. – 384 p.

7. Toffler O. The Third Wave. [*Tret'ja volna*] M.: OOO «Firma» Publishing house ACT, 2004. – 781 p.

8. Chicago Sociology: Collection of translations [*Chikagskaja sociologija: Sbornik perevodov*] / Comp. And lane. Nikolaev VG; Ans. Ed. Efremenko DV Moscow: INION RAS, 2015. – 430 p.

9. Castells, M. The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. – University of California Press, 1984. – 471 p.

10. Castells, M. The Urban Question: A Marxist Approach. – The MIT Press, 1979. – 502 p.

11. Castells, M. Urban Sociology in the Twenty-First Century // *Cidades, Comunidades e Territórios*, 2002. – № 5. – pp. 9-19.

12. Castells, M., Cardoso, G. (Eds.). The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. – 434 p.

13. Castells, M., The Rise of the Network Society, 2-nd Edition with a New Preface. UK: Blackwell. 2009 – 624 p.

14. Jacobs, A., Appleyard, D. Toward an Urban Design Manifesto // *The City Reader*. Fifth edition / Ed. by Richerd T. LeGates, Frederic Stout. NY: Routledge, 2011. – 624 p.

КОЛОДИНА

Анна Александровна,
к. социол. н., Московский
авиационный институт (наци-
ональный исследовательский
университет) (МАИ)
Москва, Россия
hoha555@yandex.ru

KOLODINA

Anna Aleksandrovna,
Candidate of Sociological
Sciences, Moscow Aviation
Institute (National Research
University) (MAI)
Moscow, Russia
hoha555@yandex.ru

ПУСЬКО

Виталий Станиславович,
д. филос. н., профессор,
Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана (МГТУ). Мо-
сква, Россия
pusko.vitaly@yandex.ru

PUS'KO

Vitalij Stanislavovich,
Doctor of Philosophical
Sciences, professor, Bauman
Moscow State Technical
University (BMSTU). Moscow,
Russia
pusko.vitaly@yandex.ru

Становление современных ценностей культуры (роль семьи и высшей школы)/ The formation of modern cultural values (role of the family and high school)**Аннотация**

Основное внимание в статье обращено на процесс преемственности культуры в современном транзитивном российском обществе в условиях демографического перехода, когда возрастная когорта подрастающих поколений имеет очевидные тенденции к сокращению. В статье показаны роль и значение деятельности социального института семьи в личной социализации молодежи; выявляется специфика диалектики межпоколенных коммуникаций и значимость постоянных контактов в семье для формирования новейшей системы культурных ценностей, норм и символов подрастающим поколениям; рассмотрены особенности деятельности современной высшей школы и подчеркнута значимость воспитательного потенциала вузов в процессе формирования мировоззренческого потенциала вузовской молодежи.

Ключевые слова

Культура; культурные ценности; семья; межпоколенные коммуникации; воспитательный потенциал высшей школы, информационная культура.

Abstract

The article is devoted to the process of cultural continuity in the modern transitive Russian society under demographic transition conditions when there is an obvious downward trend in a cohort of younger generations. The article features the role and importance of the family as a social institution in the personal socialization of young people; identifies the specifics of dialectic in intergenerational communications and the significance of keeping regular family contacts in the formation of the modern system of cultural values, norms and symbols of the younger generation (the youth); discusses peculiarities of the effect of modern higher education and stresses the importance of pedagogic potential of universities in the formation of the worldview potential of university youth.

Keywords

Culture; cultural values; family; intergenerational communications; pedagogic potential of higher school; information culture.

Отечественные исследователи рассматривают современную Россию как сложную открытую многомерную и вероятностно-развивающуюся систему, которая становится обществом высокой социальной подвижности, новой социокультурной дифференциации и структуризации, новых демографических отношений между поколениями. Деятельностный подход и ценностно-культурологический анализ действительности, по мнению академика Т.И. Заславской, составляют основу трансформационной модели современной России¹.

Транзитивность современной России включает множество сложных, многомерных и слабоизученных процессов изменения ее социокультурной природы, а успешность разрешения множества существующих аномийных ситуаций в современном российском обществе зависит не только от реальных успехов в экономических и политических сферах жизни, но также и от наличия у наиболее активной части населения новейших социально-значимых представ-

¹ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. – М.: Дело, 2002.

лений о приоритетных ценностях современной культуры и от желания, охоты и умения каждого претворять эти ценности в жизнь.

Многообразные и разноплановые изменения во всех сферах общественной жизни накладывают существенный отпечаток на процесс социокультурной адаптации молодежи, обуславливают возрастающую вариативность ее взаимоотношений с социальной реальностью и способствуют очевидному пересмотру не только системы культурных ценностей каждого человека, но и основополагающих российских ментальных ценностей культуры. Эти причины и обстоятельства формируют потребность теоретико-методологического анализа процессов социокультурной адаптации молодежи, ее эффективной интеграции в существующую социальную реальность России, причем эта проблематика имеет теоретическое и непосредственное утилитарное практическое значение.

* * *

Из существующего множества самых разных определений культуры наиболее значимыми для целей нашей статьи являются: определение культуры как всей искусственной среды, созданной человеком; рассмотрение культуры как способа и формы деятельного бытия человека и человечества; понимание культуры как совокупности норм и ценностей любого общества, обеспечивающих взаимопонимание, сплоченность, а потому и оптимальное существование каждого человека и всего человечества.

Для философских работ рубежа XX–XXI веков характерно определенное доминирование теоретического осмысления феномена культуры, его атрибутивных признаков выявления генезиса культуры. В рамках отечественного социально-гуманитарного знания десятилетиями господствовала предложенная К. Марксом и Ф. Энгельсом орудийно-деятельностная концепция происхождения культуры, которая являлась базовым основанием для большинства отечественных работ. Однако в последние годы исследователей интересует анализ культуры как специфического аксиологического отношения к миру. Оно представлено анализом работ неокантианцев, концепцией социокультурной динамики П.А. Сорокина и работами Н.И. Лапина, где предлагается социокультурный подход как триединство бытия современного человека, в которое включены процессы: взаимоотношения человека с обществом; с формами и характером культуры; с типами и формами существующей социальности.

Культура – родовой признак любого общества. Однако она всегда является индивидуально-личностным достижением каждого человека, так как нормы, стандарты, стереотипы поведения не наследуются, а осваиваются и интериоризируются каждым человеком

в процессе его первичной и вторичной социализации. Культура является фундаментальной основой любого общества, выступая его значимой ценностью. Исследователи подчеркивают, что «системы ценностей образуют основу культуры, так как они воплощают общественные идеалы, выступая признанным эталоном должного, значимого и существенного. Культурные ценности воплощают то, что должно быть, в то время как культура является реальной констатацией существующих в практике социальной реальности процессов, отношений, взаимодействий»¹.

Культурные ценности осваиваются человеком на основе его личностных волевых усилий в процессе жизнедеятельности, особенно в младших возрастах. Однако в условиях современных быстрых темпов развития исторических процессов, освоение человеком культурных ценностей продолжается всю жизнь, становясь неотъемлемой частью бытия каждого. Система ценностей зависит от личностных волевых качеств, практических навыков и конкретных знаний, которые получает человек от старших поколений в процессах межпоколенной практически-деятельностной коммуникации.

* * *

Отечественные исследователи неоднократно подчеркивали, что современное общество может быть стратифицировано по разным основаниям. При «поколенческо-возрастном подходе» исследователей молодость рассматривается как один из значимых возрастных этапов, когда человек осваивает новые социальные роли, вырабатывает свои социальные притязания, а также формирует систему культурных ценностей и идеалов. Современная социальная реальность России вынуждает реализовать процесс овладения культурными ценностями в условиях современного затянувшегося системного экономического кризиса, когда страна вступила в практически-неизвестные большинству населения рыночные отношения, основанные на либеральной идеологии, институте частной собственности, рынке труда и конкуренции.

Молодежь быстрее других возрастных когорт начала осваивать системы новых культурных ценностей, а на практике жизни – и реальные депривации, что существенно повлияло на ее «картины мира», жизненные стратегии и формирование образа жизни, существенно отличающегося от предшествующего этапа развития российской истории. Исследователи отмечают, что именно молодежь на прак-

¹ Добрынина В.И., Добрынин В.В., Колесникова И.В. Краткий словарь по курсу истории и теории культуры. – М., 2001. – С. 148.

тике осваивает культурные ценности, нормы и принципы, связанные со становлением рыночных отношений рынка труда¹.

Известными экономистами неоднократно отмечались особенности становления рыночных отношений в РФ. Так, например, академик А.Г. Аганбегян делает выводы о том, что функционирующий в стране рынок труда все еще не имеет необходимой самонастройки, потому что спрос и предложение, а также цена рабочей силы и уровень душевого потребления населения не приведены в соответствие со стоимостью рабочей силы из-за сохраняющихся долгие годы кризисных явлений экономики.² Это, безусловно, отражается на процессах социокультурной адаптации молодежи и становления их систем ценностных ориентаций.

В настоящее время можно констатировать, что молодежь, обладая высоким интеллектуальным потенциалом, социокультурной активностью и очевидной ориентированностью на инновационное развитие, вместе с тем имеет достаточно суженные возможности реализации своего индивидуально-личностного капитала. Именно это обстоятельство приводит к очевидной трансформации социально-значимых ценностей культуры и нередко лежит в основе формирования девиантного и делинквентного поведения некоторой части молодежи. Вместе с тем мы полностью разделяем вывод отечественных исследователей о том, что молодежь «глубже и полнее других возрастных групп общества включена в инновационные процессы и ее социокультурная идентификация происходит существенно свободнее, чем у других возрастных когорт».³

* * *

Два главных социальных института постоянно осуществляют процесс преемственности культуры, определяют его формы и способы, наиболее оптимальные технологии и социальный контроль за практической реализацией культурных ценностей в жизнедеятельности подрастающих поколений. Таким первым фундаментальным обоснованием процесса преемственности культуры является семья, а вторым по значимости в этом процессе можно считать систему образования, и в особенности высшую школу, в которой обучается все возрастающее в процентном соотношении число молодых людей современной России.

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ИС РАН, 2010. – 592 с.

² Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России. – М.: Дело, 2004. – 271 с.

³ Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Социокультурная модернизация. – М.: Академика, 2015. – 295 с.

Семья – хранитель и транслятор культурных традиций, в ней осуществляется процесс преемственности/отвержения культурных ценностей. В эпоху значимых исторических перемен именно семья, как базовый социальный институт общества, является главным актором культурных инноваций, которые включаются в семейно-бытовую жизнь не по приказу властных структур, а благодаря именно авторитету семьи.

Глубинная основополагающая первичная социализация каждого человека осуществляется в семье. В постоянных межпоколенческих контактах, общении и взаимодействии, называемого исследователями контактной коммуникацией, происходит овладение каждым новым членом семьи грамматическими нормами языка и логикой мышления конкретной эпохи, нормами и стандартами повседневного поведения. Подрастающие поколения учатся эффективным формам коммуникации с другими людьми, пониманию роли и значения социального контроля, а также овладевают навыками самоконтроля и самодисциплины. Именно в семье формируются не только интересы и потребности, но и закладываются основы мировоззрения каждого человека.

Семья является тем объективно-существующим началом, базовым социальным институтом общества, его ячейкой и экономической клеточкой, практически реализатором социального воспроизводства человека и транслятором культуры общества. Одновременно с тем семья является фильтром, осуществляющим все контакты взаимодействия членов семьи с окружающей внешней средой. Она ранжирует все внешние сигналы по степени их значимости в рамках господствующих в семье инструментальных и базовых ценностей культуры. Характерно, что семья является той стартовой площадкой, на которой четко выявляются усилия государства и других социальных подсистем и общественных сил по отношению к подрастающим поколениям, а значит и подрастающих поколений к государству, обществу и предлагаемым ценностям культуры.

Именно в семье новыми поколениями осуществляется освоение и последующее функционирование социальных коммуникаций разного типа – от авторитарно-догматических до толерантных и либерально-демократических, восходящих к ментальным истокам нашей истории не меньше, чем к новейшим культурным инновациям и нововведениям.

В современной России в условиях демографического перехода социально-демографическая группа молодежи становится все

малочисленнее, потому что малодетность, однопородность и бездетность семей в стране, как показывает статистика, становится более очевидной и сохраняет устойчивую тенденцию.¹

Исследователи объясняют эти процессы множеством самых разных обстоятельств, в том числе: демографическим переходом, доминированием городской модели расселения населения, а также воздействием влияния глобальных СМИ, ориентирующих массовую аудиторию на реализацию поведения, основанного на нормах гедонистической морали общества потребления. Однако репродуктивное поведение населения во все времена определялось не только многообразными материально-техническими, экономическими, политическими, правовыми и другими обстоятельствами, но и, в полной мере также и индивидуально-личностными системами культурных ценностей, интересов и потребностей, существующих в семье.

Современные демографы достаточно убедительно доказывают, что РФ уже прошла «точку невозврата» к нормализации существовавших ранее процессов и моделей социального воспроизводства и на ближайшие десятилетия российская семья в своем большинстве будет оставаться, как и в предшествующие три десятилетия, семьей малодетной или однопородной. Это обстоятельство порождает во многих семьях, особенно при сравнительно низком материальном достатке населения и его определенной, преимущественно патриархальной духовной культуре старших поколений, стремление создать каждому ребенку безоблачное и счастливое детство, которое нередко незаметно перетекает в девиантное и делинквентное поведение подростков и молодежи, а также формирует у подрастающих поколений антисемейные ценности и детофобские настроения.

Становление и укрепление информационной культуры в современной России способствовало тому, что младшие поколения быстрее взрослых членов семьи оказались носителями нового знания, вырастающего на базе успехов электроники и новых достижений в коммуникативно-коммуникационных технологиях, которые для молодежи стали обыденной «прозой жизни», частью повседневного обихода. Азами этой новой культурной реальности, входящей в повседневную жизнь каждой семьи, как правило, вначале овладевают младшие, потом экономически-активные, то есть работающие старшие, а потом уже и самые старшие члены семьи, которых младшие учат управляться со всякими современными гаджетами, электронными устройствами, доступными той или другой семье. Таким образом, семья закладывает фундаментальные основы современного челове-

¹ Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденции ее изменения. /Науч. Ред. А.И. Антонов. – М.: 2009. – С. 194.

ческого капитала, выступая инициатором процесса социального воспроизводства и его главным инвестором на протяжении от двух и более десятилетий, а также практическим реализатором сохранения и изменения культурных ценностей, новаций и традиций, глобальных и локальных интересов и потребностей современного населения.

* * *

Наиболее значимым транслятором культурных ценностей в условиях вторичной социализации молодежи, безусловно, в настоящее время в России выступает высшая школа. В ней получает высшее образование все более значимая часть молодежи, сдавшая необходимые экзамены (ЕГЭ) и получившая аттестат зрелости. Они становятся студентами по результатам обучения в средней школе, а не как прежде – по результатам вступительных экзаменов в вуз.

Если накануне перестройки по официальным данным в стране до 40% выпускников средней школы получали послесреднее образование в вузах и техникумах на дневных, заочных и вечерних формах обучения, то в настоящее время только в высшей школе, которая насчитывает порядка 1500 вузов, в которых обучается почти 5 млн. студентов. Хотя возрастная когорта молодежи за эти три десятилетия не выросла в абсолютной численности, а сократилась.

Другими словами, за последние три десятилетия «высшее образование» как особая культурная ценность для населения России не перестало быть значимой культурной ценностью. Более того, реализация этой ценности для подрастающих в современной семье детей уже потребовала значительных финансовых затрат, независимо от их конечного результата, так как получение диплома (сертификата) отнюдь не гарантирует трудоустройство выпускника вуза по полученной специальности.

В настоящее время в высшей школе России общая численность студентов уже достигла своего максимума и вряд ли может быть увеличена в ближайшие два – три десятилетия. В связи с этим реформирование высшей школы становится особенно актуальной, многоаспектной и трудозатратной задачей всего российского общества, заинтересованного в современной модернизации на основе гармонизации культурных новаций и традиций. Успехи такой модернизации обеспечиваются в первую очередь постоянным возрастанием стоимости интеллектуального человеческого капитала, главного богатства современных государств.

За последние три десятилетия наиболее существенными изменениями в высшей школе были: очевидная коммерциализация образования, примерно половина студентов обучается на «хоздоговорной» основе; утвердилась и стала предпочитаемой система многоуровне-

вого образования (бакалавр – специалист – магистр); помимо государственных вузов существуют негосударственные высшие учебные заведения, обучающие по новым дефицитным и престижным специальностям; существенно изменились сами технологии обучения, на первый план выходит формирование креативных способностей студентов, их компетентности и умения работать в коллективе на базе современных предпочитаемых культурных ценностей.

За всю историю высшей школы России только сейчас, в начале XXI века можно сделать вывод о том, что вузы стали действительно более доступными, так как молодежи предоставлены широкие права в выборе вуза, специальности, формы обучения, престижной кафедры, даже ориентация на педагога-куратора. Однако нельзя забывать, что не количество вузов, а их профессиональная направленность, качество профессорско-преподавательского состава определяют интеллектуальный потенциал страны. Попытки превратить систему высшей школы в пресловутые «учреждения сервисного обслуживания клиентов» и выдачи им государственно-сомнительных дипломов, гарантирующих «высокую профессиональную подготовку», не отвечает современным потребностям.

Нельзя забывать и о том, что во многих вузах постоянно сокращается общее число учебных часов, выделяемых решением Ученых Советов на социально-гуманитарные учебные дисциплины и замены их другими «более современными» (скорее модными) учебными дисциплинами, вроде «этики бизнеса», «специфика современного предпринимательства» и пр., которые предлагают студентам, не изучившим фундаментальных основ не только специальных дисциплин, но социально-гуманитарных наук. А ведь мировая практика показывает, что более 35% учебного времени студентам зарубежных вузов отводится на освоение цикла социально-гуманитарных наук, ведь образовательные учреждения передовых стран понимают, что они готовят не только узкого специалиста, но и гражданина, патриота своей страны.

Для вторичной социализации студентов советских вузов были достаточно очевидными те воспитательные шаблоны, которые были характерны для периода безраздельного господства административно-бюрократической системы, и все они сразу же были отменены Указом № 1 первого Президента России – Б.Н. Ельцина, объявившего ненужной воспитательную функцию высшей школы. Понадобилось три десятилетия, чтобы новый министр образования России – О.Ю. Васильева напомнила, что воспитательный потенциал вузовских педколлективов должен быть использован в полной мере во всех звеньях высшей школы.

Анализ многочисленных отечественных эмпирических исследований позволяет сделать вывод о том, что современная молодежь осуществляет вторичную социализацию и последующую эффективную адаптацию в условиях возрастающего дефицита социального времени и при минимизации государственных расходов на социальное воспроизводство подрастающих поколений.

В условиях господства «новых вузовских тенденций» на рубеже веков многие вузы перенесли центр тяжести воспитательной работы студенчества на деятельности Домов Культуры и Культурных центров вузов, которые, сообразуясь с интересами и потребностями студенчества и возможностями происходящей в стране либерализации системы культурных ценностей подрастающих поколений, стали осуществлять свою деятельность не только в погоне за коммерческим успехом, но и сообразуясь с интересами и запросами студентов, будь то лекции по семье и браку, проблемы этничности, вопросы геополитики и многое другое, что ранее не интересовало студентов, приходящих сейчас в ДК своих вузов.

Анализ деятельности Дома культуры МВТУ им. Баумана показывает, что за последние десятилетия существенно расширился диапазон духовно-культурных интересов студентов вуза и, отвечая новым потребностям и интересам студенчества, в этом традиционно-серьезном, мужском инженерном учебно-научном центре сейчас успешно работают циклы лекций, секции, кружки (Камерный хор «Гаудеамус», Неаполитанский ансамбль им. Мисаиловых, Александршоу балет, Вокальный ансамбль «Perpetum mobile», «Театр-студия «Голос», Танцевальный клуб «Вита», Творческое объединение «Дебют», «Art club BMSTU»), а также действуют следующие проекты: Бауманиада, Дебют на Бауманской сцене, Музыкальная гостиная, Мисс Очарование, Love in the BMSTU. Они свидетельствуют как о незатухающем интересе бауманцев ко всем сторонам духовной культуры, так и о том, что возрастание численности девушек-студенток очевидным образом свидетельствует об изменении общей направленности культурных ценностей, норм и идеалов современного студенчества вообще и студентов МГТУ в особенности.

Краткий обзор тем кандидатских диссертационных исследований по социологии и философии показывает, что многие из них традиционно для отечественного социально-гуманитарного знания посвящены вопросам социокультурной адаптации студенчества и разработке новых, более оптимальных технологий, обеспечивающих эффективную и достаточно краткосрочную интеграцию выпускников вузов в современную социокультурную реальность России.

Исследователи отмечают, что для современных вузов характерно становление новых форм воспитательных воздействий, которые отличаются вне институализированностью, деятельной социальной избирательностью и культурной самореализацией. Подчеркивается плюралистичность интересов молодежи в духовной и культурной социализации и ее прагматической стандартизации, значимость социальных сетей (например, Вконтакте, Фейсбук, Инстаграмм и т.п.), выявляется возрастание роли конструирования в процессах как гендерной самоидентификации, так и социокультурной и этнокультурной идентификации. Делается очевидный вывод о том, что виртуальное пространство электронной коммуникации становится особой средой бытия современного молодого человека и новым способом реализации социокультурных практик.

Теоретический анализ противоречивости и взаимозависимости всех сфер деятельности и процессов бытия современной России в условиях возрастания в нашей стране, как и во всем мире, разнообразных вызовов, угроз и рисков обязательно включает в себя и объективно-необходимый процесс преемственности культуры, ее базовых и инструментальных ценностей, интеграции подрастающих поколений не только в традиции культуры, но и новых норм и культурных ценностей и идеалов, в мир нового знания, неразрывно связанных с достоинствами и недостатками становящейся в РФ информационной культуры.

Характерно, что итоги пятнадцатилетнего мониторинга, осуществленного среди студентов МГУ им. М.В. Ломоносова, показывают, что сопоставительный анализ систем культурных ценностей молодежи и старших поколений в настоящее время выявляет существенный процесс их сближения, так как на первый план в этих возрастных когортах одинаково выходят ценности частной жизни – семья, материальный достаток, здоровье.

Молодежь находится в состоянии высокой неопределенности, однако она использует новые культурные ценности, нормы и символы, создавая свое новое социокультурное окружение, отличное от традиционной бытовой и духовной культуры семьи. Молодежь как и в предшествующие радикально изменяющиеся исторические эпохи в равной мере может быть как апологетом ценностей культуры, так и эпигоном отживших свой век культурных норм и ценностей. Ее фундаментальные культурные ценности закладываются в семье, шлифуются в трансформирующейся социальной реальности и теоретически осмысливаются в высшей школе, которая чуть не забыла, что она ответственна за духовный мир и культурные ценности молодежи, то есть за будущее России.

Библиография

1. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России. – М.: Дело, 2004.
2. Васенина И.В., Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Студент МГУ о своей жизни и учебе. Итоги пятнадцатилетнего мониторинга. – М.: Изд-во Московского университета, 2005.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ИС РАН, 2010.
4. Добрынина В.И., Добрынин В.В., Колесникова И.В. Краткий словарь по курсу истории и теории культуры. – М., 2001.
5. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. – М.: Дело, 2002.
6. Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Социокультурная модернизация. – М.: Академика, 2015.
7. Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденции ее изменения. /Науч. Ред. А.И. Антонов. – М.: 2009.

References

1. Aganbegyan AG Socio-economic development of Russia. [*Social'no-jekonomicheskoe razvitie Rossii*] – Moscow: The Case, 2004.
2. Vasenina IV, Dobrynina VI, Kukhtevich TN A student of Moscow State University about his life and studies. Results of fifteen-year monitoring. [*Student MGU o svoej zhizni i uchebe. Itogi pjatnadcatiletneho monitoringa*] – Moscow: Publishing House of Moscow University, 2005.
3. Gorshkov MK, Sheregi F.E. Youth of Russia: a sociological portrait. [*Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret*] – Moscow: IS RAS, 2010.
4. Dobrynina VI, Dobrynin VV, Kolesnikova I.V. A short dictionary on the course of history and theory of culture. [*Kratkij slovar' po kursu istorii i teorii kul'tury*] – М., 2001.
5. Zaslavskaya TI Societal transformation of Russian society: the activity-structural concept. [*Societal'naja transformacija rossijskogo obshhestva: dejatel'nostno-strukturnaja koncepcija.*] - Moscow: The Case, 2002.
6. Marshak AL, Rozhkova L.B. Sociocultural modernization. [*Sociokul'turnaja modernizacija*] – Moscow: Academician, 2015.
7. Monitoring the demographic situation in the Russian Federation and the trends of its change. [*Monitoring demograficheskoy situacii v Rossijskoj Federacii i tendencii ee izmenenija*] / Scientific. Ed. A.I. Antonov. – Moscow: 2009.

МАВРОПУЛО
Ольга Савельевна,
к. пед. н., Донской государственной
технической университет (ДГТУ),
Ростов-на-Дону, Россия
mosras2010@yandex.ru

MAVROPULO
Ol'ga Savel'evna,
Candidate of Pedagogic
Sciences Don State Technical
University (DSTU), Rostov-on-
Don, Russia
mosras2010@yandex.ru

**Культура нездоровья в российском обществе:
причины и специфика проявления / Culture
of ill-health in the Russian society: causes
and the specifics of its manifestation**

Аннотация

Здоровье представляет собой многомерный феномен, отражающий самые различные аспекты человеческой реальности и нуждающийся во всестороннем и глубоком научном осмыслении на уровне обобщения теоретических и прикладных данных в отношении современных реалий в данной области. В настоящей статье такой анализ проводится с позиций обращения к понятию культуры нездоровья, еще не получившей адекватного реальным масштабам распространения данного явления в российском обществе научного осмысления и освещения.

Ключевые слова

Культура здоровья; культура нездоровья; здоровье; молодежь; духовная культура; ценность здоровья; ценность жизни; качество жизни; образ жизни.

Abstract

Health is a multidimensional phenomenon reflecting various aspects of human reality and in need of comprehensive and deep scientific understanding on the level of generalization in theoretical and applied data in terms of modern realities in this region. In this article the analysis is conducted from the standpoint of treatment to a culture of illness, has not yet received adequate real prevalence of this phenomenon in Russian society, scientific understanding, and lighting.

Keywords

Culture health; illness culture; health; youth; spiritual culture; value health; value of life; quality of life; a way of life.

Ценность здоровья является одной из важнейших в жизни человека. Это стало, своего рода, аксиомой, не подвергающейся критическому осмыслению с точки зрения экзистенциальной ее функции, и, как показывают результаты эмпирических исследований, так оно и есть: в системе ценностей жителей современной России здоровье, по-прежнему, занимает одно из самых высоких мест в ценностной иерархии¹. Но как это коррелирует с данными поступательного снижения состояния здоровья населения страны, показателями заболеваемости детей и молодежи, низким уровнем их физической активности и непопулярностью спорта в стране? Регулярно тренируются, занимаются спортом в России сегодня только 16% опрошенных в 2015 году ВЦИОМ россиян, 24% отмечают, что делают физические упражнения время от времени, а 21% – довольно редко². Верно замечание исследователей, следовать которому, судя по приведенным эмпирическим данным, предпочитают далеко не все жители России: «Здоровье не есть дарованное человеку природой благо. Это – ресурс, который человек может реализовать, сохранив и преумножив его, или не реализовать, утратив его, что, к сожалению, у многих происходит сегодня слишком рано»³. Внушает опасение детская суицидальность в России, основными причинами которой, согласно мнению самих россиян, являются алкоголизм и наркомания (35%), зависимость от компьютерных игр (25%), семейные конфликты (21%), одиночество (17%), несчастная любовь (17%)⁴.

При этом, согласно данным другого опроса ВЦИОМ, проведенного в 2015 году, порядка 38% опрошенных россиян оценивают собственное самочувствие как «хорошее» или «очень хорошее», а 49% – вполне удовлетворены состоянием своего здоровья⁵, что

¹ О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012. С. 106. С. 11.

² Скажем спорту «да»?! Пресс-выпуск №2837 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115256>.

³ Белова О.Р. Валеологическая и физическая культура: теоретико-методологический анализ / О. Р. Белова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишнеvский, Д. Ю. Нархов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 123-124. - С. 123-131.

⁴ Детские самоубийства: кто виноват и что делать? Пресс-выпуск № 3122 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115721>.

⁵ О здоровье начистоту! Пресс-выпуск №2824 [Электронный ресурс]. –

в целом отражает достаточно позитивную ситуацию в сфере здоровья граждан России, несмотря на наличие противоположных точек зрения¹, если учесть, что примерно столько же россиян, сколько отменило свое состояние как «хорошее» и «очень хорошее», в случае заболевания занимаются самолечением, т.е. не обращаются в медицинские учреждения, то встает вопрос о культуре здоровья в России, которая, в том числе, проявляется в практике обращения за медицинской помощью, но для этого у каждого пятого россиянина (20%) не хватает времени².

Итак, при всем том, что здоровье признается важнейшей ценностью в России, практики в сфере здоровья значительно расходятся с идеальными представлениями о нем, что актуализирует проблему, еще не ставшую предметом специального и глубокого научного исследования, – проблему культуры нездоровья, которая, будучи самым тесным образом связанной с культурой здоровья, является своего рода выражением степени неразвитости или деградации последней.

Если абстрагироваться от чисто медицинского подхода, оставаясь в рамках социально-философского осмысления проблемы культуры здоровья и нездоровья, то следует выделить в качестве определяющего индикатора сохранения и воспроизводства здоровья в обществе уровень духовной культуры, частью которой выступает культура здоровья, представляющая, с авторской точки зрения, синтез когнитивных, ценностных и поведенческих установок, формирующих и выражающих в конкретных практиках отношение личности, социальных групп и общества к здоровью как значимой составляющей личностного и общественного бытия.

С этих позиций культура нездоровья рассматривается нами как проявление несформированности или крайне низкого уровня культуры здоровья. Иными словами, культура нездоровья – это синтез когнитивных, ценностных и поведенческих установок, формирующих и выражающих в конкретных практиках отношение личности, социальных групп и общества к здоровью как малозначимой составляющей личностного и общественного бытия, определяющей негативные проявления на уровне личности и общества в сфере здоровья.

Здоровье населения, как справедливо отмечает Л.М. Дробжилова, является интегрированным показателем биологических, социально-

Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115239>.

¹ Журавлева И.В. Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестник Института социологии. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.isras.ru>.

² О здоровье начистоту! Пресс-выпуск №2824 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115239>.

культурных и экономических процессов в обществе, причем только на 10%, согласно данным ВОЗ, оно зависит от здравоохранения, на 20% – определяется наследственностью и на 20% – качеством окружающей среды, а основным фактором здоровья человека и общества в целом выступает образ жизни (этому индикатору ВОЗ отводит 50%)¹. Соответственно, культура здоровья человека напрямую связана с образом его жизни, который по совокупности поведенческих практик человека определяет в целом качество жизни. Это коррелирует с мнением россиян по данным опроса ВЦИОМ 2016 года о том, что важнейшей характеристикой качества жизни является здоровье (4,85 балла из 5 возможных по России в целом), затем – безопасность, экология, качество и доступность продуктов питания (4,73), и только потом такие индикаторы, как доступность объектов культуры и отдыха, комфортность жилищных условий, качественных предметов одежды, мебели, бытовой техники².

Как видим, индикаторы, связанные с духовным развитием посредством приобщения к ценностям и достижениям мира культуры и искусства, а также получением образования и самообразования, на данный момент для населения страны не являются первостепенными, что можно объяснить ситуацией социально-экономического кризиса, заставившего в очередной раз сконцентрироваться население на потребностях и ценностях, обеспечивающих безопасность жизни телесной, а не духовной.

Если мы вернемся к показателям ВОЗ об индикаторах здоровья и сравним с ними ответы россиян об основных составляющих здоровья, то поймем, в чем причина того, что культура здоровья наших сограждан скорее предстает в ее оборотной ипостаси – культуре нездоровья: согласно данным социологического опроса, главными составляющими здоровья опрошенные граждане России считают качество продуктов питания (82%), экологическую обстановку (82%) и доступность квалифицированной медицинской помощи (71%)³, в то время как состояние здравоохранения и экологии занимают далеко не доминирующие позиции в представленном ВОЗ списке. Это прерогатива отводится Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), как мы уже писали, образу жизни, но в перечне россиян такой позиции не оказалось, т.е. граждане России убеждены в том,

¹ Дробижина Л.М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/cennost-zdorovya-i-kultura-nezdorovya-v-rossii/>.

² Качество жизни россиян: в кризисном зеркале. Пресс-выпуск № 3218 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115905>.

³ Там же.

что качество жизни никак не связано с образом жизни, и в этом нам видится «корень зла», причина всех причин плачевного состояния здоровья россиян всех возрастных категорий и особенно молодежи, погруженной в пространство виртуальной реальности настолько активно, что в результате уровень ее физической пассивности становится угрожающим для здоровья всей нации¹.

Безусловно, следует учитывать, что взгляды на здоровье со временем меняются, и, наверное, неправомерно требовать от молодежи придерживаться ценностей и установок в отношении здоровья, выступавших, к примеру, нормой для представителей советской молодежи, однако, совершенно очевидны и не поддаются временной коррозии слова, сказанные в глубокой древности: «Когда нет здоровья, молчит мудрость, не может расцвести искусство, не играют силы, бесполезно богатство и болен разум»².

Конечно, высокие темпы развития техники, информационных технологий, определившие высочайшую динамику социокультурных процессов и изменивших образ жизни современных людей до неузнаваемости по сравнению с традиционным обществом до периода информационной революции, не могли не сказаться на образе жизни людей, стремящихся соответствовать «духу времени» и успеть не отстать от него. Тем актуальнее, с нашей точки зрения, встает вопрос формирования гармонии в жизни и распределения баланса жизненных сил и энергии таким образом, чтобы сочетать безумный «бег времени» с разумным времяпровождением, связанным с самосохранением человеком себя как духовно и физически здоровой личности. Для этого и необходима культура здоровья как основа для выстраивания траектории жизни на принципах гармоничного сочетания пассивно затрачиваемой колоссальной энергии жизненных сил как объективной необходимости в информационную эпоху и активного накопления жизненной энергии в процессе занятий физической культурой, спортом и иной досуговой деятельности, связанной с понятием «здоровый образ жизни».

Современное общество устроено таким образом, что достижение жизненного успеха далеко не всегда позволяет отводить значительное время на практики, не связанные с работой. Это колоссальная проблема для современной молодежи, зачастую вынужденной жертвовать свободным временем и, в итоге, и здоровьем, чтобы добиться жизненных целей и преуспеть в жестоком мире конкурен-

¹ Самыгин С.И., Самыгин П.С., Верещагина А.В. Спорт и здоровье российской молодежи в аспекте национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7. С. 58-62.

² Геродот. История. Л, 1972. С. 132.

ции. Потому на уровне общества, в том числе и научного сообщества, необходима самая глубокая рефлексия возможных способов и механизмов здоровьесберегающих технологий, соответствующих новой парадигме общественного развития, которые позволяли бы совмещать идеологию жизненного успеха как успеха на профессиональном поприще с идеологией здоровья. И здесь, как нам представляется, стоит обратиться к забытому опыту советских времен, когда практически каждое предприятие было оснащено спортивным инвентарем и специализировалось на развитии тех или иных спортивных направлений, что соответствовало, в целом, генеральной стратегии развития советского общества, в котором спорт занимал одно из важнейших мест в системе социализации молодых поколений и поддержания высокого жизненного тонуса представителей старших поколений.

В современной России спортивная составляющая, а особенно в неспортивной сфере, представлена крайне скудно. Занятия в спортивных школах и секциях могут позволить себе, в основном, дети из обеспеченных семей, а в сельской местности сектор развития спорта заслуживает особого внимания, как и в целом проблема развития сельской молодежи, во многом лишенной доступа к культурным и спортивным формам досуговой деятельности по причине разрушения этого инфраструктурного блока в постсоветские годы.

Несмотря на то, что очень многое в процессе сохранения и поддержания здоровья зависит от самого человека, его концепции жизни и ценности жизни в системе ценностей, мы не можем не сделать акцент на роли государства, которое может и должно воздействовать на формирование в обществе культуры здоровья и ее воспроизводство посредством социализации, культивирования в обществе ценности жизни как жизни духовно и физически здоровой. Для этого государство обладает всеми необходимыми ресурсами – финансовыми, управленческими, политическими, организационными, регулирующими и т.д. Вопрос о том, почему же тогда эти ресурсы не оказываются задействованными, видимо, касается вопроса выбора приоритетов, которые определило для себя российское правительство, сконцентрировавшись на задачах более масштабного, как ему представляется, плана, а тем временем такой ресурс, как человеческий потенциал, в России стремительно теряет свое качество, и эта проблема нам представляется более глобальной, нежели решение вопросов международного характера.

Таким образом, процесс формирования культуры нездоровья распадается на два определяющих направления. Первое связано с самим человеком, т.е. оно носит субъективный характер, отражая

личностные качества человека и его самосозидательную сущность как творца собственной природы и своего здоровья в совокупности его физической и духовной составляющих. То, каким будет это творение, зависит от осознания самой личностью значимости здоровья как основы его личностной культуры и ресурса для саморазвития и жизненной самореализации.

В этом случае идеальной представляется позиция Ю.П. Лисицына о том, что здоровье человека определяется его возможностями полноценно выполнять основные жизненные функции, связанные с профессионально-трудовой деятельностью и здоровым образом жизни, и способностью быть благополучным с точки зрения психологического, физического, интеллектуального и социального состояния¹.

Второе направление носит объективный характер и связано с факторами внешней среды, определяющими уровень культуры здоровья/нездоровья на уровне общества в целом в зависимости от состояния спортивной, образовательной, экологической, политической, медицинской, экономической сфер развития социума.

На практике, конечно, эти два направления пересекаются самым тесным образом, будучи взаимообусловленными, так как формирование культуры здоровья на индивидуальном уровне во многом определяется принятыми в обществе нормами и принципами, правилами и установками в отношении здоровья, оставляющими макроуровень культуры здоровья, в пространстве которой находят свое выражение и отражение когнитивные, ценностные и поведенческие аспекты здоровья. Когнитивный элемент культуры здоровья отражает уровень знания личности и общества о здоровье, способах его формирования и поддержания; ценностный отражает значимость здоровья в ценностной иерархии личности, общества, а поведенческий символизирует характер действий, поступков и практик в сфере здоровья.

Культура нездоровья самым непосредственным образом связана с низкой ценностью жизни, а именно таким отношением к жизни характеризуется российское общество, в котором показатели численности ДТП, самоубийств, потребления алкоголя и табачных изделий превышают во много крат допустимые для положительной оценки здоровья нормы, принятые на международном уровне, и особенно критичными и небезопасными с точки зрения безответственного отношения к собственной жизни являются показатели нездоровья среди российской молодежи. Причем исследователи выходят на

¹ Лисицын Ю. П. Социальная гигиена и организация здравоохранения. М. 1992. С. 176.

проблему социального нездоровья молодых россиян, основу которого составляет духовное неблагополучие как катализатор деконструктивных процессов в молодежной среде¹.

В этом свете культура нездоровья может рассматриваться как проявление духовной деволюции общества, кризиса его духовных начал и экзистенциальных ценностей. И российская реальность нам демонстрирует пример социума с глубоким духовным кризисом, который стал следствием масштабных духовных потерь в период постсоветских трансформаций, и теперь такие явления, как жестокость, агрессия, насилие, экстремизм в различных формах, равнодушие, порождающее все формы насилия, получили широкое распространение в стране, утратившей гуманистические идеалы, ценности и в целом гуманистическую культуру², восстановление которой должно стать первостепенной задачей российского общества и государства.

Таким образом, духовное неблагополучие выступает основной причиной формирования культуры нездоровья в российском обществе, которая находит выражение в индивидуальных и коллективных практиках нездоровья, в совокупности определяющих рискогенный фон развития российского социума и траекторию дальнейшего снижения его качества и жизнеспособности. В этом нам видится основная проблема функционирования не только российского общества, но и современного человечества, со страхом живущего в настоящем и не стремящегося изменить будущее, которое в свете тревожных тенденций века нынешнего представляется в самых мрачных тонах, если только не будет осознана необходимость парадигмального перехода к иной логике развития, основанной на принципах гуманизма и здоровья как интегральной категории, включающей в себя в качестве основополагающей ценность жизни.

Библиография

1. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012. С. 106.
2. Скажем спорту «да»?! Пресс-выпуск №2837 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115256>.
3. Белова О. Р. Валеологическая и физическая культура: теоретико-методологический анализ / О. Р. Белова, Л. Н. Боронина,

¹ Vereshchagina, A., Gafiatulina, N., Kumykov, A., Stepanov, O. & Samygin, S. Gender Analysis of Social Health of Students. Review of European Studies, 2015, Vol. 7, No. 7, pp. 223-230. Retrieved from <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/48999>.

² Волков Ю.Г. Идеология гуманизма в становлении российской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 3-15.

Ю. Р. Вишневецкий, Д. Ю. Нархов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 123-131.

4. Детские самоубийства: кто виноват и что делать? Пресс-выпуск № 3122 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115721>.

5. О здоровье начистоту! Пресс-выпуск №2824 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115239>.

6. Журавлева И.В. Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестник Института социологии. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.isras.ru>.

7. Дробижева Л.М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/cennost-zdorovya-i-kultura-nezdorovya-v-rossii/>.

8. Качество жизни россиян: в кризисном зеркале. Пресс-выпуск № 3218 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115905>.

9. Самыгин С.И., Самыгин П.С., Верещагина А.В. Спорт и здоровье российской молодежи в аспекте национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7. С. 58-62.

10. Геродот. История. Л, 1972.

11. Лисицын Ю. П. Социальная гигиена и организация здравоохранения. М. 1992.

12. Vereshchagina, A., Gafiatulina, N., Kumykov, A., Stepanov, O. & Samygin, S. Gender Analysis of Social Health of Students. Review of European Studies, 2015, Vol. 7, No. 7, pp. 223-230. Retrieved from <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/48999>.

13. Волков Ю.Г. Идеология гуманизма в становлении российской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 3–15.

References

1. What do Russians dream about (reflections of sociologists). Analytical report. [*O chem mechtajut rossijane (razmyshlenija sociologov)*]. *Analiticheskij doklad* M: IP RAS, 2012. 106 p.

2. Let's say sport «yes»?! [*Skazhem sportu «da»?!*] Press release №2837 [Electronic resource]. – Access mode: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115256>.

3. Belova OR Valeological and physical culture: theoretical and methodological analysis [*Valeologicheskaja i fizicheskaja kul'tura: teoretiko-*

metodologičeskij analiz] / OR Belova, LN Boronina, Yu. R. Vishnevsky, D. Yu. Narkhov // *Izvestiya Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture*. 2013. No. 2 (113). Pp. 123–131.

4. Child suicide: who is to blame and what to do? [*Detskie samoubijstva: kto vinovat i chto delat'?*] Press release No. 3122 [Electronic resource]. – Access mode: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115721>.

5. Oh, health is frank! [*O zdorov'e nachistotu!*] Press release №2824 [Electronic resource]. – Access mode: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115239>.

6. Zhuravleva I.V. Why does not the health of Russians improve? [*Pochemu ne uluchshaetsja zdorov'e rossijan?*] // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2012. № 6. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.vestnik.isras.ru>.

7. Drobizheva L.M. The value of health and culture of ill health in Russia [*Cennost' zdorov'ja i kul'tura nezdorov'ja v Rossii*] [Electronic resource]. – Access mode: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/cennost-zdorovya-i-kultura-nezdorovya-v-rossii/>.

8. Quality of life of Russians: in a crisis mirror. [*Kachestvo zhizni rossijan: v krizisnom zerkale*] Press Release No. 3218 [Electronic resource]. – Access mode: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115905>

9. Samygin SI, Samygin PS, Vereshchagina AV Sport and health of Russian youth in the aspect of national security [*Sport i zdorov'e rossijskoj molodezhi v aspekte nacional'noj bezopasnosti*] // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2015. № 7. P. 58–62.

10. Herodotus. History. [*Gerodot. Istorija*] L, 1972.

11. Lisitsyn Yu. P. Social hygiene and health care organization. [*Social'naja gigiena i organizacija zdravoohranenija*] M. 1992.

12. Vereshchagina, A., Gafiatulina, N., Kumykov, A., Stepanov, O. & Samygin, S. Gender Analysis of Social Health of Students. Review of European Studies, 2015, Vol. 7, No. 7, pp. 223–230. Retrieved from <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/48999>.

13. Volkov Yu.G. Ideology of humanism in the formation of the Russian identity [*Ideologija gumanizma v stanovlenii rossijskoj identichnosti*] // *Socio-humanitarian knowledge*. 2006. № 2. P. 3–15.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

КУБЯКИН

Евгений Олегович,
д. социол. н., Краснодарский
университет МВД России,
Краснодар, Россия
tspopz@yandex.ru

KUBJAKIN

Evgenij Olegovich,
Doctor of Sociological Sciences,
Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
Krasnodar, Russia
tspopz@yandex.ru

Экстремпарантность: внеполемический дискурс/ Extremparantnost: out polemical discourse

Аннотация

Статья посвящена раскрытию социальной природы и социальных последствий экстремпарантности. В статье обосновывается, что сущность проявления экстремизма – это политическая агрессия на экстремпарантов, начальных, стихийных носителей упрощенных общечеловеческих ценностей. В статье анализируются механизмы проявления экстремпарантности, рассматриваются различные варианты этого процесса. В тексте показывается, что целостность как государств – больших социальных групп, так и мирового сообщества, практически формальна, поскольку формально соответствие образовательной системы политическому заказу, хотя это и сиюминутно эффективно с точки зрения настоящих носителей власти. Статья выявляет специфику исследуемого проблемного поля и определяет дальнейшие перспективы.

Ключевые слова

Экстремпарантность; общество; государство; экстремизм; социальные группы.

Abstract

The article is devoted to disclosure of the social nature and social consequences of extremism. The article explains that the essence of extremism - it is political aggression on the initial, natural carrier of universal values of simplified. The article analyzes the mechanisms of manifestation of extremism, discusses the various options for this process. The text shows that the integrity of both states - large social groups, and the international community, almost formal, since the formal educational system matching political order, even though it is momentary effective in terms of the real holders of power. The article reveals the specific character of the problem field, and defines the future prospects

Keywords

Extremism, society, state, extremism, social groups.

Вся социальная история человечества располагается между двумя полюсами: персонализация и единение. Так или иначе по своей природе общество движется к общему в человеческой природе и, исторически очевидно, чем больше социум дробится – тем активнее он объединяется.

Процессуально это очень болезненное историческое явление как для отдельных народов, так и для человечества в целом, поскольку с необходимостью ведет к уничтожению целого ряда культурных ценностей, равно как и их носителей¹. Если в условиях истории как мировой, так и западно-европейской, интерпретации социального дисбаланса дробности и единства за давностью времен мудро принимается за нечто безусловно продуктивное, ведущее к более совершенным социальным и культурным формам, которые является сейчас в частности современность, то к нашему социальному пространству последовательность и категоричность социальных изменений применять не принято ввиду личной заинтересованности исследователей как носителей наличной социальной реальности.

Принципиально одно, современная социальная реальность – такая же социальная и такая же процессуальная, как и все предыдущие и последующие. Основная роль социальной науки – руководствоваться этим принципом вопреки политическим и экономическим интересам современных персон. В первую очередь в социологии как современной и своевременной науки это отражается в последовательном объяснении социальной ситуации наличной. Очевидно, что современная массовая культура – явление безусловно социально-

¹ Хрестоматийным здесь является пример покорения Древней Греции Римской империей.

естественное, и если в условиях распада Римской империи или Реформации оно носило локальный и элитарный характер, то теперь посредством имеющихся форм социальных коммуникаций носит подлинно всеобщественный характер.

Естественное социальное редко оценивается конструктивно, за исключением ретроспективной мудрости, однако уникальность современного положения социума прямо вынуждает к пониманию идущих процессов, иначе кризисность будет иметь катастрофичность тотальную, не сравнимую ни с Римом первым, ни с Римом вторым.

Уникальность нынешней социальной ситуации заключается, конечно, не в том, что она современна нашей жизни, в ней обретающейся, а в том, что являет собой социально-исторический финал простого в мысли и крайне сложного на практике этапа объединения человеческого сообщества. Все современные, крайне заштампованные в псевдонауке реалии, такие как информационное общество, массовая культура, глобализация и пр., действительны в своем существовании и крайне противоречивы в представлениях. Поиск природы социальной деструктивности в естестве общественного развития логичен и очевиден, но крайне проблематичен для дисфункциональных систем¹.

Социальное существо всех «современных» общественных явлений и процессов располагается в сфере естественного социального движения к единству человеческого сообщества, и, поскольку никакой государственный институт не хочет жертвовать своей суверенностью, это движение достигается средствами, социальная функция которых – его выражать, а не определять – средствами культуры, принявшей поэтому форму массовости.

Таким образом, социальная реальность наших дней предстает в крайней, практической, сложной форме циклических противоречий политического, экономического и правового характера. И это только вершина айсберга, поскольку подлинная проблема, кризисность располагается в основных аксиологических институтах – семья, образование и религия (этика). Естественность социальных изменений прежде всего реализуется в основаниях общества, а не в пользовательских функционалах власти. Критичность устоев семейных ценностей и образовательных доминант, равно как и традиционности религии, не следствие, а причина происходящих социальных трансформаций. Это индикатор движения общества к самому своему существу – единству человеческой природы.

¹ Плотников В.В. Трансформация социальных институтов как генетический фактор феномена экстремизма. // Монография. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016.

Кажущаяся безапелляционность приведенных выше утверждений продиктована их действительным положением, это факт, а не оценка. Средства коммуникации и трансляции представлений и знаний достигают такого уровня, что личность в обществе социализируется не государством, как принято считать, а упрощенными и в первую очередь поэтому элементарными алгоритмами общечеловеческого естества. Конфликт государственного и личного (в социологическом смысле) в основном характеризует состояние социального развития сейчас. Верхи еще могут и еще больше хотят, а низы уже не хотят и тем более не могут. Каждый страт полноценно в себе пребывает и не испытывает необходимости в другом социальном – а оно уже другое.

Такое состояние общества, когда единство человеческой природы естественно и с необходимостью вступает в конфликт с существующими социальными формами, называется экстремпарантностью. Не умножая сущности без нужды, отметим, что здесь не термин определяет действительность, а социальное состояние требует определенности в понятии, что в первую очередь служит снятию проблемы через ее определение.

Экстремпарантность как социальное явление характеризует такое состояние общества, когда критическая часть массовой социальной группы – критическая, а не большая¹, – уже содержит в себе социальные характеристики естественно-социального единства и неосознанно их постулирует как личные ценности, являя собой деструктивную силу в рамках того института или группы страта, к которой относится их доминантный статус. Проще говоря, носители экстремпарантности, экстремпаранты – социально активная часть общества, представляющая в худшей форме естественные и необходимые фундаментальные ценности социума. Худшей эту форму делают не ценностные ориентиры, а искусственность их приобретения, неосознанность их носителями и прагматический эффект.

Именно прагматическое использование экстремпарантов силами персонализированных социальных групп, таких как государства, тоталитарные секты, торговые полии, превращает естественность экстремпарантов в серьезную деструктивную силу. Ничто не объясняет очевидность этого процесса как феномен экстремизма с одной стороны и экстрим – с другой.

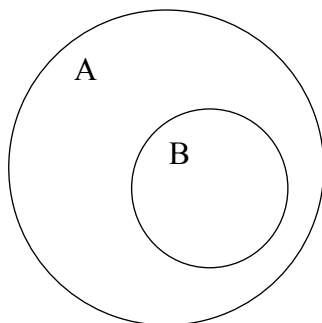
Правовая и политическая оценка природы экстремизма – субсоциальна и полемична до крайности, однако как современный социальный феномен она необычайно проста. Первое, что делает ее простой – отсутствие исторической реальности – экстремист невоз-

¹ Для социологии как науки она в разных школах составляет от 3 до 10%.

можен в обществе, не обладающем современными формами коммуникаций. Возможен шпион, революционер, диссидент, «враг народа», инакомыслящий, преступник, но не экстремист¹.

В условиях экстремпантности современного общества политические организации транслируют свою волю на граждан другого государства, используя социальный дисбаланс их личной позиции – превращая их в орудие против родного государства – мнимо за лучшие, общечеловеческие ценности. Эти экстремисты и есть самые опасные, поскольку их социальная природа носит хтонический характер и в силу своего естественного, пусть и неправильно разумеемого социального, – они борцы за общечеловеческие ценности – к сожалению. Большинство же современных экстремистов – обычные организованные преступные группировки, действующие ради частных целей любыми, пусть и иногосударственными средствами. Игнорирование неоднородности природы проявления экстремизма крайне затрудняет работу по предупреждению государственной целостности.

Визуализируем две существующие в современном социальном

пространстве модели понимания экстремизма:

1.

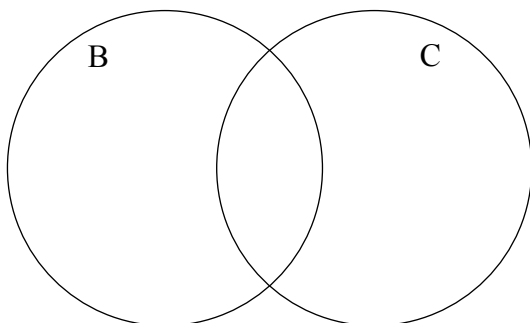
A – преступник;

B – экстремист.

Очевидно, что противодействие экстремизму в данной логической форме сводится к бессмысленному углублению несуществующей разновидности преступников, поиску дополнительных маркеров, регистрирующих эту «особенную» преступность. Это очень

¹ К сожалению, понятие «экстремизм» так же размывают, называя им похожее по форме явление, особенно в истории.

сложно и малопродуктивно, поскольку природа преступности экстремистов сводится к современным информационным и в целом техногенным средствам, кстати, как и любых современных преступников вообще. Тем не менее этот путь поиска продуктивен, ведь действительно некоторые преступники действуют в пространстве экстремистской деятельности, правда это не делает понимание их

преступной природы чем-то принципиально особенным.

2.

В – экстремист;

С – преступник.

Вот так проще понимать природу экстремизма, и так она в лучших существующих формах предполагается. Во-первых, очевидно, что преступник – это статус личности, не зависимый от социальной определенности в других статусах. Личность совершает преступные действия согласно социальным закономерностям и никак иначе.

Далее, природа экстремизма (политическая, экономическая, религиозная и т.д.) становится очевидной – в зависимости от социальных последствий экстремистских действий и их разнополитической оценки экстремисты могут быть как героями у себя на родине, так и борцами за справедливость социальную вообще. Что активно наблюдается в исторической нашей реальности.

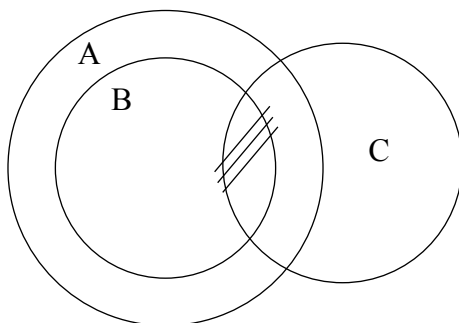
Однако и та, и другая приведенные логические модели мало социально информативны и дают только повод к бесконечным словесным и законотворческим баталиям.

Ценностные ориентиры государства принципиально не приемлют иное понимание природы экстремизма по многим причинам, но в первую очередь в естественно-социальном смысле. Власть политическая не способна признать, что социальная природа экстремизма – это она сама, а точнее сама природа государственной

власти, а не ее частная определенность. Экстремист – это прежде всего гражданин государства, в котором он экстремизм и реализует. Такова его социальная феноменальность, в отличие от преступника, реализующего себя внеполитически.

Понятия «политический преступник», «диссидент» и пр. – историко-культурные реалии, только размывающие проблему экстремизма. Для современного государства парадокс и неуловимость экстремизма заключаются не в его преступной, а экстремпарантной природе.

Подлинное лицо экстремизма – это политическая агрессия на экстремпарантов, начальных, стихийных носителей упрощенных общечеловеческих ценностей. Это прежде всего проблема межгосударственных отношений, сводимых к противостоянию политических идеологий и локальных политико-экономических интересов. Соци-

ально ситуация является следующим образом:

- A – экстремпарант;
- B – экстремист;
- C – преступник.

Эта логическая модель отражает как кризисность современной политико-правовой системы, так и проблематичность борьбы с экстремизмом.

Преступник – внеполитическое, принципиально асоциальное явление, не зависимое от статуса личности. Экстремист – социально не преступник вообще, а скорее жертва тотального политического влияния на экстремпаранта. Он как зона риска подвержен влиянию внешнему, поскольку в силу социальных условий склонен к отторжению своей социальной реальности. Это ни в коей мере не оправдывает его антигосударственных действий, наоборот – позволяет концептуально изменить систему предупреждения экстремизма – современная эффективность борьбы с ним схематично и пропорционально изображена на последней схеме в заштрихованной области.

Экстремизм – явление современное, и, в отличие от современных форм терроризма, его основания располагаются совершенно в иных социальных реалиях. Типичным примером, можно сказать хрестоматийным, являются хакеры. Эта хрестоматийность заключается, во-первых, в современности средств реализации таланта, во-вторых, в гиперболизации следствий таланта хакера как типичного экстремпаранта.

Хакер может испортить, украсть, помешать – но в зависимости от политических интересов его вроде бы деструктивная деятельность, по сути экстремистская, может как поощряться, так и наказываться.

В социальном смысле это подводит к другой стороне экстремпарантной части современного общества – экстриму. Часто сводимый к единичным спортивным излишествам экстрим принято воспринимать как безопасное социальное чудачество, якобы контролируемое средствами массмедиа. В своей социальной природе экстрим – проявление экстремизма в единичном.

Таким образом, экстремал рискует собственной жизнью, и считается, что это его личная ответственность, его риск, но это общий социальный вызов, что гораздо более опасно, чем экстремизм. Если задача конкретного государства – забота о гражданах в общем, то этих самых граждан надо от самих себя защищать ничуть не меньше, чем других граждан защищать от экстремистов.

Единичность смерти и непоправимость телесных повреждений людей, повторяющих за экстремалами, – социальная, государственная, хотя и неполитическая проблема. Конечно, выгодно адреналин молодежи сводить к якобы спортивным ухищрениям, однако это именно тот конструктивный экстремпарантный резерв, который не будет в своей хтоничности экстремизмом никогда и вообще сам себя изживет.

Социальная реальность экстремпарантности как условие и начальное состояния мирового сообщества перспективна еще в одной области пристального политического и правового интереса – сфере квазирелигиозного влияния, так называемого тоталитарного сектанства.

Следует отметить, что религиозные тоталитарные секты – явление современное только в пролонгации следствий, как остаточные процессы. Принципиальное изменение значения тоталитаризма в аксиологической сфере также связано с современными формами коммуникаций. Более того, называть тоталитарные секты религиозными сейчас – провокация самого института религии, необходимо признать, что «религиозность» локальных тоталитарных образований – такая же ширма, как и яркая обертка блеклой конфеты.

Локальные тоталитарные группы, осуществляющие агрессивную социальную политику, преследуют базовые аксиологические, по Марксу – экономические, цели. В рамках экстремпарантного общества этой интенции достаточно для верификации социального пространства этих групп, кроме этого, очевиден следующий их социальный феномен. Современные многочисленные тоталитарные локальные системы принципиально направлены на модные массовые тенденции – прямая параллель с Голливудом. Любое социально активное произведение, резонирующее в массовой культуре, становится приоритетной сферой их деятельности – будь то удачная подрастковая японская анимация «Тетрадь смерти» или кристаллизация экономической модели производства Г. Форда. Продуктивность экстремпарантной производственной деятельности китайской промышленности в значительной степени сдерживает данный кризис, равно как и мешает мировому производству, но от этого проблема тоталитарных проекций в социум только умножается, снижая динамику, но увеличивая ассортимент – полностью приходя в соответствие с реалиями массовой культуры.

Данная проблема занимает медиальное положение между экстримом и экстремизмом как социальными демонстрационными формами экстремпарантности, а следовательно, в силу своей срединности носит пусть и пассивный, но массовый характер.

Основная государственная проблема, а точнее проблема гражданская, заключается в многоголовости тоталитарной гидры, усечение голов которой не только возможно на современном уровне инфозащиты только ретроспективно, но и порождает только умножение их вариаций.

Социологически эта проблема решается довольно просто – ретроспективно показательно наказываются наиболее «удачные» проявления локального тоталитаризма, они естественно интегрируются со временем и приобретают безопасные формы, менее популярные системы.

Однако такое положение вещей уже нефункционально, хотя политически выгодно и демонстративно. Ситуация в экстремпарантном обществе такова, что хтоничность экстремпарантов естественно сводится к локальному тоталитаризму. Как и в случае с экстремизмом – это не парадокс, а естественное состояние социально обнаженного человека перед лицом различных социальных моделей.

Кризисность данного социального положения заключается в том, что в гражданском обществе конкретного государства наиболее восприимчивая социально, вроде бы незначительная доля населения, экстремпарантная, по сути не является гражданами данного го-

сударства, находясь под влиянием других властных волей, при этом и сама власть полагает их полноценными гражданами, и они сами так себя формально определяют. Эта социальная проблема и есть подлинный экстремизм.

Система квалификации, равно как и принципы противостояния локальным социальным образованиям, в целом довольно эффективны с традиционными системами, имеющими в качестве точки своего возникновения годы вплоть до 90-х XX столетия, как уже сказано, они строятся по двум схемам ретроспективного демонстрационного наказания и социальной интеграции, естественного социального защитного механизма. Однако социальные реалии экстремпарантного общества принципиально иные, не новые, а именно иные. Хочется назвать их перспективой, но они уже более чем настоящие – другое дело, что само общественное мнение, как и госсистема, достаточно инертны в отношении «иного» и оправдывают свою социальную актуальность, порождая социальные стереотипы реакций – закрепляя их в зоне среднего страта.

Фундаментальность социального положения экстремпарантного общества порождается не такой социальной реакцией, а совершенно другим социальным процессом, имеющим тотальные следствия только в перспективе двух поколений. Экстремпарантность общества основывается на самой доминантной социальной функции, социообразующей – на институте образования.

Именно социальный институт образования, во всей своей полноте иницилируемый частными государственными интересами, делает экстремпарантность хтонической, или даже хаотической силой в гражданском обществе.

Современное замещение воспитания и образования (этимологический акцент) на разнообразное информирование вкупе с узкой, преимущественно производственной специализацией принципиально усугубляет естественность социального процесса развития человеческого сообщества. И если сейчас у ведущих политических держав социально определяющую позицию ведут ученики старых образовательных, но именно образовательных, систем – то опять же по различным частным политическим причинам контроль образования в них строится по принципу унификации и даже аксиологического нивелирования знаний, не говоря уже о понимании.

Таким образом, целостность как государств – больших социальных групп, так и мирового сообщества, практически формальна, поскольку формально соответствие образовательной системы политическому заказу, хотя это и сиюминутно эффективно с точки зрения настоящих носителей власти. Социальное требование к учителю, всегда вы-

полняющему культурогенную функцию, сводится к количественно-информационным показателям как в оценке эффективности его труда, так и в экономической его целесообразности.

Подобное положение вещей не является всецело социально-естественным, хотя и инициировано не волей человека, а принципами развития социальной системы. Такое состояние внутригосударственной образовательной системы – прежде всего пролонгация данной социальной общности в мировом сообществе, как говорил Гегель, в конце концов, есть народы, которых нет для мировой истории, но они были для себя¹.

Естественность социального процесса не сводима к политическому мнению о нем, она необратима. Более того, эффективность власти напрямую находится в соответствии с социальной, а не социологической реальностью развития человечества. Как известно, тем более политическая воля эффективна, чем более она органична социальной реальности, это отнюдь не означает, что в переходном социальном периоде она должна быть деструктивной.

Экстремпарантность не что иное, как простое обозначение естественного, органичного периода социального развития. Роль данного социологического понятия прежде всего в опредмечивании социального этапа, т.е. в его ограничении и в том осознании – для более продуктивного участия личности и социальной группы в необратимых естественных социальных процессах совершенствования, в первую и единственную очередь – познании самих себя.

Библиография

1. Плотников В.В. Трансформация социальных институтов как генетический фактор феномена экстремизма. // Монография. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016., 230 с.

2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993. – 479 с.

References

1. Plotnikov V.V. Transformation of social institutions as a genetic factor of the phenomenon of extremism. [*Transformacija social'nyh institutov kak geneticheskiy faktor fenomena jekstremizma*] // Monograph. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016., 230 p.

2. Hegel G.V.F. Lectures on the philosophy of history. [*Lekcii po filosofii istorii*] - St. Petersburg: Science, 1993. – 479 p.

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993. – 479 с.

ТАРАСОВ
Кирилл Анатольевич,
д. культурологии, профессор
МГИМО Университет МИД РФ,
Москва, Россия
k.tarasov@inno.mgimo.ru

TARASOV Kirill Anatol'evich,
Doctor of Culturology,
professor, MGIMO University
Moscow, Russia
k.tarasov@inno.mgimo.ru

Насилие в кино: латентное воздействие / Violence in cinema: latent effects

Аннотация

В статье анализируются взаимосвязь насилия в реальной жизни людей и кинематографической картине мира, эскалация образов насилия в фильмах постсоветского периода и связанная с этим моральная тревога определенной части общественности. Кино рассматривается как социальный институт, функционирующий в контексте культуры общества, его нормам и ценностям. В этой связи внимание уделяется особенностям репрезентации насилия в кинорепертуаре советского и постсоветского периодов. С привлечением материалов социологических исследований НИИ киноискусства (ВГИК), проведенных при участии автора, рассматривается взаимодействие текста фильма и его рецепции юным зрителем и обусловленная этим индивидуализация эффекта воздействия образов насилия. Показано, что такие глубокие и во многом латентные начала в личностном облике зрителя, как добро и зло, миролюбие и агрессивность влияют на выбор, в частности, «неприветливой» (Дж. Гербнер) кинематографической картины мира.

Ключевые слова

Насилие; кинематографическая картина мира; общество; культура; подрастающее поколение; индивидуализация эффекта воздействия.

Abstract

The article analyzes an interconnection of violence in people's real lives and of violence in the cinematic picture of the world, the escalation of violent imagery in films of the post-Soviet period, and contingent on it – the moral alarm on the part of a certain Russian public. Cinema is considered as a social institution functioning ac-

ording to the culture of the given society, to its values and norms. In this regard, attention is given to the attributes of violence representation in theatrical showings of the Soviet and the post-Soviet period. Adducing the materials of his own sociological research within the program of Film Art Institute (VGIK), the author considers the interaction between the film's text and its perception by the young spectator, and the individualization of the violent imagery effects conditioned thereby. It is shown that such deep and largely latent attributes of the spectator's personality makeup as good and evil, peaceableness and aggressiveness, weigh in on one's choice of the «mean» (G. Gerbner) cinematic picture of the world to perceive, among others, and the effects of violent images in it.

Keywords

Violence; cinematic picture of the world; society; culture; the rising generation; individualization of the impact's effects.

Экранная репрезентация насилия

Насилие, включая самые кровавые его формы, сопровождало человечество на протяжении всей его истории. С его помощью люди не только решали свои практические проблемы, но, как свидетельствуют, например, гладиаторские бои в Древнем Риме, еще и развлекались. Смертельная схватка гладиаторов, которыми являлись не только мужчины, но и женщины, представляла собой забавное зрелище. Через пять веков с наступлением христианства гладиаторские бои на потеху публики в Западной Римской империи были запрещены.

Сегодня, спустя тысячелетия с того момента, как на каменных скрижалях была записана шестая божья заповедь «Не убей» и пышным цветом расцвела культура человечества, насилие, казалось бы, уже не должно быть средством разрешения практических проблем, зрелищем для забавы публики. Но каждому известно, что это далеко не так. Люди и по сей день прибегают к насилию.

Положим, государствам было и есть что делить на планете. Но ведь насилие это также печальная реальность межличностных отношений – даже в семейной жизни. Чтобы защитить членов семьи от домашнего насилия, Госдума РФ вынуждена была принять в 2016 г. специальный закон, вызвавший, правда, неоднозначную реакцию в обществе. Принятым в первом чтении законопроектом она же перевела домашние побои из категории уголовного преступления в административное правонарушение.

Наверное, есть причины тому, что вполне естественные противоречия, возникающие во взаимоотношениях между близкими людьми, кто-то пытается разрешать не иначе, как с помощью насилия. Коренятся они, надо полагать, не обязательно в том, что как биологическое существо человек наделен инстинктом агрессивности, разного рода страстями. Он ведь еще и культурное существо. Но сама культура неоднозначна. Существует в ней и то, что можно назвать культурой насилия. Ее образцы тиражируются и проникают в процесс первичной социализации, в частности, средствами кино, представляют собой, по словам З. Баумана, «побочный ущерб», ведущий к «экзистенциальной небезопасности, сопутствующей жизни в мире “текущего модерна”»¹. Подрастающие поколения, как правило, латентно осваивают социальные практики насилия, что называется, с младых ногтей.

У определенной части общественности это вызывает моральную тревогу. Об изгнании образов насилия с киноэкрана речи нет. Каков мир, такова в известном смысле и репрезентирующая его экранная картина. Тревожит другое – непомерное количество и характер образов насилия, оказывающихся объектом восприятия подрастающего поколения и взрослых людей, не желающих встречи с подобным зрелищем. Удручающее интеллектуальное и нравственное содержание огромного количества демонстрируемых кинофильмов способно наводить на мысль об эпидемии духовной «интоксикации» зрительской аудитории.

С помощью кино, как и других институтов социализации, общество стремится отобрать из своего опыта и передать подрастающему поколению все, что необходимо ему для успешного развития. Констатируя определенную его роль в качестве позитивного средства первичной социализации индивида, обретения им способности жить в условиях конкретной культуры и в согласии с ней удовлетворять свои жизненные запросы, нельзя не видеть существующей здесь проблемы. Социальные качества детей и подростков, как известно, формируются по образу и подобию всего того, что они слышат и видят, сознают и переживают, погружаясь в конкретную социокультурную среду. Понимая исключительную роль механизма подражания в передаче социального опыта от поколения к поколению, общество, казалось бы, должно использовать потенциал кинематографа для того, чтобы готовить подрастающее поколение ко всем сложностям жизни, ориентируя его при этом на позитивные модели социального поведения, чувствования и мышления. Между

¹ Bauman, Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age.* – Cambridge, UK: Polity Press, 2011. – P. 62.

тем на киноэкране оно в изобилии видит картину мира, в которой, по замечанию Ю.У. Фохт-Бабушкина, «веру заменяет волчья хватка и презрение к слабым, надежда оборачивается мечтой о власти и богатстве, любовь сводится к изоциренной эротике»¹.

Кино – социальный институт, функционирующий и развивающийся в контексте культуры данного общества, его ценностей и нормам. В СССР кинематограф осуществлял свою деятельность в статусе канала художественной пропаганды. Отсюда и главный вектор его воздействия. Изображение насилия чуждым ему не было. В центре внимания находилось насилие как реальность исторического процесса. Герой, осуществлявший насилие, делал это на экране не по собственной воле и, тем более, прихоти, а в силу исторической необходимости. Так, в стране создавались и широко демонстрировались фильмы о Великой Отечественной войне. Бросать камни в тех, кто их снимал, однако, рука не поднимается. Фильмы вбирали в себя реальный исторический материал, служили напоминанием новым поколениям о цене, заплаченной их отцами за свободу земли, на которой они живут. В них присутствовал и пропагандистский момент. Но утверждать о пропаганде военного насилия нет оснований. Кино выполняло естественную для него социокультурную миссию по трансляции исторического опыта народа. На основе исторических документов создавались также фильмы о событиях Октябрьской революции и последовавшей за ней гражданской войны, утверждавшие отнюдь не то, что «революция, – как отмечал И.А. Ильин, – есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и духовное крушение»². Присутствовало в фильмах и бытовое насилие, но в очень мягких формах.

Вся масса образов насилия, вплетенная в специфическую идейно-художественную ткань советских фильмов, каким-то образом воздействовала на публику. По мнению А.В. Федорова, советский экран в отношении показа насилия и жестокости нынешнему экрану не уступал, поскольку воспевал и пропагандировал классовое насилие и террор³. Воздействие экранного насилия, выходит, и в советский период было дисфункциональным. М.Е. Зак высказал иную точку зрения. Он отметил, что обсуждение насилия и жестокости на экране происходило и в то время, оно «отдает запахом пожелтевших газетных страниц». И. Эренбург критически отзывался «о поджари-

¹ Кино: пути от фильма к зрителю / Под общ. ред. М.И. Жабского. – Москва: НИИ киноискусства, 1998. – С. 217.

² Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.: Воениздат, 1993. – С. 107.

³ Федоров А.В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. – Таганрог: Издательство Ю.Д. Кучмы, 2004. – С. 41.

вании живого человека» в «Красных дьяволятах», о вытекшем глазе в «Потемкине» и т.д. «На фоне сегодняшних кинематографических зверств, – замечает далее М.Е. Зак, – обильно представленных в фильмах, снятых за рубли, наблюдение писателя выглядит младенческим, подобно возрасту тогдашнего советского кино»¹.

В советском кинематографе господствовала установка на расширение политико-идеологических («правильных») социальных смыслов. Публику стремились увлекать не нагнетанием грубой зрелищности, ориентированной на бездумное зрительское восприятие, а контрастным столкновением незрелищных смысловых составляющих, способным возбуждать мысль и чувства людей. Эту свойственную советскому кино установку прекрасно выразил М.И. Ромм в «Педагогическом наследии», которого в подтверждение своего взгляда на соотношение насилия и жестокости в кино советской и постсоветской поры приводит М.Е. Зак: «Когда двое хотят зарезать друг друга ножами, то режиссер может делать все это очень мягко. А когда эти двое разговаривают о производственном плане, то это приходится делать более жестко. Если у двух идет нормальный семейный разговор, основанный на каком-то недоразумении, то опять необходимо помнить, что здесь обязательно необходима острота»².

Репрезентация исторического насилия вкупе с бытовым в его мягких формах беспокойства у общественности на вызывала. Ситуация изменилась в переходный период, когда «художественную пропаганду» средствами кино решительно потеснило коммерческое зрелище. В качестве социального института коммерческого толка кинематограф сделал ставку на живописание насилия в межличностных отношениях, что объяснялось, прежде всего, глубокими переменами формационного характера. Под влиянием возникшей системы экономических, социальных, политических и духовных отношений коренным образом изменились цели, содержание и масштабы репрезентации насилия в кинематографической картине мира. В условиях полной прозрачности кинематографических границ и отсутствия какой-либо нравственной цензуры на российские экраны хлынуло насилие в примитивной упаковке третьесортных картин западного производства, основанных, среди прочего, на порнографии, представляющей собой репрессивную десублимацию³. Практически полная утрата государственного контроля над производством и рас-

¹ Зак М.Е. Кино как искусство, или Настоящее кино. – М.: Материк, 2004. – С. 421.

² Там же.

³ Кравченко С.А. Pornography // С.А. Кравченко. Социологический толковый англо-русский словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – С. 434-435.

пространением кинематографической картины мира породила острую проблему воздействия экранного насилия на зрителей и общество в целом. Полагаем, прав академик РАН М.К. Горшков, отметивший, что определенные силы пытаются вытеснить («разбавить») реальный образ трансформирующейся России образом виртуальным¹.

Не очень отставало в этом отношении и постсоветское российское кино, чему способствовала совместимость языка кино и его коммерческой ориентации. Являясь драматическим искусством, кино воссоздает разного рода конфликты. И здесь дает о себе знать его уникальная способность воспроизводить внешнюю, физическую реальность мира, включая движения человека и окружающих его предметов. Благодаря ей кинематографу сравнительно легко удается образное воплощение конфликтов физического порядка – конфликтов, разрешаемых с применением насилия. Отчасти поэтому многие западные и российские создатели фильмов увлекаются показом насилия, даже принимают его за основной элемент современного киноповествования. Примечательны в этом отношении откровения мастера американского кино О. Стоуна. Чтобы картина «Прирожденные убийцы» (1994), признанная наиболее спорной в его творчестве, могла демонстрироваться на максимально возможном количестве сеансов во всех штатах и, следовательно, принести высокую прибыль, режиссеру, в соответствии с требованиями Американской киноассоциации, пришлось неоднократно перемонтировать многие сцены с насилием. В одном из таких перемонтированных эпизодов был показан бунт заключенных. Захватив начальника тюрьмы, они расчленили его тело голыми руками и, водрузив голову жертвы на шест, торжествуя прошли по коридорам здания. «Очень хорошая сцена, – сокрушался О. Стоун, – она мне так нравилась»².

С другой стороны, обилие предлагаемой «агрессивной киноидеи» объясняется тем, что в рамках современной киноиндустрии, ориентированной на извлечение максимальной прибыли, живописание насилия является, пожалуй, экономически наиболее выгодным элементом фильма. Создание серьезных и вместе с тем увлекательных картин, затрагивающих важные, волнующие многих вопросы, в творческом отношении задача очень сложная, требующая много сил и времени. Насыщение же фильма драками, перестрелками, погонями и пр. позволяет создателям укладываться в сжатые сроки, компенсировать малую увлекательность сюжета и характе-

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016. – С. 12.

² Bouzereau, L. *Ultraviolent Movies: From Sam Peckinpah to Quentin Tarantino*. – Seacus, New Jersey: Citadel Press, 1996. – P. 61.

ров, слабую игру актеров, отсутствие сколь-нибудь значимой темы и т.д. и вместе с тем привлекать непроизвольное внимание зрителя, неразвитого в художественном и социальном отношениях. О многом говорит, например, такой факт. Создатели первого в мире криминального телесериала «Человек, противостоящий преступности» (США, 1949–1954 гг.) получали от своего руководства такие инструкции: «Было установлено, что интерес аудитории можно поддерживать наилучшим образом в том случае, когда сюжет разворачивается вокруг убийства. Поэтому кто-то обязательно должен быть убит, лучше в самом начале, даже если по ходу серии совершаются другие виды преступлений. Над остальными героями все время должна висеть угроза насилия». Главный же герой «с самого начала и на протяжении всей серии должен подвергаться опасности»¹.

Проблема воздействия образов насилия

Исследователи роли кино в обществе, как правило, оперируют понятием воздействия. Наряду с понятием функции оно является ключевым в осуществляемом дискурсе. Это нормально. Вместе с тем в некотором отношении понятие воздействия ограничивает адекватное постижение именно воздействия, поскольку им элиминируется активность реципиента, его способность пропускать воздействие через личностные фильтры.

Воздействие существует не иначе, как момент взаимодействия конкретных явлений. Прямое и обратное действие неразрывно связаны между собой. В процессе воздействия образов насилия пассивным объектом зритель не является. Прямое воздействие на него осуществляется через фильтры освоения смыслов, обратного воздействия, внутренне пронизано им. В этой связи далее мы коснемся любопытной особенности взаимодействия текста и рецепции, свидетельствующей о воздействии кино, образов насилия в том числе, по образу и подобию самого зрителя.

В июле 2016 г. нами в рамках научной работы НИИ киноискусства (ВГИК) проведено социологическое исследование киноаудитории г. Кирова. В течение одной недели опрашивался каждый четвертый посетитель трех кинотеатров (совокупно пять залов в них) в возрасте от 11 лет. Респондентам был задан вопрос о том, какие чувства они испытывают, когда видят на экране кровь и раны. На выбор предлагались четыре ответа: восторг, восхищение; мне это интересно; мне все равно; неприятные чувства. Оказалось, что для 13,2% респондентов это интересно, а 4,8% и вовсе приходят в восторг, восхища-

¹ Barnouw, E. Tube of Plenty: The Evolution of American Television. – 2nd revised edition. – New York: Oxford University Press, 1990. – P. 123.

ются. Это – свидетельство индивидуализации эффекта воздействия кино, его влияния по образу и подобию самого зрителя.

Об этом свидетельствуют и данные другого, проведенного в г. Омске, исследования. Проверялась гипотеза о том, что такие глубокие и во многом латентные начала в личностном облике зрителя, как добро и зло, миролюбие и агрессивность влияют на выбор воспринимаемой кинематографической картины мира – картины, говоря на техническом языке предпринятого социологического опроса, «светлой» или «темной». Нет ли положительной корреляции между «темными» пятнами на личностном облике зрителей и «темными» пятнами выбираемой ими кинематографической картины мира? В случае ее наличия можно с большой долей обоснованности полагать, что установка на восприятие дисфункционально воздействующего экранного материала проявляется и на подсознательном уровне.

Проверка гипотезы была построена следующим образом. Выборочной совокупности учащихся старших классов г. Омска задавался вопрос: «Фильмы, которые вы видели за последние четыре недели, показывали Вам больше светлую или темную сторону жизни людей?» Ответы распределились так: больше темную сторону – 14%, больше светлую – 13%, то и другое примерно в равной степени – 50%, затруднились ответить – 23%. С помощью этих ответов мы попытались выяснить, не отличаются ли по склонности к агрессивному чувствуванию, вербальному и реальному поведению те зрители, которые видели на экране больше темную сторону жизни, от тех, которые воспринимали больше светлую.

Сравним обе группы, например, по наличию у них установки на применение физического насилия. Утверждение, что для его применения по отношению к другому человеку вообще не может быть веских причин, в аудитории преимущественно темной картины мира отвергается лишь 15% «голосов» против 35% имеющих контакт больше с преимущественно светлой картиной. В первой группе о готовности к применению насилия для защиты своих прав заявляют в 2,5 раза больше ребят (48% против 20%). Больше и тех, кто полагают, что есть люди, в общении с которыми без кулаков не обойтись (37% против 30%). Принцип «око за око» исповедует подавляющее большинство аудитории преимущественно темной картины мира (88% против 54%). Обнаружено также двукратное преобладание в ней тех, кто заявляет о готовности нанести удар первым («Если меня спровоцируют, я могу и ударить»): 60% против 31%. Еще большее преобладание ребят, которые заявляют, что порой им трудно сдерживать желание ударить человека: 45% против 18%.

Следуя принципу «Скажи мне, кто твой друг...», посмотрим на число респондентов в двух группах, у которых ближайшее неформальное окружение агрессивнее в своем поведении. В аудитории преимущественно темной картины мира их намного больше: 70% против 48% в сравниваемой группе. Здесь также больше ребят, которые за последние 12 месяцев перед опросом участвовали в драках: 52% против 35%. Значительно и преобладание по частоте участия в драках: один-два раза – 27% против 17%, три-четыре раза – 8% против 5%, более четырех раз – 16% против 7%. К числу тех, кто чаще обижает сверстников, нежели сам оказывается в положении обиженного, относят себя соответственно 22% и 13% ребят. За последние 10 месяцев перед социологическим опросом хулиганский поступок совершили 68% «аудитории темной картины мира» против 55% сравниваемой. Причем делали это более четырех раз 22% в первой аудитории и только 2% во второй. Вывод напрашивается сам собой: в мир экранного насилия больше и чаще погружаются те, кто участвуют в драках и совершают хулиганские поступки. Без последствий это, надо полагать, не остается.

Воспользуемся теперь критерием причастности ребят к физическому насилию в форме его объекта. О такой роли в аудитории преимущественно темной картины мира заявили почти в два раза больше респондентов – 42% против 22%, с чем вполне согласуется тот факт, что в первой группе насилия в жизни опасаются больше – 70% «голосов» против 48%. Снова мы наблюдаем тенденцию к сочетанию «подобного» в реальной жизни ребят и при их погружении в мир кино.

Под конец сравним две группы ребят по тем «урокам», которые они извлекают из фильмов, где злодей с помощью насилия пытается добиться своей несправедливой цели, но его побеждает тем же оружием положительный герой. В двух аудиториях, одна из которых воспринимает на экране больше темную, а другая – светлую сторону жизни, выводы делаются разные. В первой 38% ребят заявляют, что злу нужно давать отпор его же оружием. Такая точка зрения во второй аудитории встречается реже: 28% «голосов». И уж совсем резко расходятся позиции двух групп в извлечении вывода, что нужно овладевать искусством насилия. Из соответствующих фильмов такой урок извлекают 13% аудитории, воспринимающей темную картину жизни, и – ни один зритель из сравниваемой аудитории.

Как видим, добро и зло на экране и в душах зрителей имеют тенденцию взаимно притягиваться. Выбирая фильм для просмотра, зритель не обязательно задумывается, какая сторона жизни показана в нем больше – темная или светлая. Не размышляет он и над

тем, как соотносятся эти краски в его личностном портрете, его реальной жизни. Тем не менее, обнаруженные в исследовании факты подсказывают, что из рук сеятелей зерна экранной агрессии падают не только при дороге, местах каменистых или в тени, но и на благоприятную почву, где они могут дать свои ядовитые всходы и плевелы нравственности. Зло в реальной жизни не только тянется к злу в его экранном воплощении, но и еще больше заражается им.

Библиография

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016.
2. Зак М.Е. Кино как искусство, или Настоящее кино. – М.: Материк, 2004.
3. Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.: Воениздат, 1993.
4. Кино: пути от фильма к зрителю / Под общ. ред. М.И. Жабского. – Москва: НИИ киноискусства, 1998.
5. Кравченко С.А. Pornography // С.А. Кравченко. Социологический толковый англо-русский словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2012.
6. Федоров А.В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. – Таганрог: Издательство Ю.Д. Кучмы, 2004.
7. Barnouw, E. Tube of Plenty: The Evolution of American Television. – 2nd revised edition. – N.Y.: Oxford University Press, 1990.
8. Bauman, Z. Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age. – Cambridge, UK: Polity Press, 2011.
9. Bouzereau, L. Ultraviolent Movies: From Sam Pekinpah to Quentin Tarantino. – Seaucus, NJ: Citadel Press, 1996.

REFERENCES

1. Gorshkov M.K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnosis). [*Rossijskoe obshhestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki)*] In 2 volumes of T. 1. / Gorshkov M.K. Ed. 2 nd, revised. And additional. – M.: New chronograph, 2016.
2. Zak M.E. Cinema as an art, or a real movie. [*Kino kak iskusstvo, ili Nastojashhee kino*] – M.: Mainland, 2004.
3. Ilyin I.A. About the future of Russia. [O grjadushhej Rossii] Selected articles. - Moscow: Military Publishing, 1993.

4. Cinema: the way from the film to the viewer [*Kino: puti ot fil'ma k zritelju*] / Under total. Ed. M.I. Zhabsky. – Moscow: Research Institute of Motion Picture Arts, 1998.

5. Kravchenko S.A. Pornography // S.A. Kravchenko. Sociological explanatory English-Russian dictionary. [*Sociologicheskij tolkovyj anglo-russkij slovar'*] – Moscow: MGIMO-University, 2012.

6. Fedorov A.V. Rights of the child and the problem of violence on the Russian screen. [*Prava rebenka i problema nasilija na rossijskom jekrane*] – Taganrog: Publishing House Yu.D. Kuchma, 2004.

7. Barnouw, E. Tube of Plenty: The Evolution of American Television. – 2nd revised edition. – N.Y.: Oxford University Press, 1990.

8. Bauman, Z. Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age.– Cambridge, UK: Polity Press, 2011.

9. Bouzereau, L. Ultraviolent Movies: From Sam Pekinpah to Quentin Tarantino. – Seaucus, NJ: Citadel Press, 1996.

АСПЕКТЫ ASPECTS

АНИСТРАТЕНКО

Татьяна Григорьевна,
к. полит. н., Южного федераль-
ного университета (ЮФУ)
Ростов-на-Дону, Россия
tanis63@list.ru

ANISTRATENKO

Tat'jana Grigor'evna,
Candidate of Political Sciences
Southern Federal University (SFU)
Rostov-on-Don, Russia
tanis63@list.ru

Духовно-нравственное наполнение и мировоззренческий потенциал рефлексивного самоопределения личности/ Spiritual and moral content and ideological potential of self- reflexive

Аннотация

В статье рассматривается рациональность, духовно-нравственное наполнение, мировоззренческий характер и жизнестойкость как важнейшие качества рефлексивных модусов самоопределения таких, как самореализация, самоактуализация и самоосуществление. Личность в процессе рефлексивного самоопределения в соответствии со своей духовной культурой и мировоззренческим потенциалом продуцирует такое качество личности, как личностная и социальная зрелость.

Ключевые слова

Личностное самоопределение; личностное развитие; индивидуально-личностная рефлексия; духовность; духовно-нравственная культура; рефлексивное мировоззрение.

Abstract

The article discusses the rationale, spiritual and moral content, ideological character and vitality as the most important quality of self-reflexive modes such as self-realization, self-actualization and self-fulfillment. Personality in the process of reflexive self-determination

in accordance with its spiritual culture and ideological potential produce such a quality person as a personal and social maturity.

Keywords

Personal self-determination; personal development; individual and personal reflection; spirituality; spiritual and moral culture; reflexive outlook.

Самоопределение является базисным элементом предметной области социальной рефлексии. В данном понятии сходятся векторы внутренних индивидуально-личностных рефлексивных форм и их объективации вовне.

Рефлексивное самоопределение личности, ее самореализация и самоосуществление предполагают достаточно высокую степень духовного развития. Это связано с тем, что для эффективной самореализации и самоосуществления требуются высокая рефлексивная культура и развитые рефлексивные компетенции. Они, в свою очередь, базируются на высокой степени развитости личностной самооценки, самосознания и самовыражения.

Личностное самоопределение – это всегда творческий процесс. Самоопределиться – значит, прежде всего, учесть и адекватно оценить собственные способности, свои притязания, отдать должное своим целям и намерениям и главное, соотносить все это с особенностями окружающего мира, выбрать нужный вектор собственного бытия.

Другим аспектом духовности рефлексивного самоопределения личности является ее нравственный характер. Это обусловлено тем, что в процессе самоопределения личность кристаллизует свои собственные ценности, идеалы и предпочтения и соотносит их с нравственными ценностями других людей, всего социума в целом. Выбор жизненного пути на основе самоопределения всегда связан с учетом всего нравственного потенциала.

Поэтому, когда мы говорим о духовности, как важной характеристике рефлексивного самоопределения личности, мы имеем в виду и ее творческий характер, и духовно-нравственный характер. Формирование указанных качеств связано с формированием готовности к такому личностному развитию.

Для этого сначала необходимо развить в себе готовность воспринимать, понимать и оценивать нравственные ценности, как свои, так и нравственные ценности мира, далее требуется развить в себе способность воспринимать нравственные правила не как безусловные требования, а как положения, требующие осмысления и интерпретации, далее процесс развивается в направлении развития способности нравственного суждения, которое предполагает

способность трансформировать общие духовно-нравственные положения в практические императивы, которые становятся мотивом, потребностью и способом жизнедеятельности. Но и этого мало, ибо на каждом этапе требуется способность самоанализа, самооценки, самоотчета и самокритики.

Кроме этого, духовно-нравственный потенциал рефлексивного самоопределения связан с формированием нравственного опыта, а он, как верно отмечает С.А. Вальченко, невозможен без освоения общечеловеческого нравственного опыта¹. Без освоения того нравственного опыта вряд ли может сформироваться полноценная духовно-нравственная культура личности. В самом общем плане духовно-нравственная культура личности, которая реализует процесс рефлексивного самоопределения, может трактоваться как ее внутренний мир, мир мыслей и чувств, воли и характера, мотивов и желаний. На более глубинном уровне духовно-нравственный потенциал личности выступает как нравственное мировоззрение, интеллектуально-духовная культура личности.

В предыдущие эпохи духовность личности напрямую связывалась с религиозностью, с верой в Бога и другие высшие силы. Современная эпоха наполнила духовность светским содержанием и смыслом, отличающим духовность от тех качеств, которые должен был формировать в себе человек из боязни грехопадения и соответствующего воздаяния за это. Духовность сегодня, как отмечают в своих работах такие исследователи, как Ю.Л. Дюбенюк², С.О. Каган³, А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков⁴, Г.П. Меньшиков⁵, понимается как неотчуждаемый от личности внутренний мир человека, который характеризуется высокой нравственностью, добротой, гуманизмом, альтруистичностью, щедростью и открытостью к другим людям.

Интеллектуальный компонент духовности, содержащий в себе рациональность, логичность, рассудительность, информированность, языковую и образовательную культуру, дает возможность личности судить о себе, своих качествах, о мире и себе в этом мире, осуществ-

¹ Вальченко С.А. Духовность личности: сущность, структура и уровни развития // 15. Известия Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины. 2014, № 5 (86).

² Дюбенюк Ю.Л. Духовный капитал. Самосозидание вполне человека. [электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://sites.google.com/site/svobodnyfilosof/home>.

³ Каган С.О. О духовном: опыт категориального анализа // Вопросы философии, 1985. № 9.

⁴ Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков // Вестник образования. – 2009. – Сентябрь.

⁵ Меньшиков Г. П. Духовная реальность человека. Духовность и религиозность // Философские науки. 2000. № 3.

влять самопознание и познание окружающего мира, выносить адекватные содержательные суждения о причинно-следственной связи явлений мира, ставить вопросы и отвечать на них, производить корректные оценки и самооценки, сомневаться и разрешать свои сомнения, иметь способность видеть проблемные ситуации и находить их решения и т.п.

Личность в процессе рефлексивного самоопределения в соответствии со своей духовной и интеллектуальной культурой способна делать выводы, умозаключения, рассуждать, строить содержательный дискурс, производить все типы мыслительных операций, используя гибкость и динамичность своего мышления, его глубину, всесторонность и широту, способна использовать информационные продукты человеческой культуры, обогащаться ими, развиваться и самосовершенствоваться.

Нравственный компонент духовной культуры рефлексивной личности включает в себя нравственный опыт, который позволяет развивать в себе нравственные качества, становящиеся в процессе развития нравственным опытом личности, ее нравственной культурой, на основе которой формируется чувство нравственной ответственности, нравственного выбора и нравственных духовных ценностей.

Личность в процессе рефлексивного самоопределения приобретает опыт различения добра и зла, справедливости и несправедливости, нравственного и безнравственного; этот опыт трансформируется в личностную нравственную позицию¹. Нравственная позиция личности, которая с помощью рефлексивного самоопределения прокладывает свой жизненный путь, становится практическим нравственным императивом, который определяет повседневное поведение личности, ее поступки и поступки других людей и является мерилем нравственной ценности и духовности.

Духовно-нравственная культура личности, которая создает основания оптимального рефлексивного самоопределения личности и одновременно развивается в этом процессе, является основанием формирования рефлексивного личностного мировоззрения. Этот личностный потенциал часто называется по-разному: ценностно-мировоззренческие установки, мировоззренческие ценности, мировоззренческие убеждения, мировоззренческая культура личности. Немецкий и британский социолог венгерского происхождения Карл Мангейм называл мировоззрение личности формой и основой самосознания человека и основанием его личностного роста².

¹ Фромм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу. – М.: 1992.

² Мангейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. Отв. ред и сост. Я.М.Бергер. - М.: Юрист, 1994.

Мировоззрение — очень емкое и содержательно глубокое понятие, оно охватывает многие сферы бытия личности и ее самосознания. Мировоззрение может быть повседневным, научным, рациональным и иррациональным, нравственно-эстетическим, профессиональным, религиозным, идеологическим и т.д. Та форма личностного мировоззрения, которая является форматом личностного самосознания в процессе рефлексивного самоопределения, будет называться нами рефлексивным мировоззрением.

Рефлексивное мировоззрение – это личностный опыт, выражающийся в сложившейся системе взглядом на самого себя, на свое окружение и на свое место в этом окружении, и оно выражается в обобщенной системе взглядов на самого себя, в самооценке самого себя, в формировании оснований самоконтроля и самомониторинга своих собственных состояний. Это внутренняя личностная составляющая рефлексивного мировоззрения. В ней существенным является субъективно-личностный компонент системы взглядов, который может быть охарактеризован как рефлексивное личностное самосознание в его процессуальных характеристиках личностного самопознания.

Данный внутренний компонент рефлексивного мировоззрения как форм личностных состояний «для себя» дополняется объективацией внутренних рефлексивных форм самосознания и самопознания в форме предметных рефлексивных форм в виде самовыражения, самопредъявления, самопредставления и самопрезентации. На том уровне рефлексивное мировоззрение становится обобщенной формой личностного самопознания по отношению к окружающему миру. На этом уровне рефлексивное мировоззрение соотносится с окружающим миром, и те внутренние рефлексивные ценности, которые были осмыслены и оценены личностью в процессе внутреннего самопознания, соотносятся с ценностями других людей, социума в целом.

Окончательно рефлексивное мировоззрение формируется в рефлексивном самоопределении, которое, являясь синтезом самопознания и личностного познания, дает возможность определить масштабирование внутренних личностных координат в координатах окружающего мира, найти в нем свое место и определить свою позицию и свой жизненный путь.

Духовно-нравственное наполнение и мировоззренческий потенциал личности в процессе полноценного рефлексивного самоопределения формируют особое качество личности, которое характеризуется как жизнестойкость. Т.В. Конюхова и Е.Н. Конюхова определяют это качество как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства личности. Это ее готовность полноценно

жить и действовать в социуме, развиваться в нем и максимально в нем проявлять свои личностные способности и склонности. Это умение «выживать» в изменившихся условиях, адаптироваться к новым условиям, выявлять и осознавать смыслы, продуцировать цели и продуктивно получать результаты в процессе достижения поставленных целей¹.

С точки зрения А.Н. Фоминовой, жизнестойкость как качество личности включает в себя целый ряд важных параметров². Это, прежде всего, психологическая устойчивость, стойкость, уравновешенность, что позволяет личности в процессе рефлексивного самоопределения стойко противостоять различным жизненным трудностям, неблагоприятному стечению обстоятельств, давлению извне, различным случайностям и превратностям жизни. Психологическая стойкость личности позволяет сохранять постоянный уровень активности, интереса к жизни, хорошего настроения, оптимизма и проявлять такие личностные качества, которые в любых обстоятельствах дают возможность личности полноценно реализоваться.

Личностная устойчивость основывается на глубоком и всестороннем знании личности самого себя, на своей адекватной самооценке и на постоянном самоконтроле своих состояний. Личностная устойчивость определяется, по А.Н. Леонтьеву, личностной свободой и рефлексивной самодетерминацией, а также оптимальным соотношением жизненных смыслообразующих мотивов поведения с определенными личностными поведенческими особенностями, которые становятся личностной поведенческой практикой³. Такие сформировавшиеся особенности личностной поведенческой практики дают возможность личности ориентироваться на те цели, которые поставлены личностью в процессе рефлексивного самоопределения и выражаются в самореализации и самоосуществлении.

С точки зрения В.Франкла⁴, С.Мадди и Д.Кошабы⁵, жизнестойкость – это такое качество личности, которая обрела смысл жизни и четко ориентируется на основании сложившихся личностных духовно-нравственных ценностей в том, каким образом и с помо-

¹ Конюхова Т.В., Конюхова Е.Т. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства // Известия Томского политехнического университета, 2013, № 6, том. 322. – С. 110-114.

² Фоминова А.Н. Жизнестойкость личности. Монография. – М.: Изд-во «Прометей», 2012.

³ Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. – 2000. – № 1.

⁴ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. под общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990.

⁵ Maddi S.R., Koshaba D.M. Resilience at work: how to succeed no matter what life throws at you. – NY: AMACOM, 2005.

щью каких средств эти цели могут быть достигнуты и реализованы как выражение жизненного пути личности.

Рассматривая жизнестойкость как неуклонность рефлексивной жизненной стратегии, мы согласны с такими исследователями, как Г.В. Ванакова¹, И.П. Шкуратова и Е.А. Анненко², жизнестойкость личности в процессе рефлексивного самоопределения выражается, прежде всего, в стремлении личности к такой форме жизнедеятельности, которая позволяет не деградировать, а развиваться даже в ухудшающихся жизненных условиях, при деградации социокультурной среды, это способность личности воспроизвести себя, развить себя и проявить себя оптимальным образом.

Жизнестойкость личности в процессе ее рефлексивной самореализации связана особыми личностными способностями, такими как жизнетворчество, личностный духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал и личностный адаптационный потенциал.

Жизнетворчество есть личностно-ориентированная повседневная поведенческая практика существования и развития, основанная на постоянной коррекции своих отношений с другими людьми и всем окружающим миром посредством расширения всего диапазона своих отношений с этим миром на основе понимания его ценностей и правил, что позволяет оптимально выстраивать свои повседневные и жизненные стратегии таким образом. Чтобы они давали максимальный эффект для адаптации, жизненного роста и личностного развития.

Личностный духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал является интегральной характеристикой личности, личностной зрелости, и он выражает способность личности осваивать окружающее социальное пространство, преодолевать трудности, понимать их причины и условия, предвидеть их и избегать неблагоприятных тенденций развития своих отношений с окружающей средой.

Личностный адаптационный потенциал представляет собой совокупность личностных качеств, включающих в себя психологическую устойчивость, зрелую самооценку личности, понимание себя на основе самопознания, умение себя выразить и представить на основе рефлексивного самовыражения и самопредъявления, обобщить опыт самопознания и социального познания для максимально эффективного приспособления к изменениям окружающей среды, развитые коммуникативные способности, способности усваивать социальные

¹ Ванакова Г.В. Жизнестойкость как социальная и психологическая проблема личности // Г.В. Ванакова // Среднее профессиональное образование. – 2013. – № 1.

² Шкуратова И. П., Анненкова Е. А. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями // Психология кризиса и кризисных состояний. Междисциплинарный ежегодник. 2007. Вып. 4.

смыслы и понимать их, способности транслировать эти смыслы в социальной коммуникации, оценивать социальные условия и максимально их использовать для рефлексивного личностного самоопределения, личностной самореализации и самоосуществления.

Библиография

1. Вальченко С.А. Духовность личности: сущность, структура и уровни развития // 15. Известия Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины. 2014, № 5 (86).
2. Дюбенюк Ю.Л. Духовный капитал. Самосозидание вполне человека. [электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://sites.google.com/site/svobodnyfilosof/home>.
3. Каган С.О. О духовном: опыт категориального анализа // Вопросы философии, 1985. № 9.
4. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков // Вестник образования. – 2009. – Сентябрь.
5. Меньшиков Г. П. Духовная реальность человека. Духовность и религиозность // Философские науки. 2000. № 3.
6. Фромм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу. – М.: 1992.
7. Мангейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. Отв. ред. и сост. Я.М.Бергер. – М.: Юрист, 1994.
8. Конюхова Т.В., Конюхова Е.Т. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства // Известия Томского политехнического университета, 2013, № 6, том. 322. – С. 110-114.
9. Фомина А.Н. Жизнестойкость личности. Монография. – М.: Изд-во «Прометей», 2012.
10. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. – 2000. – №1.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. под общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990.
12. Maddi S.R., Koshaba D.M. Resilience at work: how to succeed no matter what life throws at you. – NY: AMACOM, 2005.
13. Ванаква Г.В. Жизнестойкость как социальная и психологическая проблема личности / Г.В. Ванаква // Среднее профессиональное образование. – 2013. – № 11.
14. Шкуратова. И. П., Анненкова Е. А. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями // Психология кризи-

са и кризисных состояний. Междисциплинарный ежегодник. 2007. Вып.4.

REFERENCES

1. Valchenko S.A. Spirituality of personality: the essence, structure and levels of development [Duhovnost' lichnosti: sushhnost', struktura i urovni razvitija] // 15. Izvestiya Gomel State University named after F. Skorina. 2014, No. 5 (86)

2. Dubenok Yu.L. Spiritual capital. Self-creation is quite human. [Duhovnyj kapital. Samosozidanie vpolne cheloveka.] [Electronic resource] – Access mode URL: <http://sites.google.com/site/svobodnyfilosof/home>

3. Kagan S.O. On the spiritual: the experience of categorical analysis [*O duhovnom: opyt kategorial'nogo analiza*] // Problems of Philosophy, 1985. № 9

4. The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia. [Konceptcija duhovno-nravstvennogo razvitija i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii.] Project / A. Ya. Danilyuk, A. M. Kondakov, V. A. Tishkov // Bulletin of Education. – 2009. – September

5. Menshikov GP The spiritual reality of man. Spirituality and religiosity [Duhovnaja real'nost' cheloveka. Duhovnost' i religioznost'] // Philosophical sciences. 2000. № 3

6. Fromm E. The soul of man, its ability to good and evil. [Dusha cheloveka, ee sposobnost' k dobru i zlu.] - M.: 1992.

7. Mannheim K. The diagnosis of our time [*Diagnoz nashego vremeni*]// Trans. With him. Ans. Red and comp. Y.M. Berger. – M.: Lawyer, 1994

8. Konyukhova TV, Konyukhova E.T. Person's Life-Resistance as a Specific Pattern of Institutions for the Development of Socio-Cultural Space [Zhiznestojkost' lichnosti kak osobyj pattern ustanovok osvoenija sociokul'turnogo prostranstva] // Izvestiya Tomsk Polytechnic University, 2013, no. 6, vol. 322. – P. 110–114

9. Fominova A.N. Life-sustaining personality. Monograph. [Zhiznestojkost' lichnosti. Monografija] - Moscow: Prometey Publishing House, 2012

10. Leontyev DA The psychology of freedom: to the formulation of the problem of self-determination of the person [Psihologija svobody: k postanovke problemy samodeterminacii lichnosti] / DA Leontiev. – Psychological journal. – 2000. – №1.

11. Frankl V. Man in the search for meaning [Chelovek v poiskah smysla] / trans. With the English. And it. Under the Society. Ed. L.Ya. Gozman, D.A. Leontief. - Moscow: Progress, 1990.

12. Maddi S.R., Koshaba D.M. Resilience at work: how to succeed. – NY: AMACOM, 2005

13. Vanakova G.V. Viability as a social and psychological personality problem [Zhiznestojkost' kak social'naja i psihologicheskaja problema lichnosti] / G.V. Vanakova // Secondary vocational education. – 2013. – No. 11

14. Shkuratova. IP, Annenkova E. A..... Physical resources as a factor in coping with crisis situations// [Lichnostnye resursy kak faktor sovladanija s krizisnymi situacijami] «in Psychology of Crisis and Crisis States. Interdisciplinary Yearbook. 2007. Iss. 4.

ДЕМЕНТЬЕВ
Сергей Александрович,
к. социол. н.
sadementiev2014@yandex.ru

DEMENT'EV
Sergej Aleksandrovich,
Candidate of Sociological
Sciences
sadementiev2014@yandex.ru

Информационный конструкт современного человека: социально-антропологический подход/ Information construct modern man: the socio-anthropological approach

Аннотация

В статье освещаются вопросы трансформаций, происходящих с человеком вида «Homo informaticus», который утрачивает свои родовые социальные человеческие признаки и становится своеобразным информационным трансформером – информационным конструктом в сконструированной им и всем человечеством искусственной информационной реальности, которая в свою очередь формулирует свои условия пребывания в ней, свои правила поведения в ней, свои оперативные принципы и кодексы.

Ключевые слова

Информационная среда; информация; информационная безопасность; информационное воздействие; «Homo informaticus»; информационный конструкт; информационный социум.

Annotation

The article highlights the transformation issues occurring with the man kind of «Homo informaticus», which loses its generic social human characteristics and becomes a kind of information transformer - information construct in the engineered them and all mankind artificial informational reality, which in turn formulates its conditions in her own rules of behavior in it, its operational guidelines and codes.

Keywords

Information environment; information; information security; information influence; «Homo informaticus»; Information construct an information society.

Расширение информационной среды, ее проникновение практически во все сферы общественной жизни, бурное развитие информационных и телекоммуникационных технологий делают информационный социум сложной системой, напоминающей высокоорганизованные системы в живой природе. Информационные потоки порождают новые тенденции трансформации традиционного общества, связанные с производством, потреблением, хранением и использованием информации. В социальные процессы внедряются новые акторы, такие как цифровые объекты, информационные фантомы, ризомы, виртуальные феномены, сам человек приобретает статус «Homo informaticus». Этим самым впервые в истории человеческой цивилизации стирается грань между реальным и виртуальным, естественным и искусственным, физически объектным и информационно-предметным, объективным и субъективным. Это не может не приводить к новым формам социальной организации, в частности, к децентрализации социального управления.

Возникает новая картина мира, в которой свое место занимают все информационные фантомы. Эта картина мира является информационно реальной, и ее реальность основывается, прежде всего, на информационной среде. Именно она, на наш взгляд, таит в себе риски и угрозы информационной безопасности человека. Это связано со многими обстоятельствами.

С социально-антропологической точки зрения, прежде всего, меняется способ организации жизни человека. Его социокультурная жизнь наполняется как главным качеством «человечности» в информационную эпоху — это быть участником информационного взаимодействия, информационного обмена, поиска и использования информации. Как «Homo informaticus», человек информационного социума переживает ряд трансформаций, которые позволяют ему быть актором различных он-лайн сетевых сообществ. Интерактивность, анонимность, гипертекстуальность и визуальный характер информационного взаимодействия, как главной формы социальной активности, позволяют человеку вида «Homo informaticus» иметь множество ликов в разных сетевых сообществах, играть, разыгрывая ролевые действия, конструировать свою действительность и себя самого в этой виртуальной действительности.

Это означает, прежде всего, что человек вида «Homo informaticus» утрачивает свои родовые социальные человеческие признаки и становится информационным трансформером. Трансформация своих информационных видофикаций и конструирование себя самого как «Homo informaticus» и своей информационной среды становятся, по сути, его основным способом действия.

Возникает вопрос о том, каким образом подвергается угрозе информационная безопасность личности при таком способе ее функционирования с точки зрения социально-антропологического видения этой проблемы. Если весь внутренний мир личности, вся ее субъективность и социальная субъектность есть информационный фантом, если личность есть вид «Homo informaticus», а ресурсы личности есть ресурсы окружающей информационной среды. В этом плане информационной безопасности человека ничего не угрожает, поскольку его информационные ресурсы и есть ресурсы информационной среды¹.

Человек становится информационным конструктом в сконструированной им и всем человечеством искусственной информационной реальности. Человек действует в информационной среде, которая формулирует свои условия пребывания в ней, свои правила поведения в ней, свои оперативные принципы и кодексы. Более того, как отмечает тот же М. Кастельс, информационная среда программирует человека и управляет его поведением; человек вида «Homo informaticus» становится производной составляющей информационной среды, становится ее придатком². В результате всего человек теряет чисто человеческие социальные признаки, и это выражает характер основных антропологических рисков.

Рискогенность в развитии современной информационной цивилизации в настоящее время стала актуальной темой исследований, в этом плане достаточно указать хотя бы на работы З. Баумана³, У. Бека⁴, Г. Бехмана⁵.

В пользу обращения к рискованному развитию современной цивилизации говорит многое: это усложнение социальных структур и систем, это и нелинейный, альтернативный, неопределенный, а порою и хаотичный характер их развития, это и усложнение управляемости социальными и процессами и многое другое. В этот список, конечно, нужно ввести и непрерывное внедрение инноваций в социальный прогресс, связанных с расширением сферы инфор-

¹ Информационная безопасность человека и общества // Электронная библиотека Грамотей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramotey.com/open/file/1269008041>.

² Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. – Екатеринбург, У-Фактория, 2004.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. (Перевод с английского под ред. В. Л. Иноземцева). - М.: Изд-во Логос, 2002.

⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельнику и Н.Фёдоровой; Посл. А.Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁵ Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. – 2007. – № 1.

мационной среды и усиления ее роли во всех общественных отношениях. Информационные инновации, как показывает анализ, таят в себе много угроз и рисков, и они связаны, прежде всего, с непредсказуемостью конечных результатов их внедрения. Так, К. Майнцер полагает, что инновации способны вызвать как непредсказуемые флуктуации, так и привести к хаосу¹.

Естественно то, что констатацией зависимости внутренних информационных ресурсов личности от информационной среды ограничиться нельзя. В социальном и антропологическом измерении трансформация человека в вид «Homo informaticus» связана с многими параметрами сущностного, функционального и орудийно-операционального характера, но, прежде всего, трансформируется ценностная составляющая человека. С точки зрения Т.Н. Гайфулиной, В.В. Красильникова и В.С. Тоискина², имеет место деформация систем ценностей, которая определяется следующими факторами:

- меняется способ получения информации о текущей ситуации, превращаясь в реакции на внешние информационные потоки;
- меняется сам характер этой информации, трансформируясь от восприятия внешнего мира, его познания и преобразования в простой процесс получения информации из информационной среды;
- меняется сама структура информационного пространства, трансформируясь от социального пространства личного и коллективного социального опыта, пополняемого социальными практиками, в информационное пространство онлайн сетей и информационных взаимодействий;
- меняется весь внутренний мир личности, трансформируясь от личностной системы знаний, менталитета, личных и социальных ценностей, внутренних психических установок, моральных и этических принципов до гипертекстов информационного пространства с его набором информации, правилами, этикетом и принципами.

К этому нужно добавить, что изменяется сам процесс жизнедеятельности человека: он теперь неотъемлемо связан с информационной средой, потому что сам человек вида «Homo informaticus» становится часть этой среды. Его жизнедеятельность и есть функционирование в информационной среде, но функционирование по законам, правилам и принципам информационной среды.

¹ Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум человечество. Новый синтез. – М.: Либроком, 2009. – С. 410.

² Гайфулина Т.Н., Красильников В.В., Тоискин В.С. Антропологические аспекты информационной безопасности личности. [Электронный ресурс]. URL: <http://econt.rae.ru/article/6784>.

Изменяясь, человек изменяет и мир, в котором он живет, он изменяет социум. Телекоммуникации, информационное взаимодействие, Интернет, ролевое участие в жизни онлайн сетевых сообществ, компьютерные игры, сотовая связь – все это разрушает сложившиеся социальные связи и создает новые связи, информационно-цифровые связи. Так и возникает новое общество, электронное информационное общество, состоящее из людей вида «Homo informaticus», социальными связями между которыми служат формы их зависимости от информационной среды и формы взаимодействия в информационной среде.

Новое общество и новый человек в информационную эпоху опираются на новые ценности, совокупность которых образует ценностную культуру. Это культура информационного социума и информационного человека.

В определенном отношении культура может трактоваться как многомерная программа социализации, адаптации, управления и самоуправления, которая задает основные параметры самоорганизации социума и координации людей в этом социуме¹. При этом ценностная культура является ресурсом социума, который форматирует социум, наполняет его смыслами и задает ценностную структурность и упорядоченность. Данная структурность и упорядоченность и есть способ организации социума, который самоорганизуется посредством существующих ценностей и способов их трансляции. В этом плане социум есть система состоявшихся (актуальных), воплощенных (реальных) и возможных (потенциальных) ценностей.

На основании ценностей как некоторых социальных значимостей объектов, процессов и отношений формируются ценностные представления, трактуемые как основания оценок для целеориентированного понимания реальности с точки зрения социальных эталонов и личностных потребностей, и интересов. При этом ценностные представления обретают форму конструкторов, включая в себя кроме указанных социальных стандартов и личностных потребностей и интересов также еще и сложные психические образования в виде установок, мотивов, стереотипов, предпочтений и психических склонностей.

В этом плане ценностные установки как элемент ценностной культуры социума являются сложными образованиями рационально/внерационального характера, которые выступают как программы действий индивидов. Они могут быть осмыслены или существовать как неосмысленные психические феномены влечения и предпочтения, они могут быть вербализованы или быть невербальными ре-

¹ Сельченко К.В. Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения. Научно-исследовательский проект. – Минск, 2000. [Электронный ресурс]. URL: [://http://www.aquarun.ru/ped/axib.html](http://www.aquarun.ru/ped/axib.html).

гулятивами действий, но в любом случае они выступают как некая управляющая поведением индивида информация, вернее, как информационная составляющая управляющей программы, посредством которой организуется и самоорганизуется поведение индивида и его оценки окружающей среды.

Совокупность ценностных представлений формирует субъективный внутренний мир личности, его субъективную реальность. В этой реальности – и оценки мира, и самооценки, и смысловое ценностное ядро личности, и выражение ее индивидуальности, и фокус индивидуальной мотивации, и база личностной предпочтительности, и проекция ценностной матрицы культуры, и индивидуально-личностное творчество, и личностное мировоззрение, и особенный характер индивида.

Ценностное ядро личности строится на основе ценностной матрицы культуры, но оно немыслимо без индивидуального творчества, основанного на автономии личности. Аксиологическая безопасность личности зиждется именно на этом противоречивом единстве сочетания культурной ценностной матрицы общества и автономии личности.

Наряду с ценностями, являющимися традиционными, онтологическими по своему характеру, в информационном социуме возникают новые ценности и новые ценностные ориентации. Информационная форма организации социума на первое место среди ценностей воздвигает информационные ценности. Именно информация, как пишет Л.В. Баева, становится базовой ценностью бытия¹. Информация с точки зрения такого подхода, как пишут Э. Фромм² и В. Франкл³, трактуется как организующее начало, как уменьшение энтропийных свойств любых явлений, в том числе и социальных.

Главенствующая роль информации как ценности в информационном обществе приводит к существенной трансформации всей системы ценностей. Это связано, как утверждает Н.В. Ситкевич, прежде всего, с тенденцией смещения нравственных ценностей на периферию шкалы нравственных оценок. Это характеризуется перемещением интересов членов информационного общества с духовной и познавательной сферы в сферу телесно-вещную и с превращением культа знаний в культ удовольствия и удовлетворения.

¹ Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [² Фромм Э. Душа человека. Пер. с англ. – М.: Республика, 1992.](http://yphil.ru/index.php?option=com; Баева Л.В. Этика и аксиология инновационной науки // Информационное общество. 2011. № 2.</p></div><div data-bbox=)

³ Франкл В. Воля к смыслу. – М.: Апрель-Пресс, изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.

В соответствии с этим, по словам автора, нравственные идеалы больше ориентируются на нормы гедонизма и утилитаризма¹.

Это провоцирует возникновение конфликта ценностей: с одной стороны, информационное общество — это общество, основанное на экономике знаний, а с другой, знания выступают лишь как «путеводитель или навигатор» в системе приобретения жизненных благ и получения удовольствий. При этом часто поведение субъекта не является реальной познавательной или предметно-преобразовательной деятельностью; оно выступает как иллюзорная деятельность в виртуальном мире.

Следствием этого является то, что, реализуя иллюзорную активность (компьютерные игры, поиски развлекательной информации на сайтах, ни к чему не обязывающее общение в сети и т.п.), субъект не отвечает за совершенные действия и принятые решения, ибо такая ответственность также является лишь иллюзорной и виртуальной. Таким образом, из поведенческой модели субъекта напрочь изымается чувство ответственности как важный нравственный критерий.

Наряду с тем, что информация стала главенствующей ценностью информационного социума, его всесторонней реальности, в том числе и повседневной реальности, еще одна реальность вошла в число базовых ценностей. Это виртуальная реальность. Виртуальная реальность — совершенно новый тип реальности, который вошел неотъемлемой составляющей в современную жизнь информационного социума.

В непрерывно расширяющейся информационной среде современного информационного социума имеет место деформация систем ценностей, которая определяется тем, что меняется способ получения информации о текущей ситуации, превращаясь в реакции на внешние информационные потоки, меняется сам характер этой информации, трансформируясь от восприятия внешнего мира, его познания и преобразования в простой процесс получения информации из информационной среды, меняется сама структура информационного пространства, трансформируясь от социального пространства личного и коллективного социального опыта, пополняемого социальными практиками, в информационное пространство онлайн сетей и информационных взаимодействий и, наконец, меняется весь внутренний мир личности, трансформируясь от личностной системы знаний, менталитета, личных и социальных ценностей, внутренних психических установок, моральных и этических принципов до гипертекстов информаци-

¹ Ситкевич Н.В. Особенности трансформации нравственных ценностей в условиях информационного общества. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филос. н.: Новомосковск, 2011. — С. 14.

онного пространства с его набором информации, правилами, этикетом и принципами. Это все изменяет реальную экзистенцию человека, переводя его из реального мира в мир виртуальный.

Библиография

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. – Екатеринбург, У-Фактория, 2004.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. (Перевод с английского под ред. В. Л. Иноземцева). – М.: Изд-во Логос, 2002.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седелнику и Н.Фёдоровой; Посл. А.Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
5. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум человечество. Новый синтез. – М.: Либроком, 2009.
6. Гайфулина Т.Н., Красильников В.В., Тоискин В.С. Антропологические аспекты информационной безопасности личности. [Электронный ресурс]. URL: <http://econt.rae.ru/article/6784>.
7. Сельченко К.В. Аксиологическая безопасность и методы ее обеспечения. Научно-исследовательский проект. – Минск, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aquarun.ru/ped/axib.html>.
8. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yphil.ru/index.php?option=com>.
9. Баева Л.В. Этика и аксиология инновационной науки // Информационное общество. 2011. № 2.
10. Фромм Э. Душа человека. Пер. с англ. – М.: Республика, 1992.
11. Франкл В. Воля к смыслу. – М.: Апрель-Пресс, изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
12. Ситкевич Н.В. Особенности трансформации нравственных ценностей в условиях информационного общества. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филос. н.: Новомосковск, 2011.

REFERENCES

1. Information security of a person and society [Informacionnaja bezopasnost' cheloveka i obshhestva] // Electronic library of Gramotey. [Electronic resource]. URL: [http://www.gramotey.com/open file / 1269008041](http://www.gramotey.com/open_file/1269008041)
2. Castells M. Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society [Galaktika Internet: Razmyslenija ob Internete, biznese i obshhestve] / Trans. With the English. - Ekaterinburg, U-Factoriya, 2004.
3. Bauman Z. Individualized society. [Individualizirovannoe obshhestvo.] (Translated from English under the editorship of VL Inozemtsev). - Moscow: Izd-vo Logos, 2002
4. Beck U. Risk Society. On the way to another modernity. [Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu.] / Trans. With him. V. Sedelniku and N. Fedorova; Seq. A. Filippova. - Moscow: Progress-Traditsiya, 2000.
5. Behman G. Modern society as a society of risk [Sovremennoe obshhestvo kak obshhestvo riska] // Questions of philosophy. - 2007. - No. 1.
6. Mainzer K. The complexity of thinking: Matter, the mind of mankind. A new synthesis. [Slozhnosistemnoe myshlenie: Materija, razum chelovechestvo. Novyj sintez.] - Moscow: Librocom, 2009.
7. Gayfulina TN, Krasilnikov VV, Toiskin VS Anthropological aspects of the information security of the individual. [Antropologicheskie aspekty informacionnoj bezopasnosti lichnosti.] [Electronic resource]. URL: <http://econt.rae.ru/article/6784>
8. Selchenok K.V. Axiological safety and methods of its maintenance. Research project. [Aksiologicheskaja bezopasnost' i metody ee obespechenija. Nauchno-issledovatel'skij proekt.] - Minsk, 2000. [Electronic resource]. URL: // <http://www.aquarun.ru/ped/axib.html>
9. Baeva L.V. [Jelektronnaja kul'tura: opyt filosofskogo analiza.] Electronic culture: the experience of philosophical analysis. - [Electronic resource]. - Access mode: [http / yphil.ru/index.php?option/com](http://yphil.ru/index.php?option/com) ;
10. Baeva L.V. Ethics and axiology of innovative science [Jetika i aksiologija innovacionnoj nauki] // Information Society. 2011. № 2
11. Fromm E. The soul of man. [Dusha cheloveka.] Trans. With the English. - M.: Republic, 1992;
12. Frankl W. Will to the meaning. [Volja k smyslu.] - Moscow: April-Press, publishing house of EKSMO-Press, 2000.
13. Sitkevich N.V. Features of the transformation of moral values in the information society. [Osobennosti transformacii npravstvennyh cennostej v uslovijah informacionnogo obshhestva] Author's abstract. Diss. To the soot. Uch. Art. To. Philos. N: Novomoskovsk, 2011

ПОПЛАВСКАЯ
Ирина Анатольевна,
к. социолог. н.,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
tabirina@live.ru

POPLAVSKAJa
Irina Anatol'evna,
Candidate of Sociological
Sciences Lomonosov Moscow
State University (MSU)
Moscow, Russia
tabirina@live.ru

Социальная структура российского общества в кризисном отражении / The social structure of Russian society in crisis reflection

Аннотация

На основании анализа социологических данных и результатов исследований в статье обозначены изменения социальной структуры российского общества. Социологические замеры фиксируют снижение социального оптимизма и ухудшение структурных изменений. Социальные показатели смещаются в сторону бедности для всех категорий граждан, падает уровень доходов населения, социальное неравенство нарастает.

Ключевые слова

Социальная структура; кризис; власть; политика; социальное неравенство; социальные преобразования.

Abstract

The article is based on sociological data and research results and describes changing social structure of Russian society. Sociological surveys records a decline of social optimism and the deterioration of the structural changes. Social indicators are shifting in the direction of poverty for all categories of citizens, falling income levels, social inequality is growing.

Keywords

Social structure; crisis; power; politics; social inequality; social transformation.

Как известно, эффективное решение стратегических проблем социального развития общества невозможно без четкого представления направлений изменения его социальной структуры.

Социальная структура отражает системное качество общества – его способность и готовность к саморазвитию путем радикального преобразования и обновления своих базовых институтов. Это важнейшее качество общества определяется соотношением влияния и активности социальных сил, заинтересованных в разных сценариях общественного развития и прилагающих разные усилия для реализации этих сценариев. Взаимодействие сотрудничества и конкуренции социальных общностей является движущей силой общественных преобразований.

Исследуя социальную структуру постсоветской России, социологи усматривают в ней элементы средневекового общества¹, архаичного² или полуфеодального сословного³, в котором социальные группы обладают не только разными финансовыми и экономическими возможностями, но и имеют разные правовые и властные статусы. Практически все эти формы в той или иной мере реанимируются в современном российском обществе. Одновременно с ними возникает множество мощных разнонаправленных социальных трендов, каждый из которых доминирует ситуативно. Вопрос заключается в том, какой вектор победит и станет определяющим в ближайшем будущем, найдутся ли содержательные ответы на вызовы времени, будут ли противопоставлены им реальные прогрессивные модели социального преобразования и развития.

Совершенно очевидно, что структура российского общества постсоветского периода формируется по сложной и противоречивой схеме, поэтому природа российских структурообразующих элементов еще будет меняться и современную модель общества нельзя рассматривать как завершенную, стабильную и устойчивую.

Согласно данным, изложенным в Аналитических докладах Института Социологии РАН⁴, население современной России можно ранжировать на пять основных групп:

- *бедствующие* – 22% населения, к ним отнесены группы бедных, выделяемых по абсолютному («по доходам») и депривацион-

¹ Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М., 2008.

² Николаева У.Г. Экономическая архаика и современность. - М., 2005; Николаева У.Г. Грозит ли России новое средневековье. - Независимая газета (НГ-сценарии), 25.10.16.

³ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008.

⁴ Аналитический доклад «Средний класс в современной России: 10 лет спустя». ИС РАН. М., 2014; Аналитический доклад «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя». ИС РАН. М., 2013.

ному («по лишениям») подходам к бедности, бедными они являются давно, глубина их бедности различна;

- *малообеспеченные* – 50% российских граждан – люди, балансирующие на грани бедности, имеющие характеристики многомерной депривации и очень ограниченные возможности изменения своего положения за счет собственных усилий в силу низкой ресурсообеспеченности;

- *среднеобеспеченные* – 17% россиян, доминирующей идентичностью в этой группе выступает идентификация себя со средними слоями;

- *обеспеченные* – 10% граждан, умеющие широко использовать возможности, открывшиеся при переходе к рыночной экономике: они имеют сбережения, ценные бумаги, собственный бизнес, второе и третье жилье;

- *высокообеспеченные* – 1% наиболее состоятельного населения страны, представители крупнейшего капитала и властных структур.

Анализируя данные в определении своего места в социальной иерархии, видно, что во все годы социологических замеров¹ россияне, руководствуясь важными для характеристики их статусной позиции критериями, главным выбирают *уровень материального благосостояния*. Именно поэтому российское общество было и остается обществом смещенных вниз статусных позиций, где *основная часть населения сосредоточена в средних и ниже среднего слоях*². В стране взят курс на формирование широких слоев населения, живущих в «достойной бедности». Такие люди не голодают, но способны обеспечить только свои текущие нужды, и в этом смысле полностью зависимы от государства.

В 2016 году число россиян с доходами ниже прожиточного минимума превысило 19,2 млн. человек, что составляет 13,4% всего населения страны. Реальная зарплата россиян в 2016 г. – минус 9,5% к 2015 году; падение доходов населения увеличилось на 4,7%³, доля среднего класса стремительно сокращается.

По данным исследования Global Wealth Report-2015, проведенного специалистами Credit Suisse, на сегодняшний день в России к среднему классу могут быть причислены только 4,1% взрослого населения. Это один из худших показателей в мире: РФ находит-

¹ Поплавская И.А. Динамика социальной структуры российского общества // Социология. 2015. № 3.

² Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. Новый хронограф: Институт социологии РАН, 2014, с. 64-65.

³ Росстат – Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ (опубликовано 9 февраля 2016).

ся примерно на одном уровне с Аргентиной, Таиландом, Африкой, Индией. Для сравнения: в США на средний класс приходится почти 40%, в странах Западной Европы показатель выше. В тройке лидеров - Австралия, Сингапур и Бельгия, где средний класс – более 60% взрослого населения. Согласно методологии Credit Suisse, чтобы попасть в средний класс, россияне должны получать в год 18 тыс. долл., это почти 100 тыс. руб. в месяц по текущему курсу. К примеру, в Швейцарии условием попадания в средний класс является годовой доход около 73 тыс. долл., что не считается проблематичным для 44,5% взрослого населения страны. С точки зрения распределения богатства, российская экономика стала самой несправедливой в мире: в России 62% богатства принадлежит долларовым миллионерам, с учетом долларовых миллиардеров – 88%, – так оценивают эксперты результаты исследования World Wealth Report-2016, проведенного международной консалтинговой компанией Capgemini. Совершенно очевидно, что если миллионеры контролируют более 80% богатства страны, тогда остается очень мало места для полноценного среднего класса.

Следует уточнить, что в развитых странах в категорию среднего класса попадают не только представители бизнеса, работники банковской сферы, инженеры, юристы, но и школьные учителя, преподаватели, врачи.

Парадоксально, но на фоне падения доходов и вымывания среднего класса россияне не сомневаются в правильности курса страны. По данным ВЦИОМ¹, свыше половины россиян (56%) оценивают текущую экономическую ситуацию в стране как среднюю, и лишь треть (28%) считают ее плохой. Только 17% россиян не согласны с тем, в каком направлении развивается ситуация в стране, тогда как 40% одобряют направление ее развития.

Согласно данным социологического опроса ВЦИОМ², подавляющее большинство россиян волнуют внутренние экономические и социальные проблемы: низкие зарплаты (14%), экономические трудности (14%), инфляция (12%), безработица (12%) и проблемы здравоохранения (12%). Каждый 10-й опрошенный в числе проблемных тем называет образование (10%), социальную политику (9%), низкие пенсии (8%), коррупцию и бюрократию (8%).

По мнению россиян, сугубо внутренние проблемы формируют картину современного российского кризиса, причины которого соз-

¹ Данные ВЦИОМ, пресс-выпуск № 3272 от 21.12.16 «Социальное самочувствие россиян: итоги года».

² Опрос проведен 24-25. 09. 2016 в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и девяти ФО РФ. Данные опросов ВЦИОМ. [Электронный ресурс] www.wciom.ru (дата обращения 10.10.2016).

даны самой Россией. Текущий кризис – это кризис её социально-экономической модели. Но общество продолжает дорожить стабильностью и не готово к переменам. К большей части населения не пришло понимание, что конкурентоспособность нации больше не является следствием наличия у нее природных ресурсов, а определяется рукотворными факторами конкурентного преимущества: государственным управлением, действующими институтами, отношением к собственности, функционированием судебной системой, политической конкуренцией, свободными СМИ, высокими технологиями. Для непрерывного улучшения экономической ситуации в стране требуется переосмыслить базовые, ключевые факторы развития.

Социологические замеры фиксируют падение социального настроения россиян и доверия к институтам власти. Наблюдавшаяся в начале 1990-х годов готовность участвовать в социальных преобразованиях сменилась ностальгией по прежней системе, уверенность в будущем превратилась в массовое разочарование.

Во властных структурах есть понимание острой нужды российского общества в моральной, культурной, интеллектуальной реабилитации, реституции пошатнувшегося этического стандарта. В программной статье главы Правительства Д.Медведева¹ говорится о намерении властей повышать качество государственного управления, проводить структурные реформы через различные институты промышленной политики, улучшать ситуацию на рынке труда, жилья и в сфере госзакупок. В статье не сказано про конкретные планы правительства по стимулированию секторов промышленности, не связанных с нефтегазовой сферой, про налоговые льготы для малого и среднего бизнеса, не упомянута деbüroкратизация и борьба с коррупцией, но есть надежда, что социально-экономическая ситуация в стране рано или поздно заставит власти сверстать более амбициозные планы.

Библиография

1. Аналитический доклад «Средний класс в современной России: 10 лет спустя». ИС РАН. – М., 2014.
2. Аналитический доклад «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя». ИС РАН. – М., 2013.
3. Данные опросов ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: www.wciom.ru (дата обращения 25.12.2016).
4. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.

¹ Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики.// Вопросы экономики.2016. № 10.3.

5. Николаева У.Г. Экономическая архаика и современность. – М.: «Дашков и Г», 2005.
6. Николаева У.Г. Грозит ли России новое средневековье. – Независимая газета (НГ-сценарии), 25.10.16.
7. Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики. // Вопросы экономики. 2016. № 10.
8. Поплавская И.А. Динамика социальной структуры российского общества // Социология. 2015. №3, С. 51-57.
9. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. — 408 с.

REFERENCES

1. Analytical report «The Middle Class in Contemporary Russia: 10 Years Later». [Srednij klass v sovremennoj Rossii: 10 let spustja] IS RAS. - M., 2014.
2. Analytical report «Poverty and inequalities in modern Russia: 10 years later». [Bednost' i neravenstva v sovremennoj Rossii: 10 let spustja] IS RAS. - M., 2013.
3. The data of polls by VCIOM. [Dannye oprosov VCIOM.] [Electronic resource] URL: [www. Wciom.ru](http://www.Wciom.ru) (date of circulation on December 25, 2016).
4. Kordonsky SG Class structure of post-Soviet Russia. [Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii.] - M.: Institute of the Foundation «Public Opinion», 2008. - 216 p.
5. Nikolaeva U.G. Economic archaism and modernity. [Jekonomicheskaja arhaika i sovremennost'] - M.: «Dashkov and G», 2005.
6. Nikolaeva U.G. Is Russia threatening a new Middle Ages? [Grozit li Rossii novoe srednevekov'e.] - Nezavisimaya Gazeta (NG-scenarios), 25.10.16.
7. Medvedev D. Socio-economic development of Russia: finding new dynamics. [Social'no-jekonomicheskoe razvitie Rossii: obretenie novoj dinamiki.] // Issues of economics. 2016. №10.
8. Poplavskaya I.A. Dynamics of the social structure of Russian society [Dinamika social'noj struktury rossijskogo obshhestva] // Sociology. 2015 year. № 3, 51-57 p.
9. Tikhonova N.E. Social structure of Russia: theory and reality. [Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost']- M.: New chronograph: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2014. - 408 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски – постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи.** Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации встраиваются непосредственно в текст статьи.** Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее – на иностранном), он дается в конце статьи.

6. К статье прилагается ее **электронная версия.**

По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы

публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

– **аннотация** (резюме) объемом 15–20 строк на русском и английском языках;

– **список 3–4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

– **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, **должность, ученая степень, а также** данные для связи с автором – адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклоненных материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете:

<http://www.журналпоиск.рф>

RULES OF PUBLICATION

Materials for publication in the journal «P.O.I.S.K» must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. The manuscript should not exceed 10-12 pages. Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. All signs that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. The formulas and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. A numbered bibliography should not exceed 1 pp. (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10- 15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 1 (60)
Январь-Февраль 2017 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II»

Издатель

МГУПС (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210
от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений:
127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф

Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф